

АМФОРА

АДВОКАТ ДЬЯВОЛА

ЭНДРЮ НАЙДЕРМАН

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

АДВОКАТ ДЬЯВОЛА

ЭНДРЮ НАЙДЕРМАН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

2 0 0 5

УДК 82/89
ББК 84(7Сое)6
Н 20

ANDREW NEIDERMAN
The Devil's Advocate

Перевел с английского С. И. Фролёнок

*Издательство выражает благодарность литературному
агентству Andrew Nurnberg и издательству Pocket Books,
подразделению Simon & Schuster, Inc.,
за содействие в приобретении прав*

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Найдерман, Э.

Н 20 Адвокат Дьявола : [роман] / Эндрю Найдерман ; [пер. с англ. С. Фролёнка]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2005. — 446 с. — (Серия «Мистический триллер»).

ISBN 5-94278-851-0 (рус.)

ISBN 0-671-01410-2 (англ.)

Острая логика закона может срезать ростки справедливости. Карающий меч правосудия — отсечь ненужное страдание. Тогда Система будет надежно защищена. Нужно только направить руку закона в правильном направлении...

Именно для этого Дьяволу нужен адвокат — самый лучший из пока еще живых...

Роман Эндрю Найдермана стал основой для одноименного фильма.

УДК 82/89
ББК 84(7Сое)6

© Andrew Neiderman, 1990
© Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2005

ISBN 5-94278-851-0 (рус.)
ISBN 0-671-01410-2 (англ.)

*Аните Диамант,
нашей классной*

ПРОЛОГ

Ричард Джеффи торопливо спускался по величественной парадной лестнице федерального суда нью-йоркского Дворца правосудия. По его виду нельзя было сказать, что только что он выиграл дело, скорее, наоборот. Тонкая челка цвета воронова крыла растрепалась и подпрыгивала на голове в такт шагам, когда он сбегал вниз по каменным ступеням. Прохожие мельком бросали на него случайные взоры. Люди в Нью-Йорке все время торопились куда-то — успеть на поезд, в метро, поймать такси. Часто их просто бессознательно разносило по артериям Манхэттена невидимым, но всемогущим огромным сердцем, заставлявшим город пульсировать в магическом ритме, какого не встретишь больше нигде на свете.

Его клиент Роберт Фанди замешкался и остался позади, захваченный репортерами, облепившими его с бессмысленным упорством рабочих пчел.

Все они выкрикивали одни и те же вопросы: что дало возможность главе крупнейшей в ниж-

нем Ист-Сайде фирмы считать себя невиновным во всех обвинениях в вымогательстве? Был ли этот суд просто политическим процессом, так как здесь велись разговоры о его участии в президентских выборах? И что значили слова главного свидетеля обвинения?

— Леди... и джентльмены... — заявил Фанди, неторопливо доставая кубинскую сигару из нагрудного кармана. Репортеры терпеливо подождали, пока он ее раскурит. — Вы можете обратиться с этими вопросами непосредственно к моему адвокату. Для того я и плачу ему. — Фанди расхохотался.

Репортеры дружно повернулись в сторону Джеффи. Но Ричард уже влез на заднее сиденье лимузина «Джон Милтон и партнеры». Один из самых молодых и ретивых интервьюеров бросился вниз по ступеням с криком:

— Мистер Джеффи, одну секунду, пожалуйста. Мистер Джеффи!

Небольшая толпа аккредитованных репортеров взревела хором, когда дверь лимузина захлопнулась и водитель обошел машину, усаживаясь за руль. Шикарный автомобиль тут же тронулся с места, отъезжая от тротуара.

Ричард Джеффи откинулся на сиденье, напряженно глядя перед собой.

— В офис, сэр? — поинтересовался водитель.

— Нет, Харон. Домой, пожалуйста.

Высокий египтянин, с кожей оливкового оттенка и восточными миндалевидными глазами, посмотрел в зеркало заднего обзора так пристально, словно вглядывался в хрустальный шар, предсказывающий будущее. Последовал почти неразличимый кивок, словно подтверждающий догадку.

— Да, сэр, — ответил Харон.

Выпрямившись на водительском месте, он тронулся со стоическим видом помощника гробовщика, управляющего парадным катафалком.

Ричард Джеффи сидел неподвижно, не меняя позы и даже не поворачивая голову, чтобы посмотреть в окно. Этот еще молодой, тридцатитрехлетний человек, казалось, старился с каждой минутой. Скулы заострились как у покойника, светло-голубые глаза запали, а на лбу прорезались морщины. Он невольно поднес руки к лицу, словно чтобы убедиться, что его еще не тронуло разложение.

Затем, наконец, откинул голову на мягкий подголовник и закрыл глаза. Почти немедленно перед ним возникла Глория, какой она была до переезда в Манхэттен: невинной и крайне доверчивой. Ее оптимизм и вера так возбуждали. Он был готов работать круглые сутки, чтобы сделать ее счастливой, защищать и утешать до самой гробовой доски.

Если бы он только знал, как близка она, эта гробовая доска. Не прошло и месяца с тех пор, как они расстались навсегда, в родильной палате манхэттенской больницы «Мемориал». И это

несмотря на то, что она получила лучшее обслуживание, какое только можно купить за деньги. Беременность внешне протекала совершенно естественно и без осложнений. Она родила здорового малыша с удивительными чертами лица — казалось, в них запечатлен ангельский лик.

Но роды непостижимым образом исчерпали ее жизнь. Доктора не могли объяснить, как могла женщина во цвете лет погибнуть так необъяснимо и жестоко. Просто остановилось сердце.

На самом деле он лучше докторов знал действительную причину смерти. Все лишь подтвердило его подозрения. Он возложил всю вину на себя, потому что не кто иной, как он, довел Глорию до столь печального финала. Она верила ему безоглядно, а он принес ее в жертву как агнца.

Теперь его сын мирно спал в их квартире, с жадностью присасываясь к бутылочке молока и рос как на дрожжах, ничуть не беспокоясь, что вступил в этот мир без матери. Она расплатилась сполна за его появление на свет. Ричард знал — любой психоаналитик объяснил бы, что это так естественно для вдовца: обвинять ребенка, оставшегося сиротой. Только вот никакой, даже самый квалифицированный психоаналитик не знал того, что было известно ему.

Конечно, немислимо и чудовищно винить беспомощное создание. Ричард много раз обращался к доводам рассудка, стараясь уйти от этих мыслей.

Он пытался руководствоваться логикой, пытался заслопиться воспоминаниями о Глории, о ее удивительном искрометном жизнелюбии, чтобы найти путь обратно, к здравому рассудку.

Но ничто не помогало. Он целиком препоручил заботы о ребенке няньке, живущей теперь в доме, и редко интересовался состоянием малыша, не удосуживаясь даже посмотреть на него. Ричард никогда не спрашивал, отчего ребенок плачет, как себя чувствует. Он просто целиком ушел в работу, пытаясь освободиться от мрачных мыслей, обступивших его. Он хотел уйти от воспоминаний, от всего, что связывало его с событиями последних дней. Но чувство вины было невыносимым и неоступным.

Работа стала искусственно воздвигнутой преградой между ним и действительностью, внешним миром, в котором жила трагедия его жизни. Теперь все вновь обрушивалось на него с новой силой, при одном воспоминании об улыбке Глории, о ее поцелуях, которыми она осыпала его, о ее восторге, когда она узнала, что беременна. Сейчас, закрыв глаза, опустив веки точно шторы, укрывшие от внешнего мира, он снова будто прокручивал перед собой пленку домашнего видеофильма, перелистывал страницы их семейного альбома, полного столь сладостных идиллических воспоминаний.

— Приехали, сэр, — сообщил Харон.

Куда приехали? Ричард открыл глаза. Харон распахнул дверь и стоял сбоку на тротуаре в ожидании. Ричард вцепился в портфель и выбрался из лимузина. Он поднял взгляд на Харона. Почти двухметрового роста, этот гигант был на голову выше Ричарда: широкие плечи и пронизательные глаза превращали его в какого-то сказочного великана.

Ричард задержал на нем взгляд, не в силах оторваться от этих глаз. Он прочел в них понимание. Этот немногословный человек прекрасно улавливал суть происходящего. Он понимал Ричарда так, словно они уже долгие века жили рядом.

Ричард слегка кивнул, и Харон захлопнул дверь автомобиля. Затем так же молча направился на водительское место. Ричард посмотрел вслед машине и стал взбираться по ступеням парадного крыльца. Роскошный дом. Глория была в восторге, когда они сюда переехали.

В вестибюле Филип, бывший ньюйоркский полисмен, ныне служивший в секьюрити, оторвался от газеты и, увидев, кто вошел, немедленно выскочил из-за стойки.

— Мои поздравления, мистер Джеффи. Только что слышал сообщение по радио. Как это, наконец, здорово — выиграть еще одно громкое дело.

Ричард улыбнулся.

— Благодарю, Филип. Все в порядке?

— О, в полном ажуре, сэр. В общем, как всегда, — ответил белозубой улыбкой охранник. — Тут так спокойно, не заметишь, как состаришься на работе. — Это была его неизменная шутка.

— Да, — проронил Ричард. — Это уж точно.

Он направился к лифту и замер в нем, точно парализованный, дожидаясь, пока сдвинутся створки дверей. Только тогда снова позволил себе прикрыть глаза, вспоминая, как впервые оказался здесь с Глорией. В каком она была восторге, увидев простор и роскошь нового дома! Она просто визжала от радости, обходя шикарные апартаменты.

— Что я натворил! — пробормотал он.

Глаза его распахнулись вместе с дверями лифта, остановившегося на его этаже. Ричард постоял немного и пошел к дверям своих апартаментов.

За дверью его встретила миссис Лончем, она вышла из детской.

— О, мистер Джеффи, — заворковала она. Няньке было всего пятьдесят, но смотрелась она типичной бабушкой — невысокой, седовласой и круглолицей, с добрыми карими глазами. — Поздравляю вас, мистер Джеффи. Только что смотрела новости по телевизору. Представляете, они даже прервали сериал!

— Спасибо, миссис Лончем.

— Вы ведь не проиграли ни одного дела, с тех пор как работаете в фирме мистера Милтона, не правда ли? — спросила она.

— Нет, миссис Лончем. Ни единого.

— Вы должны гордиться собой.

— Да, — сухо обронил он.

— С Брэдом все в порядке, — тут же заторопилась она, хотя он не спрашивал. Он только коротко кивнул. — Я как раз собиралась дать ему бутылочку.

Видимо, она рассчитывала, что он умилился одной возможностью присутствовать при процессе кормления.

— Ну так идите, пожалуйста.

Она снова заулыбалась и поспешила в детскую.

Бросив портфель, Джеффи огляделся, обводя взором стены просторного помещения. Затем медленными шагами двинулся через гостиную на террасу патио, откуда открывался один из красивейших видов на Гудзон. Однако ни на секунду не остановился, чтобы полюбоваться им. Он шел как человек, твердо знающий, что конкретно он собирается сделать. Ступив на приставленный стул, он ухватился за железный поручень. Затем одним быстрым и ловким движением перебросил через него тело, словно бы хватаясь за руку, протянутую с неба, и устремился вниз головой с высоты пятнадцатого этажа.

Кевин Тейлор, молодой двадцативосьмилетний адвокат, оторвался от бумаг, разложенных по длинному коричневому столу из орехового дерева, и выдержал многозначительную паузу. Он изобразил на лице глубокую задумчивость, как делал всегда перед опросом свидетеля. Кевин часто затевал такой спектакль. Подобные театральные приемы были основаны на знании психологии. Драматическая пауза между вопросами и постоянное просматривание документов, перед тем как сказать что-нибудь, заставляли опрашиваемых нервничать. В этот раз он пытался нагнать страху на директора начальной школы по имени Филипп Корнбл — худощавого бледного мужчину, пятидесяти четырех лет, лысеющего брюнета.

Филипп Корнбл тревожно ерзал на стуле в ожидании допроса. Он выставил перед собой сложенные на груди руки, беспокойно перебирая пальцами. Видимо, подобным жестом он пытался скрыть и тот факт, что руки у него были длинные, как у обезьяны.

Кевин посмотрел на аудиторию. Выражение «воздух можно было резать ножом» тут вполне подходило. Напряженное ожидание охватило публику. Все словно бы прилипло к месту и задержали дыхание. Внезапно помещение осветилось лучами солнца, выстрелившими из высоких окон блисдейлского зала суда. Будто бы неведомый режиссер дал команду осветителю: включился рубильник — и свет прожекторов упал на сцену. Теперь осталось только сказать: «начали!»

Зал был полон, но взгляд Кевина избирательно остановился на человеке в заднем ряду. Он был, в общем, ничем не примечателен, не считая благообразной наружности. Сейчас он смотрел на Кевина, одобрительно качая головой. С такой же довольной улыбкой отец мог бы смотреть на сына, вот только по возрасту мужчина на эту роль не годился. Сорок с небольшим лет, пронеслось в голове Кевина. Этот субъект распространял вокруг себя ауру успеха. Дымчато-серый в полоску костюм от Джорджи Армани выдавал в нем человека зажиточного и респектабельного. Кевин и сам долгое время искал такой костюм на витринах бутиков и фирменных салонов, пока не купил себе нечто подобное: шерстяной двубортный, темно-синего цвета. Правда, приобрел он его в магазине на распродаже, в два раза дешевле, чем это стоило бы у Армани.

Итак, неизвестный одобрительно кивнул Кевину. Это можно было воспринять как сигнал к началу.

Молчание подчеркивалось покашливанием, раздававшимся в зале. Итак, Лоис Уилсон, учительница пятого класса, двадцати восьми лет, обвинялась в совращении подростков в Блисдейле, графство Нассау. Это был спальный район, почти все постоянные жители которого были ньюйоркцами и ежедневно ездили туда на работу. Тем не менее суд состоялся в Блисдейле. С виду вполне провинциальный городок, Блисдейл был местом обитания «вышесреднего» класса общества, с соответствующими домами, виллами и поместьями, чистенькими и достаточно широкими улицами, засаженными кленами и дубами, а также относительно тихим центром. Здесь не было ни шумных универмагов, ни чрезмерно развитой сети магазинов с крикливой рекламой вывесок, бензоколонок, ресторанов и отелей. Эти люди не желали шума — не для того они покупали здесь дома.

Местные обитатели вели тихую замкнутую жизнь своим сообществом, состоявшим из представителей «вышесреднего» класса, то есть тех, кто считал, что вполне достаточно зарабатывает, чтобы обеспечить себе ту жизнь, которую пожелает. В любой момент они могли отправиться в Нью-Йорк, но по возвращении снова попадали в свой охраняемый мирок, нечто вроде «Алисы

в Стране Чудес». И все чудеса здесь были спланированы заранее.

И вот Лоис Уилсон, недавно принятая здесь на работу в начальную школу, обвинялась в сексуальных домогательствах по отношению к десятилетней девочке. Внутришкольное расследование вскрыло еще несколько подобных случаев. Полученная информация, равно как и слухи, подтверждала, что Лоис Уилсон — убежденная лесбиянка. Она снимала дом на окраине Блисдейла на пару с подругой, учительницей иностранного языка в близлежащей средней школе. Никто никогда не видел, чтобы они встречались с мужчинами, но никто не считал их монашками или синими чулками.

В фирме «Бойл, Карлтон и Сесслер» никого не обрадовало, что Кевин взялся за это дело. Он давно искал случая предложить Лоис Уилсон свои услуги и, заполучив дело в свои руки, даже пригрозил немедленно уволиться, если кто-то из старших партнеров в фирме наложит запрет на дело. Он быстро набирал вес в адвокатской конторе, связи и прекрасное знание психологии делили свое дело.

Кевин не дорожил своим местом в фирме, напротив, столь консервативное отношение к закону со стороны партнеров все меньше устраивало его — и даже беспокоило. Он примерно догадывался, что с ним произойдет, если он здесь задержится.

И вот предоставился первый случай разрушить устоявшиеся отношения, первая возможность продемонстрировать свои способности и показать профессиональные качества: проникательность, умение вести процесс и прочее, и прочее. Сейчас он чувствовал себе спортсменом, готовым пойти на олимпийский рекорд. Впрочем, до Олимпа было далеко, на деле местного масштаба далеко не уедешь. Что ж, это не Олимп, но и не заурядный местечковый скандал в колледже. Процесс мог получить отклик в столичных газетах.

Окружной прокурор Мартин Баам тут же предложил Кевину сделку, надеясь спасти положение и не допустить огласки истории в средствах массовой информации, а также избежать любых скандалов. И главное, на что рассчитывал прокурор: Кевин в благодарность не станет впутывать в процесс детей, вызывая их в суд для дачи свидетельских показаний, дабы им не пришлось вновь пройти через все эти мерзости. И, если Лоис искренне раскается в содеянном, она получит всего пять лет условно, в виде испытательного срока, а также будет направлена на принудительное психологическое обследование. Естественно, ее преподавательская карьера на этом закончится.

Однако Кевин рекомендовал обвиняемой не признавать себя виновной, и она дала согласие. Теперь Лоис сидела, с наигранной скромностью уставившись на сложенные на коленях руки: поза,

также рекомендованная Кевинем. Он взял с нее слово ничем не выдавать испуг и презрение к этим людям, храня вид оскорбленной невинности. И она образцово играла роль учительницы, попавшей под ложные обвинения со стороны раздраженных родителей и нерадивых учеников. Время от времени она доставала платок и промакивала глаза.

Всем этим присмам он обучил девушку у себя в кабинете адвокатской конторы «Бойл и партнеры», показав, как пристально надо взирать на свидетелей и как с надеждой поглядывать на судью. Кевин записал все это на видеокамеру, потом продемонстрировал ей, указав на ошибки, отметив, как смотреть, куда и в каких случаях, как поправлять прическу, как держать плечи и жестикулировать. Здесь было важно учесть все до мельчайших деталей: мимика, жесты, позы. «Мы живем в век визуализации, дорогая мисс Уилсон», — объяснял он.

Кевин мельком бросил взгляд на жену, сидевшую в пятом ряду. Мириам Тейлор по укоренившейся семейной традиции присутствовала на процессе мужа. Вид у нее был встревоженный. Да, она переживала за него. Как и Санфорд Бойл, она советовала ему не браться за это дело, но Кевин уже решил все заранее. Такой случай может больше не представиться. Он посвятил себя делу Лоис с пылом, какого не проявлял за все три года

своей адвокатской практики. Он не мог говорить ни о чем другом, проводил собственное адвокатское расследование, работал в выходные, старался куда больше, чем это оправдывалось гонораром. Ни один адвокат не стал бы столько работать исходя из подобной суммы.

Он одарил Мириам улыбкой, понятной лишь им двоим, затем резко повернулся, словно в его теле сработала невидимая пружина.

— Мистер Корнбл, вами были вызваны для собеседования три ученицы. Если не ошибаюсь, это произошло во вторник, третьего ноября?

— Да.

— Предполагаемая жертва, которой моя обвиняемая якобы оказывала знаки внимания — Барбара Стенли, — это она сказала вам о них? — Кевин заранее кивнул, ожидая утвердительного ответа.

— Естественно. Поэтому я и вызвал их к себе в кабинет директора.

— Не могли бы вы рассказать нам, с чего вы начали этот разговор?

— Простите? — Корнбл скривился, озадаченный столь неуместным вопросом.

— Что именно вы пытались узнать? — Кевин направился к присяжным. — Вы спросили, не щипала ли мисс Уилсон их за ягодицы? Интересовались, не залезала ли она им под юбку?

— Само собой, нет. Разве может педагог обращаться к ученицам с подобными вопросами?..

— В таком случае, — оборвал его Кевин, — о чем же конкретно вы их спрашивали?

— Я спросил, не замечали ли они некоторых... осложнений в отношениях Барбары и мисс Уилсон.

— Некоторых осложнений? — подчеркнул адвокат, демонстративно скривившись на последнем слове.

— Да.

— Итак, Барбара Стенли рассказала подругам о том, что якобы с ней произошло, а затем три девочки обменялись своим опытом общения с мисс Уилсон? И при этом никто из трех подружек никому не рассказывал об этом прежде. Вы это утверждаете?

— Да. Именно так оно и было.

— Какая милая десятилетняя девочка, как она умеет воздействовать на подруг, — саркастически заметил Кевин, сделав вид, что это была лишь мысль вслух. У некоторых присяжных брови поползли вверх. Лысый господин в переднем ряду справа задумчиво покачал головой и пристально уставился на директора.

Отвернувшись от скамьи присяжных, Кевин обвел взглядом публику и обратил внимание, что господин важного вида в заднем ряду стал улыбаться еще шире и одобрительно закивал, словно

поощряя его к развитию темы. На миг Кевин подумал, уж не родственник ли это мисс Уилсон, например ее старший брат.

— В таком случае, мистер Корнбл, не расскажете ли вы суду, что за оценки были выставлены Барбаре Стенли в классе Лоис Уилсон?

— Она получила низший балл «С».

— Низший балл, — повторил Кевин. — Значит, у нее прежде были проблемы с мисс Уилсон?

— Да, — пробормотал директор.

— Простите? Нельзя ли поподробнее.

— Да, — директор кашлянул. — Дважды ее отправляли ко мне в кабинет за отказ работать в классе и грубость, но...

— Стало быть, вы признаете, что Барбара не испытывала к мисс Уилсон особо теплых чувств?

— Протестую, Ваша честь, — поднялся с места прокурор округа. — Представитель защиты подталкивает свидетеля к выводам.

— Протест принимается.

— Прошу прощения, Ваша честь. — Грациозно поклонившись судье, Кевин вновь повернулся к Корнблу. — Вернемся к трем нашим девочкам, мистер Корнбл. Вы попросили каждую из них в отдельности рассказать вам о том, что с ними случилось?

— Я полагал, что так будет проще разобраться в сути дела.

— Уж не хотите ли вы, в таком случае, сказать нам, что, пока одна из них рассказывала, другие две присутствовали при этом? — Кевин изобразил на лице ужас от того, что услышал.

— Да, именно так.

— И вы хотите сказать, это педагогично? Вы нуждать одну рассказывать, а других двух выслушивать про такие... непозволительные, должно быть, в вашей школе происшествия?

— Да, но ведь это было внутреннее служебное расследование. Мы должны знать, что происходит с нашими ученицами.

— О, теперь понимаю. У вас, в стенах вашей школы, и прежде случались подобные истории?

— Нет, что вы, никогда. Мы не слыхали ни о чем подобном, — вступился директор за честь школы, зная, что среди публики есть родители. — Именно поэтому нас это так потрясло.

— И вы предупредили девочек, что, если это всплывет наружу, у них могут быть серьезные проблемы?

— Конечно.

— И тем не менее вы склонились к тому, чтобы поверить им, верно?

— Естественно.

— Почему?

— Потому что их рассказ совпадал в деталях. Все трое говорили одно и то же. — Корнбл, по всей видимости, остался доволен собой и своим

ответом, однако Кевин тут же перешел в атаку, приближаясь к свидетелю и беспрерывно осыпая его вопросами с нарастающей скоростью, в манере стаккато.

— И они не могли заранее отрепетировать свое выступление?

— Что?

— Разве не могли они собраться перед этим и припомнить свои истории?

— Я... не понимаю, в чем тут суть.

— Разве это не могло случиться?

— Ну, допустим.

— Вы, как учитель и директор, можете подтвердить, что дети в этом возрасте способны лгать. Вам не доводилось с этим сталкиваться?

— Ну, разумеется.

— А с коллективной ложью никогда не встречались? Могут ли ученицы лгать иногда, быть может, даже всем классом, заступаясь за кого-то или чтоб не выдать своих, не получить дополнительного наказания?

— Да, но...

— В этом нет ничего невозможного, не так ли? — Кевин снова пошел в атаку. — Как вы считаете?

— Полагаю, да.

— Полагаете?

— Ну-у... допускаю.

— Допускаете?

— Да.

— Потом вы вызвали к себе мисс Уилсон и выложили ей все эти истории, сразу после разговора с девочками?

— Да, конечно.

— И какова же была ее реакция?

— Она не стала ничего отрицать.

— Вы хотите сказать, она отказалась говорить на подобные темы без адвоката, не так ли?

Корнбл заерзал.

— Разве не так? — настаивал Кевин.

— Именно так она и ответила.

— После чего вы решили дать делу ход, известили школьного надзирателя, а затем начальника полиции и окружного прокурора?

— Да. Таков порядок. Мы следуем указаниям министерства образования, которые предусматривают подобные действия в таких ситуациях.

— И вы отказались от дальнейшего расследования обстоятельств дела, не стали вызывать других учащихся?

— Конечно же, нет. Зачем травмировать детей?

— И, прежде чем мисс Уилсон была официально обвинена в преступлении, вы отстранили ее от работы, так?

— Как я уже говорил...

— Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

— Да.

— Да! — повторил Кевин, словно это было признание вины. Сделав эффектную паузу, он отвернулся от Корнбла, чтобы лучезарно улыбнуться присяжным, а затем вновь обратился к директору.

— Мистер Корнбл, у вас уже были неприятные разговоры с мисс Уилсон? Кажется, что-то насчет оформления класса?

— Да, приходилось делать ей выговор.

— Почему?

— Доска объявлений в кабинете была слишком маленькой и не соответствовала стандартам комитета по образованию.

— Значит, вы критиковали ее как учителя?

— Оформление кабинета — важная часть работы учителя, ее эффективности, — с апломбом заявил Корнбл.

— М-хм, — протянул адвокат, — значит, по-вашему, скажем так... мисс Уилсон не испытывала должного почтения к доскам объявлений.

— Нет.

— Она была, как вы пишете в характеристике, «небрежна»?

— К несчастью, большинство нынешних учителей уже не получают в колледже того образования, что в былые времена.

При этих словах Корнбл позволил себе пренебрежительную усмешку.

Кевин кивнул. Он знал, как выставить на посмешище чванство старого педеля.

— В самом деле, отчего бы другим людям не брать пример с нас? — Риторический вопрос повис в воздухе.

В зале засмеялись. Судья постучал молотком.

— И, потом, кажется, вы критиковали внешний вид мисс Уилсон, не так ли? — продолжил Кевин.

— Думаю, ей следовало одеваться более... консервативно. Вы знаете, в чем она приходила в школу? Джинсы, глубокое декольте, майки с открытым животом и проткнутым, простите...

— Пупком.

— Не желаю об этом говорить!

— Вы считаете это место у человека неприличным?

— Ближе к делу! — подал голос судья.

— Между тем, — продолжал Кевин, тоже несколько возвышая голос, — заведующий кафедрой, непосредственный начальник мисс Уилсон, высоко оценивал ее педагогические способности. В последнем отчете она названа... — он заглянул в бумагу, — «человеком, имеющим ключ к сердцу детей, глубокое понимание их внутреннего мира. Несмотря на любые трудности, она умеет руководить и побуждать детей к добрым и прекрасным поступкам». — Он отложил документ. — Что скажете, господин директор? Прекрасная характеристика, не правда ли?

— Да, но как я уже говорил...

— У меня нет больше вопросов, Ваша честь!

На этой мажорной ноте Кевин прервался и направился обратно к своему столу, с пылающим от гнева лицом: он умел в любую секунду возбуждать в себе это состояние — один из его приемов. Все взоры были прикованы к нему, внимание публики сосредоточилось на адвокате, так искренне переживающем за подзащитную. Краем глаза он заметил, что улыбка сошла с лица элегантного господина в последнем ряду — ее сменило выражение неподдельного гнева. Кевин ощутил необыкновенный подъем, словно бы уже находился на пути к триумфу.

Мириам сидела с убитым видом, чуть не плача. Она вскинула глаза. «Ей стыдно за меня — обожгло его сердце. — Мой Бог, для кого я все это делаю?»

— Мистер Баам, будут еще вопросы к мистру Корнблу?

— Нет, Ваша честь. Мы хотели бы вызвать для свидетельских показаний Барбару Стенли, Ваша честь, — заявил прокурор округа с некоторой дрожью в голосе.

Кевин обнадеживающе потрепал Лоис Уилсон по руке. Он подходил к самой сути дела и процесса, к удару, после которого обвинение рассыплется как колосс на глиняных ногах, как замок из песка, как чучело из кукурузных початков. Он под-

бирался к сути. Сейчас он нанесет удар в самое уязвимое место, после чего государственному обвинителю не останется ничего, кроме как признать свое поражение.

Круглолицая толстощекая девочка, с кудряшками цвета корицы и челкой на лбу, нерешительно приблизилась к барьеру. Пока она шла по проходу, все украдкой бросали на нее любопытные взоры. Десятилетняя девочка-подросток была в светло-голубом платьице с оборочками, кружевным воротничком и пышными рукавичками. Столь трогательный детский наряд, казалось, был призван подчеркнуть ее невинность. В то же время некоторая мешковатость просторного платья скрывала полноту этой маленькой толстушки.

Она волнуясь заняла свое место и подняла руку для присяги. Кевин кивнул и метнул взгляд на Мартина Баама. Девочка была неплохо подготовлена. Баам тоже провел предварительную работу по процессу; но Кевин все равно ощущал себя на коне — ведь он готовился куда более тщательно. Окружному прокурору не уйти от поражения.

— Барбара... — начал Мартин Баам, приближаясь к ней.

— Один момент, мистер Баам, — вмешался судья. Он наклонился к Барбаре Стенли. — Барбара, ты понимаешь, что только что присягнула говорить правду... и только правду?

Барбара мельком взглянула на публику, затем повернулась к судье и кивнула.

— И ты понимаешь, насколько важно может быть то, что ты здесь скажешь?

Она снова кивнула, в этот раз менее решительно.

Судья откинулся назад.

— Приступайте, мистер Баам.

— Благодарю, Ваша честь. — Баам выдвинулся к месту свидетеля. Прокурор, высокий жилистый мужчина, был на подъеме многообещающей политической карьеры. Это дело было ему совсем не по душе — больше всего он боялся связать свое имя с каким-нибудь грязным процессом, и посему надеялся, что Кевин со своей подзащитной Лоис Уилсон примут его предложение не поднимать лишнего шума. Однако они не пошли у него на поводу — и вот ему приходится разбираться с показаниями десятилетних детей.

— Я хотел бы, чтобы ты, Барбара, рассказала суду то, что уже говорила мистеру Корнблу в директорском кабинете, в тот самый день, когда все случилось. Не торопись, говори спокойно.

Девочка нервно оглянулась на Лоис. Кевин велел той пристально смотреть на детей, особенно на трех подружек, которые будут подтверждать обвинения Барбары Стенли.

— Ну... иногда, когда у нас были... занятия по искусству...

— Занятия по искусству, — повторил прокурор. — Объясни, пожалуйста, подробнее, что это такое, Барбара.

— Искусство или музыка. Тогда класс идет к учителю гуманитарных предметов или к учителю музыки, — девочка говорила заученно, как по бумажке, прикрыв глаза и словно бы припоминая все, чему ее научили перед процессом. Кевин видел, что она плохо справляется с возложенной на нее ролью. Ей с трудом удастся попадать в задуманное прокурором русло поведения. Оглянувшись, он заметил несколько усмехающихся лиц среди публики. Однако джентльмен в черном смотрел напряженно, даже гневно.

— Понятно, — поддакнул Баам, кивая, — Итак, все ушли в другой кабинет, я правильно тебя понял?

— Угу. — Девочка кивнула, вздыхая.

— Пожалуйста, говори «да» или «нет», Барбара, когда отвечаешь на мои вопросы. Договорились?

«Вы уже давно договорились». — скрипнул зубами Кевин.

— Ну... то есть да.

— И вот, когда все уходили из классного кабинета... — подсказывал Баам.

«Ах ты, сказочник. Еще и помогаешь ребенку излагать свой сценарий», — подумал Кевин.

— Мисс Уилсон просила одну из нас остаться, — повторяла Барбара затверженный текст.

— Остаться? Остаться в классе наедине с ней?

— Ну... да.

— И?

— И однажды меня она тоже попросила.

— И ты что-нибудь рассказывала про тот раз мистеру Корнблу?

Барбара чуть развернулась, избегая взгляда Лоис. После чего порывисто вздохнула и продолжила рассказ.

— Мисс Уилсон попросила меня сесть рядом с ней и сказала, что, когда я вырасту, то стану очень красивой и симпатичной, только для этого нужно знать свое тело и заниматься им. Надо знать такие вещи, о которых взрослые не любят говорить.

Она запнулась и потупила глаза.

— Продолжай.

— Она сказала, что на теле есть особенные укромные места.

— Особенности укромные места?

— М-м... да.

— И что же она поведала тебе об этих местах, Барбара?

Девочка снова стрельнула взглядом в сторону своей бывшей «классной» и тут же опасливо повернулась к Бааму, как к своей единственной опоре.

— Так чему же она хотела научить тебя, Барбара? — повторил вопрос прокурор.

— Что чувствуешь нечто особенное, когда кто-нибудь... притрагивается к ним.

— Ясно. И что же она после этого делала? — Он подбадривающе кивнул.

— Она показывала мне эти места.

— Показывала? Каким образом?

— Показала, а потом попросила позволить ей потрогать, чтобы я это почувствовала.

— И ты позволила ей, Барбара?

Сжав губы, девочка кивнула.

— То есть — «да»?

— Да.

— И где же именно она трогала тебя?

— Тут и там, — сказала Барбара, указывая сначала на грудь, а потом между ног.

— Она только трогала тебя или делала что-то еще?

Барбара закусила нижнюю губу.

— Это трудно, Барбара, мы все понимаем. И тем не менее мы вызвали тебя для того, чтобы справедливость восторжествовала. То, что мы делаем, — хорошо, расскажи и избавься от дурного.

«Под исповедника работает», — ехидно подумал Кевин.

— Ты ведь все поняла, девочка моя?

Она кивнула.

— Смелее, расскажи суду. Чем еще занималась мисс Уилсон?

— Потом она... положила руку вот сюда, — сказала Барбара, укладывая правую ладонь ниже живота.

— Положила? Вот сюда? Прямо сюда? Ты имеешь в виду, под одежду?

— Да.

— И что произошло потом?

— Она стала спрашивать, что я чувствую. То есть не чувствую ли при этом что-то особенное, то есть необычное, — сбиваясь, продолжал ребенок. — Я сказала, что это просто щекотно, и тогда она рассердилась и убрала руку. Она сказала, что я еще слишком маленькая и не готова понять этого, но она попробует потом со мной в другой раз.

— И попробовала?

— Не со мной, — быстро сказала Барбара.

— А с твоими подружками, другими девочками из класса?

— Да. — пропыхтела толстушка.

— И, когда ты рассказала им, чем вы занимались с мисс Уилсон, оказалось, что с ними она делала то же самое, верно?

— Да.

Ропот прокатился среди присутствующих. Судья укоризненно взглянул на публику, и зал стих.

«Точно школьный учитель, — ядовито подумал Кевин, — наводит порядок в классной комнате».

— После чего вы решили рассказать все это мистеру Корнблуду?

— Да.

— Хорошо, Барбара. Теперь мистер Тейлор наверняка тоже захочет задать тебе несколько вопросов. Будь так же правдива с ним, как ты была правдива со мной, — напутственно произнес Мартин Баам и обернулся к Кевину, укоризненно покачивая головой.

Прокурор оказался способным актером, он имел понятие о драматических эффектах, которые могли произвести впечатление на присяжных и публику.

«Ничего, я это тебе еще припомню. Надо же: „будь с ним так же правдива, как и со мной“».

— Барбара, — Кевин начал, еще не вставая с места. — Полное имя, если не ошибаюсь, Барбара Элизабет Стенли? — Тон его был дружеским и располагающим.

— Да.

— В вашем классе есть еще одна девочка, которую зовут Барбара, не так ли?

Она кивнула, и Кевин не стал настаивать на прямом ответе. Он не собирался уподобляться сейчас прокурору, домогавшемуся правды от ребенка. Он тихо приближался к ней, по-прежнему улыбаясь.

— Только вот ее полное имя — Барбара Луиз Мартин, и, чтобы вас не путать, мисс Уилсон называла ее Барбара Луиз, а тебя — просто Барбара, это так?

— Да.

— Тебе нравится Барбара Луиз? Какие чувства ты к ней испытываешь?

Она пожала плечами.

— Тебе никогда не казалось, что мисс Уилсон, называя твою одноклассницу твоим именем, относится к твоей тезке лучше, чем к тебе?

Барбара покосилась на Лоис, заметно сощурив глаза.

— Да, — сказала она.

Видимо, обида глубоко гнездилась в ребенке, раз она смогла признаться в этом даже перед толпой.

— Потому что Барбара Луиз лучше учится. Или скажем так — является более успешной ученицей в классе?

— Не знаю.

— И потому что Барбаре Луиз никогда не делали замечаний за бранные слова, как тебе?

— Я не знаю.

— Ты никогда не пыталась подговорить других девочек, настроить их против Барбары Луиз?

— Нет.

— Теперь, Барбара, позволь напомнить тебе, что говорил судья. Ты должна говорить правду

и только правду, поскольку находишься в суде присяжных. Ты говоришь правду?

— Да.

— Ты не передавала на уроках записки своим подругам — записки, в которых высмеивалась вторая Барбара?

Губы девочки задрожали.

— Разве мисс Уилсон не поймала тебя с одной из подобных записок? — спросил адвокат, утвердительно кивая.

Барбара подняла глаза на Лоис Уилсон, а затем перевела взгляд в зал, туда, где сидели ее родители.

— Мисс Уилсон вела достаточно подробные записи о происходящем на уроках в ее классе, — заявил Кевин, оборачиваясь к Корнблу. — И записки эти сохранились. — Кевин развернул вдвое сложенный лист. — «Давайте звать ее Барбара Лузер»*, — написала ты как-то раз, не знаю уж, кому именно было адресовано такое послание, но скорее всего оно, как обычно делается, передавалось по классу, с парты на парту. Как следствие — множество учащихся стали называть ее именно так. Так? — Барбара не отвечала. — И твои подружки, с которыми вы вместе ходили жаловаться на мисс Уилсон, также присоединились к тебе и стали унижать одноклассницу, верно?

* Loser (англ.) — проигравший, потерявший.

— Да, — произнесла Барбара уже сквозь слезы.

— Значит, ты просто лгала, отвечая на мой вопрос, не пыталась ли ты третировать одноклассницу, Барбару Луиз, не так ли? — с вызовом спросил Кевин, и в голосе его внезапно зазвучал металл.

Барбара Стенли закусила губу, пытаясь не разрыдаться.

— Разве не так? — настаивал он.

Она кивнула.

— Так, может, ты лгала и насчет остального? Когда отвечала на вопросы мистера Баама, а?

— Нет, — пропищала девочка.

Кевин спиной чувствовал обжигающие взгляды зрителей. По щеке бывшей ученицы мисс Уилсон скатилась крупная слеза: она не успела высохнуть на лице и повисла на подбородке.

— Ты же всегда хотела, чтобы мисс Уилсон относилась к тебе так же хорошо, как и к Барбаре Луиз? Так, Барбара?

Она передернула плечами.

— Ведь ты всегда стремилась стать лидером в классе, чтобы все, включая мальчиков, обращали на тебя внимание?

— Нет.

— В самом деле? И ты снова не лжешь? — Он метнул взор в присяжных. — Ты же сама говорила об этом Мэри Лестер, не так ли?

Девочка попыталась было усердно замотать головой, но Кевин усилил атаку.

— Я мог бы попросить Мэри прийти сюда, Барбара, чтобы напомнить тебе, что есть правда, а что ложь. Ты ведь рассказывала ей о том, как хочешь, чтобы все презирали Барбару Луиз, а любил только тебя? — спросил он бархатным голосом.

— Да...

— Значит, Барбара Луиз была популярной девочкой в классе, не так ли?

— Кгм... да.

— Именно такой ты и хотела стать, верно? Да и кто бы не хотел? — риторически продолжил он. — Ведь верно же? — еще раз спросил Кевин почти с насмешкой.

Барбара впала в ступор. Она не знала, должна ли отвечать на такой вопрос, и если должна, то как?

Но Кевину и не нужен был ответ. Он пускал в ход ораторские способности, с успехом воздействуя на аудиторию и, прежде всего, на присяжных. Что, впрочем, одно и то же. Мнение присяжных нередко подчиняется голосу толпы.

— И вот теперь ты, Барбара, вместе с остальными девочками обвиняешь мисс Уилсон в сексуальных домогательствах...

Барбара кивнула, чуть приподняв глаза. Кевин остановил на ней взор.

— Да, — наконец выдавила она.

— Это был твой первый сексуальный опыт и ты еще ни о чем подобном не слыхала, про «там» и «тут», Барбара? — быстро спросил он.

Публика ахнула, парализованная подобной атакой на ребенка со стороны адвоката, по рядам пронесся разгневанный гул голосов, слышались сердитые реплики. Это напоминало камерный оркестр, исполняющий за его спиной «Полет шмеля». Как бы ни грозен был шум, сейчас, в преддверии триумфа, он казался Кевину сладкой музыкой.

Судья между тем застучал, останавливая шум.

Барбара медленно кивнула.

— Это значит «да»?

— Да, — ответила она.

— А как насчет того случая, когда вы с Паулой, Сарой и Мэри позвали Джеральда с Тони к тебе домой после школы, когда родителей не было и все домашние разъехались? — вкрадчиво спросил Кевин.

Барбара густо покраснела. Она выглядела совершенно беспомощной.

Кевин придвинулся ближе и, понизив голос, почти шепотом, впрочем, достаточно громким, спросил:

— Ты знаешь, что Мэри рассказала мисс Уилсон про эту встречу у тебя дома, Барбара?

Барбара с ужасом посмотрела на него. Она замотала головой.

Кевин улыбнулся, показывая ряд ухоженных белоснежных зубов. Когда он посмотрел на Мартина Баама, то мгновенно заметил смущение на его лице. Кевин учтиво поклонился прокурору

и ухмыльнулся присяжным, словно волк из сказки про Красную Шапочку, которому удалось доконать бабушку, а потом свалить все на внучку.

— Ведь ты не очень хорошо вела себя на уроках мисс Уилсон, не правда ли, детка? — спросил он снова беззаботно-дружеским тоном.

— Нет. — Барбара отерла слезу. — Но я не виновата, — торопливо добавила она, видимо, обрадованная тем, что вопросы изменили направление.

Кевин остановился, словно задумавшись, но затем снова повернулся к ней, точно палач, вспомнивший, что пытка еще не завершена.

— Так ты считаешь, мисс Уилсон тебя не любит и плохо к тебе относится? Устраивает тебе всякие неприятности?

— Да.

— Видимо, ты не хотела, чтобы она была твоим классным руководителем?

Барбара поежилась от пристального взгляда Лоис. Она пожала плечами.

— Так нет? Или да? — наседал Кевин.

— Я просто хотела, чтобы она перестала придираться.

— Понимаю. Все в порядке, Барбара. И когда же случился предполагаемый инцидент между тобой и мисс Уилсон? Какого примерно числа?

— Протестую, Ваша честь! — заявил Баам, поспешно вскакивая. — Не думаю, что девочка

находится в таком возрасте, чтобы точно запоминать даты.

— Ваша честь, эту маленькую девочку защита рассматривает как главного свидетеля обвинения, выдвинутого против моего клиента. Мы не можем опираться на случайные воспоминания ребенка о столь немаловажном факте, который, по утверждению обвиняющей стороны, имел место. Обвинение весьма серьезно.

Кевин знал, что делает. Он шел напролом, рискуя всем, в том числе и собственной карьерой. Потому что это был его шанс.

Кевин продолжал:

— И, если показания окажутся неполными, воспоминания — обрывочными, в таком случае...

— Хорошо, мистер Тейлор. Вы обозначили свою позицию. Протест отклоняется. Задавайте ваш вопрос, мистер Тейлор.

— Благодарю, Ваша честь. Итак, Барбара, забудем про число. Скажи просто день недели. Когда это случилось: в понедельник, вторник?

Кевин задавал вопросы умышленно быстро, практически насканивая на ребенка.

— Ммм... во вторник.

— Точно во вторник? — Он сделал еще один шаг по направлению к ней.

— Да.

— Но по расписанию, Барбара, во вторник у вас нет занятий по искусству, — возразил он,

не без оснований рассчитывая, что приведет ее в замешательство.

Она беспомощно оглянулась вокруг и растерянно промямлила:

— Значит, в четверг.

— Значит, в четверг. И ты уверена, что это был не понедельник? — Она покачала головой. — Известно, что мисс Уилсон в перерыв часто уходила в учительскую, и почти никогда не оставалась в кабинете, когда там не было учащихся.

Барбара бессмысленно уставилась в пустоту.

— Так это был четверг?

— Да, — едва слышно вымолвила она.

— Значит, и с другими девочками это тоже случалось по четвергам? — спросил он, словно не меньше, чем она был озадачен этим фактом.

— Протестую, Ваша честь. Ее не готовили по остальным свидетельским показаниям.

— Напротив, — возразил Кевин, — я утверждаю обратное: девочка хорошо подготовлена.

— Что-о? — прогремел голос прокурора.

— Джентльмены. — Судья постучал молотком. — Протест принят. Мистер Тейлор, ограничьтесь в своих вопросах показаниями свидетельской стороны.

— Прекрасно, Ваша честь. Барбара, когда ты рассказала остальным девочкам о том, что с тобой случилось? Сразу после того, как вышла из

класса? — спросил Кевин, не дожидаясь, пока она успеет оправиться.

— Нет.

— Ты рассказала им об этом у себя дома?

— Я...

— Случайно не в тот самый день, когда вы собирались с Джеральдом и Тони?

Девочка медлила с ответом, не то раздумывая, не то чувствуя расставленную ловушку.

— Ведь именно тогда ты и рассказала им обо всем, правильно? И по какой причине вы устроили сбор у тебя дома? Видимо, происходило нечто такое, что и натолкнуло тебя на мысль рассказать обо всем?

Слезы вновь заструились по лицу Барбары. Она потрясла головой.

— Если ты хочешь, чтобы тебе поверили, Барбара, ты должна все рассказать. Иначе какая цена твоему свидетельству против мисс Уилсон? Хорошие девочки рассказывают обо всем, — зачем-то добавил он. — И значит, ты должна объяснить причину, по которой ты вдруг заговорила о мисс Уилсон. Чем вы там таким занимались?

На лице Барбары проступил ужас.

— Если ты сейчас скажешь правду, все кончится, — пообещал он. — Тогда тебе не придется объяснять все остальное, — добавил он, почти шепотом. Девочку, казалось, парализовало. —

Барбара? Барбара-а? — позвал Кевин. — Я еще здесь. Жду твоего ответа.

— Ваша честь, — вмешался Баам. — Мистер Тейлор оказывает давление на свидетельницу.

— Я так не думаю, мистер Баам, — отозвался судья. Он опять склонился к Барбаре. — Барбара, ты должна ответить на вопрос.

— Ты лгала мистеру Корнблу, потому что была настроена против мисс Уилсон? — снова быстро спросил Кевин. Это был грандиозный ход обвинения трещит по швам, она уже готова дать положительный ответ. Боковым зрением Кевин отметил, как действовали его слова на присяжных: брови снова поползли вверх.

Барбара затрясла головой, но вместо ответа по ее щекам одна за другой струились слезы.

— Ты понимаешь, что можешь погубить карьеру и разрушить жизнь свой учительницы, наговаривая на нее? — Кевин отодвинулся в сторону так, чтобы девочка могла напрямую встретиться взглядом с Лоис Уилсон. — Это уже не игра. Это дело не из разряда тех игр, которыми вы занимались там, у тебя дома, типа «укромных местечек», — добавил Кевин громким шепотом, и лицо девочки вспыхнуло, словно охваченное огнем. Глаза ее округлились от страха и отчаяния. Она затравленно смотрела на собравшуюся перед ней толпу.

— Если ты немедленно не расскажешь все, как было, будет только хуже. Еще не поздно все

исправить. Не солги сейчас, и все можно будет изменить. Это лучше, чем продолжать нас обманывать, Барбара.

Кевин возвышался над ней, приняв грозный вид защитника справедливости и сверкая глазами. Потом отступил, как чемпион, готовый нанести последний, решающий удар и повергнуть противника в нокдаун.

— Ведь мисс Уилсон на самом деле никогда не трогала остальных девочек. Они просто согласились наговорить на нее — и именно из-за того, чем вы там занимались, у тебя дома, не так ли? Ты пригрозила им, что все расскажешь, если они не помогут тебе.

Барбара открыла рот. Лицо ее побагровело. Она в полном отчаянии смотрела на родителей. Кевин заслонил ее от прокурора, чтобы в этот решающий момент она не могла встретиться с ним взглядом и получить поддержку.

— Не обязательно рассказывать о том, что происходило у тебя дома, — сказал он снисходительным тоном, — но разве ты, Барбара, не говорила своим друзьям, что и как надо сказать? Барбара? — позвал он ее, добиваясь желанного ответа. — Когда сюда приведут остальных девочек, нам придется узнать все до конца: что и как случилось в тот день, и чем вы там занимались. Им придется рассказать все начистоту. А если ты сейчас ответишь мне, то нам не понадобится их

слушать. Так это ты сказала им, что именно они должны говорить?

— Да, — пробормотала она, почти благодарная за отсрочку, которую он ей предоставил.

— Что?

— Да!

Она ударилась в слезы.

— И, стало быть, они рассказали мистеру Корнблу именно то, что ты им велела сказать, — заключил он.

Затем обратился к присяжным. На лице его при этом было причудливое сочетание праведного гнева и одновременно сострадания. Все присяжные посмотрели на девочку, затем перевели взгляд на Кевина.

— Но я не лгала, когда рассказывала ему! Я не обманывала! Не лгала! — крикнула Барбара сквозь слезы.

— Мне кажется, Барбара, ты успела немало соврать за то время, пока находишься здесь. — Повернувшись, он укоризненно покачал головой, глядя на окружного прокурора.

Барбара так рыдала, что ее пришлось увести из зала в боковую дверь.

Довольный собой, Кевин вернулся на место, поглядывая на публику. Большинство было шокировано происходящим, некоторые были донельзя смущены или же просто находились в полном смятении, не отдавая себе отчета в том, что, собст-

венно, здесь творится. Мистер Корнбл насупился, сознавая, что выставлен дураком. Джентльмен в заднем ряду улыбался ему, как лучшему другу, а Мириам потерянно качала головой и терла платком глаза.

Лоис Уилсон ожидала сигнала. Кевин кивнул, и она, как он учил, посмотрела вокруг всепрощающим взором и стала вытирать свои старательно отретипированные слезы.

Окружной прокурор поднялся с места. Одарив судью и остальных присутствующих холодным взором, он принял вид человека, которому уже известно, насколько бесплодным окажется обвинительное заключение.

«Брэмбл Инн» считался одним из лучших ресторанов в окрестностях Блисдейла. Это был недорогой английский ресторан, знаменитый ягненком на углях и домашним бисквитом, пропитанным вином и залитым сливками. Кевин и Мириам нравились местный интерьер, начиная с мощеной дорожки аллеи до большого холла со скамейками из древесины гикори* и камина, сложенного из кирпичей. Для семейной четы Тейлор ничто не казалось столь же романтичным, как в снежный вечер зайти на огонек в «Брэмбл Инн», посидеть за стойкой бара за коктейлями, под треск и постреливание дров и гудение огня в камине. Как всегда, в ресторанчике толпилась обычная клиентура из представителей «вышесреднего» класса, зажиточной инженерно-адвокатской прослойки. Кевин со многими был здесь знаком. Временами кто-то останавливался, чтобы

* Гикори — вид орешника, растущего в Северной Америке.

выразить свои поздравления. В минуты, когда их оставляли в покое, он терся плечом о Мириам и нежно целовал в щеку.

Почти месяц назад Мириам купила черную кожаную юбку и куртку, которые были на ней в этот вечер — до сих пор она старательно прятала эти вещи в шкафу, дожидаясь случая. Хотела удивить Кевина. Плотная облегающая юбка подчеркивала линии пышных бедер и крепких ягодиц, выставляя напоказ совершенной формы ноги. Весьма соблазнительно, и в то же время не слишком бросалось в глаза. Она была сексапильной ровно настолько, чтобы в ней можно было спокойно посещать общественные места. Под курткой у нее была вязаная блузка белозеленых тонов, как будто специально придуманная, чтобы обтягивать аппетитную грудь и небольшие округлые плечи.

При росте сто семьдесят пять сантиметров, с роскошными волнистыми волосами, ниспадавшими на плечи, Мириам Тейлор быстро выделялась в любом окружении, достаточно ей было переступить порог. Она училась в манхэттенской школе моделей у Мари Саймонс и, не выступая на подиуме, сохранила осанку и стиль, который чувствовался в каждом ее движении.

Но Кевин сперва влюбился в ее голос — низкий, грудной, сексуальный, как у Лорен Бэколл. Он часто просил ее повторить фразу из любимого

фильма: «Сэ-эм, свистеть — это же очень просто — нужно сложить губы трубочкой... вот так... и дунуть».

Стоило ей остановить на нем свои карие, орехового оттенка, глаза, приподнять плечико и сказать это, заменив «Сэма» на «Кевина», как у него что-то проворачивалось в желудке и сердце сжималось, словно сдавленное чьей-то невидимой рукой. Она могла делать с ним, что угодно, — он согласился бы надеть ошейник и ходить у нее на поводке, подчиняясь беспрекословно. Не было ничего, что бы он ни сделал для нее.

— Я женолюб, — признавался он ей. — Редко встречающийся грех чрезмерного обожания супруги. С того момента как я тебя встретил, я преступил первую Заповедь: «Не сотвори себе Бога иного».

Они познакомились на вечеринке в фирме «Бойл, Карлтон и Сесслер», состоявшейся в честь открытия новой конторы в недавно отстроенном здании в Блисдейле. Мириам пришла с родителями. Ее отец, Артур Моррис, был лучшим дантистом Блисдейла. Санфорд Бойл представил Кевина ей и ее родителям, и с этого момента они так и прилипли друг к другу, обмениваясь улыбками и взорами, и беспрерывно болтали до самого конца вечеринки. Они уже не могли расстаться. Мириам приняла его приглашение поужинать вместе, и у них завязался бурный роман, который бы-

стро набирал обороты. Не прошло и месяца, как он сделал предложение.

Теперь, когда они сидели в любимом баре, наслаждаясь победой, Мириам отмечала изменения, произошедшие с ним со дня их первой встречи.

«Как он возмужал», — думала она. Кевин выглядел значительно старше своих двадцати восьми лет. Зрелость, спокойное достоинство и даже самоуверенность в зеленых нефритовых глазах, в жестках наводили на мысль о куда большем возрасте и жизненном опыте. Подтянутая фигура, атлетическое сложение вызывали симпатию с первого взгляда. Кевин был весьма энергичен, его часто буревали сильные эмоции, но он умел сдерживаться и контролировать себя.

Ее обожаемый муж был настолько респектабелен и амбициозен, что она часто поддразнивала его словами из старого шлягера, сингла Рэя Дэвиса «Очень респектабельный мужчина».

— Скажи, о чем все-таки ты думала там, на процессе? Разве ты не испытывала хоть ма-ахонькой гордости за меня?

— Ох, Кевин, я не говорю, что я не гордилась тобой. Ты был... профессионален, уверен в себе, — отозвалась Мириам, не в силах избавиться от этого наваждения: заплаканного лица перепутанной девочки. Оно до сих пор стояло у нее перед глазами. Она снова и снова переживала эти приступы

паники в глазах ребенка, когда Кевин угрожал раскрыть их детские секреты. — Только я считаю, что ты мог найти другой способ выиграть дело, не обязательно было запугивать ребенка. Ты же профессиональный адвокат.

— Верно. Однако я вынужден был поступить именно так. Не забывай, Барбара Стенли занималась точно таким же шантажом. Я дал ей почувствовать на себе, что это такое — когда тебя запугивают, угрожая раскрыть твои тайны и выставить на позорище.

— Все равно... мне было ее так жаль, — почти всхлипнула она. — Ты так... терзал ее.

Кевин побледнел. По идее, он мог бы вспыхнуть, рассвирепеть от таких слов, но перед ним была женщина, которую он любил и почитал превыше всего на свете.

— Вообще-то, это не я выдвинул обвинения, — напомнил он. — Это сделал Марти Баам. Ведь он вызвал Барбару Стенли в суд и подверг перекрестному допросу. Я только защищал свою клиентку, ее права и прежде всего думал о ее будущем. Я, так же как и ты, люблю детей. Но иногда и ребенка следует проучить.

— Но, Кевин, что, если она подучила других дать показания лишь потому, что боялась идти в суд в одиночестве?

— В таком случае надо пересматривать судебные законы, которые допускают присутствие ре-

бенка в зале суда в качестве свидетеля обвинения. Я тут ни при чем. Сколько раз я говорил тебе, Мириам, я всего лишь защитник, адвокат. Мое дело — защищать людей. А какими средствами я при этом пользуюсь — никого не волнует. Я просто делаю свою работу — и все. Ты понимаешь это, дорогая?

Она кивнула. Собственно, а что ей еще оставалось...

— Ну и как, по-твоему, я выглядел сегодня в суде, — приосанился он. — Неужели ты мной хоть чуточку не гордилась?

Он снова прислонился к ней и потерся плечом. Она улыбнулась.

— Ты похоронил в себе актера, Кевин Тейлор. Все эти вопросы, позы, развороты. Мне временами казалось, что я вижу какой-то танец, с движениями, напоминающими не то ритуальную пляску у костра, не то что-то круче.

— Что значит — круче?

— От этого отдаст... — призналась она, — какой-то магией. Недаром у вас, юристов, это называется — процесс. А как ты сверкал глазами... — она рассмеялась. — Брр, просто жуть. Тебя, наверное, можно выдвигать на «Оскара».

— Это же целый спектакль, неужели ты этого не поняла? Концерт, сольное выступление, да что угодно. Когда я вхожу в зал суда, все меняется, становится совершенно иным. Словно под-

нимается занавес — и далее все следует по сценарию. Уже не имеет значения, кто твой клиент и что за дело рассматривается. Я уже там, и обречен вершить то, что должен.

— Как это — все равно, что за клиент и что за дело? Разве профессия адвоката настолько беспринципна? Ты что — целиком и полностью доверяешь клиенту — и все?

Он не отвечал.

— Неужели это так, Кевин? Ты ни от чего больше не зависишь?

— Завишу, конечно, — пожал он плечами, — от размера вознаграждения. Пойми: актер тоже вживается в роль, и ему все равно, в чьей шкуре он очутился.

Она посмотрела на него долгим пытливым взглядом.

— Вот как... Кевин, я хочу, чтобы ты был со мной честен.

Он шутливо поднял правую ладонь:

— Клянусь говорить правду и только правду.

— Я серьезно. — Она ударила его по руке.

— Хорошо, в чем дело?.. Спросите меня — и я отвечу. — Он развернулся на винтовом стуле и взял коктейль.

— Отбросим в сторону весь этот юридический жаргон: иски, ведение дела, процесс и прочее, а также твою роль как защитника подсудимого. Забудем об этом. Тебе удалось доказать, что три де-

вочки солгали, что их заставили солгать, то есть сделали они это не по своей воле, а потому, что их шантажировали. Во всяком случае, это действительно могло случиться. Допускаю, что так оно и было. И я не отрицаю, что Барбара Стенли виновата в этом, но при чем тут Лоис Уилсон? Разве это отменяет то, что она совершила с девочкой? Разве может человек, который воспользовался своим положением для совращения малолетних детей, занимать учительское место? Ты допрашивал ее, и вообще ты провел немало времени с Лоис Уилсон. На твой взгляд, она могла совершить это?

— Вполне возможно, — отвечал он, не задумываясь.

Она похолодела. То, как он это сказал, так безразлично...

— Что значит — может быть? Так ты не уверен в ее невиновности...

Он пожал плечами:

— Я только защитник, я ведь уже объяснял. Преступление — на совести подсудимого, мое же дело — защищать его любыми средствами. То есть находить прорехи в следствии, в ведении дела и бить без промаха туда, где они наиболее уязвимы.

— Но, если она виновна...

— Кто знает, на самом деле — кто виновен, а кто нет? Согласно адвокатской этике, мы должны быть совершенно уверены в невиновности

клиента, какие бы сомнения ни возникали в ходе... гм, ты просила не говорить таких слов, но, все равно, пусть будет — в ходе процесса. Если бы мы, адвокаты, брались только за дела, где изначально ясно, что клиент чист и невиновен, мы давно бы уже умерли с голоду.

Он махнул официанту, повторяя заказ.

То, что Кевину казалось столь простым и естественным, для Мириам моментально стало тучей, закрывшей солнце. Свет как будто померк в ее глазах. Она бессмысленно уставилась в глубь бара, созерцая батареи дорогих напитков, к каждому из которых была приклеена своя красочная этикетка. Выпрямившись, она обвела взглядом публику — и внимание ее привлек мужчина среднего возраста в элегантном костюме. Внешность у него была вполне европейская и, надо сказать, весьма привлекательная. Он сидел за угловым столиком. Отчего-то Мириам была уверена, что он смотрел на них. Встретив ее взгляд, он улыбнулся. Она ответила улыбкой, проявив обычную учтивость, и тут же отвернулась.

— Кевин? Кто этот тип за угловым столиком? Ты знаком с ним?

— Что за тип? — Кевин повернулся на стуле. — Ах, этот. Нет, я с ним не знаком.

— Почему же он так пристально нас разглядывает?

— Прежде я с ним никогда не встречался, но он присутствовал на процессе.

— На каком процессе? Сегодняшнем?

Мужчина за столиком вновь кивнул им, отвечая белозубой улыбкой. Кевин кивнул в ответ. Незнакомец, очевидно, восприняв это как приглашение присоединиться, направился к ним.

— Добрый вечер.

Весьма элегантный мужчина высокого роста протянул широкую ладонь с длинными пальцами и ухоженными ногтями. На мизинце красовалось золотое кольцо с вензелем «П».

— Позвольте присоединиться к поздравлениям по случаю победы, маэстро. Впишите мое имя в список ваших поклонников. Пол Сколфилд.

— Благодарю, Пол. Моя жена — Мириам.

— Миссис Тейлор, — сказал он, понимающе кивая. — Вы можете гордиться своим мужем. Мириам зарделась.

— Спасибо, — робко выдавила она, смущенная присутствием столь элегантного мужчины, вдруг появившегося на их небосклоне.

— Не считите это за вторжение, — продолжал Сколфилд. — Дело в том, что я присутствовал сегодня на вашем процессе и видел вас в действии.

— Спасибо, я вас, кстати, тоже заметил в зале. — Кевин присмотрелся. — Но, по-моему, мы прежде никогда не встречались.

— Нет. Я не из местных. Служу в одной из нью-йоркских адвокатских контор. Можно я присяду? — спросил он, показывая на место рядом с Кевином.

— Пожалуйста.

— Благодарю. Я вижу, вы уже заказали, разрешите, я распоряжусь еще по одному. — Он подал знак официанту. — Какой-нибудь коктейль с шампанским, три раза.

— И к какой же отрасли юриспруденции, мистер Сколфилд, относится сфера ваших занятий? — поинтересовался Кевин.

— Прошу, называйте меня Пол. Мы практикуем в уголовном судопроизводстве, Кевин. Возможно, слышали о фирме «Джон Милтон и партнеры»?

На миг призадумавшись, Кевин покачал головой.

— Простите, ни разу.

— Ничего, еще услышите.

Сколфилд улыбнулся.

— О нашей фирме слышит всякий, кто попадает в беду. Мы специалисты в области неразрешимых проблем, это без излишнего хвастовства. Мы беремся за дела, от которых отказываются остальные адвокатские конторы.

— Звучит... заманчиво, — проговорил Кевин.

Что-то в этом человеке отпугивало. Он уже пожалел, что позволил ему сесть рядом. Тем бо-

лее, не хотелось говорить о пустяках, а тон незнакомца и его слова о пресловутой конторе располагали именно к этому. Поэтому он вежливо прервал беседу:

— Кажется, нам пора присмотреть столик, Мириам. Я проголодался.

— Да, в самом деле, — откликнулась она, сразу уловив намек.

— Не беспокойтесь, — сориентировался Сколфилд, ничуть не смутившись, — я не собираюсь вам мешать.

Он извлек на свет визитку.

— Я не случайно зашел на сегодняшний процесс, Кевин. Мы слышали о вас.

— В самом деле?

Кевин был несколько смущен.

— Мы отслеживаем наиболее талантливых адвокатов, которые способны справиться с ведением уголовных дел. Посему воспримите это как приглашение работать в нашей фирме. Немедленно. Начиная с этого дня.

— Что?

— И, после того, как я — то есть, считайте, мы — увидели вас в действии, я бы настоятельно рекомендовал вам связаться с нами.

— Да, но...

— Понимаю, что после такой победы вам будут предлагать отличные возможности в вашей прежней фирме, но, все же, позвольте заметить,

пусть это звучит несколько высокомерно, работа в прежней фирме не даст вам и половины того, что вы сможете получить у нас.

— Ваш столик готов, сэр, — подоспел метрдотель.

— Спасибо, — тупо отозвался Кевин. Он обернулся к Сколфилду. — Так вы говорите о двойной ставке?

— Совершенно верно. Мне хорошо известно, что с прежней фирмой вас не связывали партнерские отношения. Мистер Милтон немедленно удвоит ваш гонорар, и в самом скором времени вы также получите подъемные — нечто вроде премиального бонуса. Это весьма значительная сумма.

Сколфилд встал.

— Давайте не будем тратить ваше драгоценное время. Ешьте, пейте, развлекайтесь. Вы с вашей супругой заслужили сегодня семейное уединение, — добавил он, подмигнув Мириам.

И вновь она почувствовала, что краснеет.

Он подтолкнул карточку к Кевину по стойке бара.

— Одного вашего звонка будет достаточно. Вы не пожалеете, уверяю. И еще раз, — добавил он, — мои поздравления по поводу громкой победы. Миссис Тейлор... — отклонялся он.

Подняв бокал на прощанье, Сколфилд удалился, оставив их наедине.

Некоторое время Кевин сидел как парализованный. Затем посмотрел на визитку. Некоторое время он не решался взять ее в руки. Выпуклый шрифт, казалось, выступал над карточкой, увеличиваясь, точно голограмма. Тихая музыка, приглушенное бормотание вокруг них, даже голос Мириам — все внезапно отделилось. Он почувствовал, что куда-то уплывает.

— Кевин?

— А?

— Что все это значит?

— Не знаю, но звучит интригующе. Нет?

Сколфилд вернулся за свой столик, откуда послал Мириам еще одну улыбку. Что-то холодное сдавило ее сердце, заставив его трепетать.

— Кевин, наш столик готов.

— Отлично, — откликнулся он. И снова посмотрел на визитку, после чего быстро сунул ее в карман и последовал за Мириам.

Они заняли места за отдельным столиком в глубине ресторана. Небольшая масляная лампа отбрасывала на лица желтый магический свет. Они заказали белый калифорнийский «зинфандел» и медленно потягивали вино, неторопливо беседуя и вспоминая прежние времена, романтические ужины и другие дорогие сердцу моменты. Тихая музыка обволакивала и обещала. Кевин

поднес руку Мириам к губам и целовал ее пальцы. Они так страстно вбирали глазами друг друга, что официантка, нарушившая их уединение каким-то вопросом, смутилась и отвела взгляд.

Только после того как принесли заказ и они приступили к еде, Мириам вернулась к Полу Сколфилду.

— Ты в самом деле никогда о нем не слышал?

— Нет. — Подумав, он покачал головой. Затем достал визитку и внимательно изучил ее.

— Знаешь, сколько адвокатских фирм в одном только Нью-Йорке? А место отличное, — заметил он, разглядывая адрес. — Пересечение Мэдисон и Сорок четвертой.

— Кевин, тебе не кажется несколько необычным, что другой адвокат приходит на твой процесс, только чтобы посмотреть, как ты его ведешь?

Он пожал плечами.

— Даже не знаю. Пожалуй, ничего необычного здесь нет. Разве есть лучший способ составить представление о человеке, чем увидеть его в деле? И, потом, не забывай, — добавил он с явным самодовольством, — это дело мелькнуло в нью-йоркских газетах. Целых два дюйма — или около того — в колонке «Таймс» в прошлое воскресенье.

Мириам кивнула, но явно была обеспокоена еще чем-то.

— А почему ты спросила?

— Не знаю. Все, что он тебе говорил... и эта визитка — он был так странно самоуверен...

— Уверенность приходит с успехом, я полагаю. Мне интересно другое — эти слова насчет двойной ставки. Неужели он вправду решил отбить меня у «Бойла, Карлтона и Сесслера»? — Он снова заглянул в визитку и покрутил головой.

— Ты и так достаточно зарабатываешь, Кевин.

— Денег много не бывает, и, потом, там могут оказаться куда более сенсационные дела, чем с Уилсон — это же столица. Боюсь только, как бы не угодить в новое болото с какими-нибудь сделками по недвижимости,

— Прежде тебя это не беспокоило.

— Знаю, — он пригнулся, всматриваясь в язычок пламени. Свет внезапно изменил его лицо — в нем отразилась какая-то бунтующая страстность. — Понимаешь, Мириам, сегодня на процессе со мной что-то случилось. Нечто необратимое. Я стал другим. Такое чувство, словно долгое время ходишь по краю, зная, что каждое следующее слово может оказаться решающим. Специфика уголовного суда — здесь на карту поставлена чья-то жизнь, а не владения и земли. Сегодня в моих руках была жизнь Лоис Уилсон. Если сравнивать с медициной, то сегодня я делал операцию на сердце, тогда как раньше только удалял аппендикс.

— Ну и сравнения... — Его возбуждение настораживало и пугало.

— Я могу пропасть в этой конторе, пойми. Я не мальчик на побегушках, я адвокат.

Она кивнула, но улыбка медленно таяла на ее лице. Голос его также неестественно изменился, и в глазах было что-то такое... Она вдруг почувствовала, что Кевину, быть может, недостаточно той жизни, которую она могла ему дать.

— Но, Кевин, — произнесла она спустя некоторое время, — прежде ты никогда так не говорил, и, может быть, если бы не появился этот человек...

— Может быть. — Он пожал плечами. — Может, я и в самом деле не знаю, чего хочу. — Он снова взглянул на визитку и затем сунул ее в карман. — В любом случае, у нас есть время подумать. Уверен, что мне не предложат партнерство в понедельник утром. Эти трое должны провести серию встреч, уладить кое-какие дела. — Он рассмеялся, но и смех его был непривычным, какой-то жесткий, холодный. — Они и со своими женами не занимаются любовью, пока не рассмотрят все «за» и «против». Да и, честно говоря, по их женам тоже не скажешь, чтобы они были бы на что-то способны.

Он снова засмеялся, на этот раз с явным презрением, но Мириам к нему не присоединилась. Раньше Кевин никогда себе такого не позво-

лял — смеяться над Бойлом, Карлтоном и Сесслером. Напротив — он всегда хотел быть похожим на них.

— Прекрасное сегодня жаркое из ягненка, не правда ли? — спросил он, и она охотно кивнула в ответ, обрадованная тем, что тема разговора изменилась, так что она может унять неясную тревогу, эту бабочку, трепыхавшуюся у нее в груди.

И это помогло. Они больше не возвращались к разговору о делах и процессах и после кофе и десерта отправились домой, где занимались любовью страстно как никогда.

Однако на следующее утро она обнаружила, что Кевин лихорадочно ищет в шкафу брюки, которые надевал вчера. Там, в кармане, лежала заветная визитка Пола Сколфилда. Найдя, он переместил ее во внутренний карман пиджака, в котором собирался идти на работу в понедельник.

Все выходные Кевин ощущал холодность в отношениях с миром. Ожидаемых поздравительных звонков со стороны друзей так и не последовало. У Мириам был разговор с матерью по телефону, как выяснилось, не особо приятный. Когда он стал настаивать, вынуждая посвятить его в детали, Мириам наконец рассказала, что у ее матери был сердечный приступ, после того как она сцепилась с одним из так называемых добрых друзей, защищая Кевина.

У него самого тоже едва не случился сердечный приступ. Когда утром в воскресенье он оставался заправиться, хозяин автомастерской и бензоколонки Боб Сэлтер нахально заметил, что в этой стране хорошо живется одним геям да лесбиянкам.

Так что весьма прохладный прием в конторе, когда он явился в понедельник на работу, был гарантирован. Мэри Экерт, служившая его секретарем и одновременно секретаршей в приемной, поздоровалась сквозь зубы, а Тереза Лондон, референт Гарта Сесслера, усмехнулась и отвернулась в сторону, когда он проскользнул к своей «норе».

Через некоторое время в его кабинете зазвонил интерком. Майра Брокпорт, секретарша Санфорда Бойла, хорошо поставленным голосом, сразу напомнившим школьную учительницу, произнесла:

— Мистер Бойл желает видеть вас немедленно.

— Спасибо, — автоматически ответил он и отключился.

Встав, Кевин затянул галстук. Он чувствовал себя уверенно и даже испытывал душевный подъем. Почему бы нет? За три года работы он составил полное впечатление об этой солидной фирме, гордившейся старинными традициями. Брайен

Карлтон и Гарт Сесслер чуть более пяти лет вели собственные дела, прежде чем достичь полного партнерства. В те дни это был «Бойл и Бойл», Санфорд работал с отцом, Томасом, которому было уже за восемьдесят, но он был по-прежнему крепок и имел влияние на своего пятидесятичетырехлетнего сына.

Кевин предчувствовал, что Бойл, Карлтон и Сесслер не станут предлагать ему партнерство. Уж больно они кичились своей фирмой, три самодовольных адвоката старой закалки. Все трое были сыновьями юристов, и сами имели сыновей — тоже будущих юристов. Это было нечто вроде фамильного клана, и традиции передачи наследства здесь действовали сугубо монархические, вроде передачи скипетра и трона. В этих трех королевствах все было спланировано заранее.

У них были самые большие дома в Блисдейле. Их дети разъезжали на «мерседесах» и БМВ, учились в старейших университетах Новой Англии, и двое уже готовили дипломные работы. В городке считалось честью быть приглашенным к ним в гости, и, может быть, еще большей честью — принимать их у себя. Учитывая это, партнерство с такими людьми казалось недостижимым. Это было нечто вроде помазания на престол.

Мириам, сама в детстве ощутившая на себе прелести жизни в высшем обществе, с тревогой

воспринимала возможность присоединения к великосветскому клану. Они подошли к моменту, когда было пора обзаводиться собственным домом, о котором мечтали. Мириам часто заводила разговор о детях. Их положение казалось стабильным, и никогда не возникал вопрос о желанин Кевина упрочить свою репутацию в небольшом обществе Лонг Айленда. Он родился и воспитывался в Уэстбери, где до сих пор проживали его родители. Там он некоторое время работал в бухгалтерской фирме отца. Получив диплом юриста в нью-йоркском университете, он вернулся на Айленд в надежде отыскать там девушку своей мечты и работу. Теперь он был частью всего этого, это была его судьба.

Или же — не его судьба?

Открыв дверь в кабинет Санфорда Бойла, он поприветствовал уже находившуюся там троицу старших партнеров. Кевин сел, заметив, что стул его поставлен посередине комнаты, и, видимо, недаром. Слева сидел Брайен Карлтон, справа Гарт Сесслер. Прямо перед ним находился стол, за которым восседал хозяин кабинета, Санфорд Бойл. «Это засада». — Он мысленно хихикнул.

— Кевин, — начал Санфорд, старший из них — Брайену Карлтону было сорок восемь, Гарту Сесслеру пятьдесят лет — и в нем возраст проявился наиболее заметно. У него был апатичный взгляд человека, который не выходит из дома дальше

собственной лужайки, да и то только для того, чтобы отнести мусор к машине. Он был почти лыс, кожа на щеках отвисла, и двойной подбородок колыхался как студень, когда он говорил: — Вы помните наш разговор в отношении этого дела.

— Конечно. — Кевин перевел взгляд на второго, а потом и на третьего коллегу. Они сидели точно триумвират строгих и неподкупных судей в пуританском судилище. Лица — как у каменных изваяний. Кевина посетило чувство, будто он оказался в музее, а не в рабочем кабинете адвоката.

— Мы... — подчеркнул это слово Санфорд, — считаем, что вы вели себя на этом процессе безукоризненно — с точки зрения адвокатского профессионализма. Точно и хлестко. Возможно, даже слишком.

— Простите?

— Вы практически выбили признание из этой девочки.

— Я делал лишь то, что должен был сделать. Я исполнял свой профессиональный долг, — сказал Кевин, откидываясь на спинку стула. Он с улыбкой взглянул на Брайена Карлтона. Высокий худощавый мужчина также откинулся в кресле, топорща усы и постукивая кончиками пальцев скрещенных на груди рук. Гарт Сесслер выбивал такую же дробь на спинке стула.

До чего же они омерзительны, вдруг пришло в голову Кевину. Когда-то он верил в них, под-

ражал им, мечтал стать таким же. А они были не более чем профессиональными машинами судопроизводства. Все их действия, их реакции продиктованы логикой и лишены каких бы то ни было эмоций.

— Вы уже, наверное, знаете, какой шум пошел по всему городу. Мы все выходные провисели на телефонах. Клиенты, друзья... — Бойл махнул ладонью перед лицом, будто отгоняя назойливых мух. — На самом деле, почти такой реакции мы и ожидали. Наши клиенты, на которых держится наше благосостояние, в основном недовольны нашей позицией в деле Уилсон.

— Нашей позицией? Разве им не приходилось слышать о невинных людях, которых засудили на процессе лишь потому, что рядом не оказалось толкового защитника? Я защищал Уилсон, и ее оправдали.

— Ее не оправдали, — сообщил Брайен Карлтон, саркастически вздернув рыжеватый ус. — Просто вы загнали ребенка в капкан, заставив признаться в том, что она отчасти солгала.

— Что по сути одно и то же, — отозвался Кевин.

— Едва ли, — сказал Брайен. — Впрочем, не удивлюсь, если вы действительно не видите разницы.

— К чему вы ведете?

— Вернемся к нашему вопросу, — пропыхтел Гарт Сесслер. — Как мы пытались объяснить вам до начала процесса, мы всегда уклонялись от таких противоречивых дел. Мы консервативная фирма. Нам не нужны шумные скандалы и дешевая популярность. Это лишь отпугивает серьезную клиентуру.

— И вот, — продолжил он, направляя дискуссию в нужное русло. — Сейчас Санфорд, Брайен и я рассматриваем историю ваших взаимоотношений с нашей фирмой. Мы находим вас усердным и ответственным служащим с большим будущим.

— Что значит — с большим будущим? — оторопело переспросил Кевин, оборачиваясь к Брайену. Вообще-то, поступив на работу в эту адвокатскую фирму, он уже считал свое будущее состоявшимся.

— В сфере уголовного законодательства, — сухо сказал Брайен.

— Которой, как вам известно, наша фирма не занимается, — заключил Санфорд.

— Понимаю, значит наша встреча не посвящена предложению мне полного партнерства в «Бойл, Карлтон и Сесслер»?

— Полное партнерство не такой вопрос, который можно решить за одни сутки, — сказал Гарт. — Значение его не только в оплате, а во вкладе в общее дело. И не только в фирму, но и в общественную жизнь. Почему...

— Однако мы не видим причин, — перебил Санфорд Бойл, — отчего бы вам не обрести полное партнерство в какой-нибудь фирме, занимающейся уголовным судопроизводством.

Он довольно улыбнулся, складывая руки на столе перед собой.

— Это вовсе не значит, что мы не ценим вас как юриста, поймите нас правильно.

— То есть не увольняете, — уточнил Кевин, — а советуете подыскать работу в другом месте. — Он энергично кивнул и забросил ногу на ногу. — Должен признаться, я уже рассматриваю подобное предложение.

— Простите? — оскалился Брайен.

— Я уже получил приглашение в другую фирму.

— В самом деле? — Санфорд Бойл быстро обменялся взглядами с партнерами. Брайен оставался каменно непроницаем. Гарт поднял брови. Кевин понимал, что ему не верят, что, как они считают, своим заявлением он намерен скрыть смятение. Их самоуверенность начинала раздражать.

— Так вы говорите, предложение... Это местная фирма?

— Нет... То есть я пока не уполномочен разглашать детали. Но вы узнаете первыми. После Мириам, разумеется.

— Ну, конечно, — развел руками Санфорд, таким приглашающим жестом, будто принимал его в своем доме, а не выбрасывал из конторы.

На самом деле Кевин прекрасно знал, что эти трое принимают решения, не советуясь с женами. Еще одно, за что он презирал их, — отношения между членами их семей были обезличенными, такими же, как и с работниками конторы. Удивительно, как они могли уживаться под одной крышей столь долгое время. Странно и то, как вообще пришлось в голову этим четверым (включая папашу Томаса) принять на работу в контору молодого адвоката, который, кстати, за эти три года мог бы сделать блестящую карьеру где-нибудь в другом месте?

— В таком случае, мне необходимо вернуться к себе и закончить работу с делом Уилсон. Во всяком случае, благодарю за ваши недвусмысленные выражения уверенности в моем будущем, — добавил он и оставил их.

Как только за ним закрылась дверь кабинета, Кевина охватило восхитительное, ни с чем не сравнимое чувство свободы, словно при затяжном прыжке с парашютом. Несколько минут — и вот уже ничто не связывает его с прежней жизнью. Он человек, который сам определяет свое будущее.

Посвященная в суть состоявшейся беседы, Майра неверно расценила улыбку на его лице.

— С вами все в порядке, мистер Тейлор?

— В порядке — не то слово, Майра. Все отлично. Впервые за три года чувствую себя так легко.

— Да, а я...

— До встречи, — отрывисто бросил он и вернулся к себе.

Он долго сидел за столом, размышляя. Затем медленно извлек визитку и положил перед собой. Глядя на бумажку с именем Пола Сколфилда, он видел небоскребы Нью-Йорка, огромный зал городского суда и себя — между присяжными и клеткой, в которой сидит обвиняемый в убийстве, особо опасный преступник. Улики железные, прокурор требует высшей меры, но что они — против него, Кевина Тейлора из «Милтон и партнеры»? Присяжные внимают каждому его слову... Репортеры гонятся за ним по коридорам суда, выпрашивая информацию по делу, подробности, прогнозы...

Мэри Экерт постучала в дверь и принесла почту, прервав его грезы. Она улыбнулась ему, но по ее глазам он понял, что слух по конторе уже прошел.

— У меня на сегодня не назначено никаких встреч, Мэри, о которых я мог бы забыть?

— Нет. Вы отложили встречу с мистером Сеттоном, насчет его сына, на завтрашнее утро, и он просил меня занести вам полицейский протокол.

— Ах, да. Тот шестнадцатилетний парень, что решил прокатиться на соседском автомобиле?

— Тот самый.

— Замечательное дело.

Она удивленно качнула головой, смущенная его сарказмом. Как только Мэри ушла, он набрал номер «Милтон и партнеры» и попросил позвать к телефону Пола Сколфилда.

Через пятнадцать минут он уже был на пути в Манхэттен, даже не известив Мириам о принятом решении.

«Бойл, Карлтон и Сесслер» располагали удобными и стильными офисами в Блисдейле. Почти два десятка лет назад Томас Бойл превратил небольшой двухэтажный особняк в одну из контор, которыми он заправлял тогда вместе с Санфордом. Здесь царила какая-то почти домашняя атмосфера, что составляло часть особого шарма помещения. Таким образом, Кевин, всякий раз уходя из дома на работу, как бы снова попадал к себе домой. Все эти шторы, занавески и скатерти, ковры и мебель расслабляли так, что хотелось надеть халат и тапочки и отправиться с полотенцем через плечо в ванную.

Совсем иное чувство он испытал, переступив порог офиса «Джон Милтон и партнеры». Покинув лифт на двадцать восьмом этаже, он увидел распахнувшуюся перед ним панораму пригорода Манхэттена и Ист-Ривер. В конце коридора находились дубовые створки дверей с табличкой, изысканным рукописным шрифтом сообщавшей, что здесь находится «Джон Милтон и партнеры,

адвокаты». За дверью располагался шикарный вестибюль-приемная.

Широкое пространство, заполненное кожаными диванами, креслами и канапе, свидетельствовало, что контора находится на пике успеха. Над одним диваном висела огромная абстрактная картина, пестротой и яркостью напоминая творения Кандинского. Вот так, в его представлении, и должна была выглядеть приемная преуспевающей фирмы.

Закрыв за собой дверь, он ступил на ковер, толстый и мягкий, точно болотный мох. Но еще большее удовольствие вызвала секретарша, поднявшаяся из-за полумесяцем выгнутого стола. Она оторвалась от компьютера, чтобы приветствовать его. Вместо невыразительно-домашней, как тапочки в прихожей, Майры Брокпорт или бледной седовласой Мэри Экерт, обычно встречавших клиентов у «Бойла, Карлтона и Сесслера», его взору предстала ослепительная брюнетка, которая вполне могла притязать на звание Мисс Америка.

Волосы цвета воронова крыла, с каким-то синеватым отливом, ниспадали ей на плечи до самых лопаток. С виду она казалась итальянкой, напоминая Софи Лорен прямым римским носом и высокими скулами. Бархатно-черные глаза излучали таинственное сияние.

— Добрый день, — сказала она. — Мистер Тейлор?

— Он самый. Прекрасный офис, мисс.

— Благодарю вас. Мистер Сколфилд ждет вас с нетерпением. Я вас отведу к нему. — Она встала из-за своего «лунного» стола. — Впрочем, может быть, желаете освежиться с дороги: чай, кофе, «перье»?

— Перье был бы в самый раз. Спасибо.

Он последовал за ней в глубь коридора.

— Выжать лимон? — спросила она, обращаясь.

— Да, благодарю вас.

Он точно загипнотизированный наблюдал за плавными перемещениями ее стройного тела. Девушка привела его в небольшой кухонный тупичок и открыла холодильник, достав с одной из полок бокал. От взгляда на ее туго натянутую юбку, под которой чувствовалась игра мышц, у него перехватило дыхание. Мысленно он рассмеялся, подумав, что бы сказали по поводу такого секретаря Бойл, Карлтон и Сесслер.

Она протянула ему бокал, полный искрящейся жидкости, с кубиками льда.

— Спасибо.

Ее взгляд и согревающая улыбка отозвались у него в паху, извлекая на свет иные несбыточные желания.

— А теперь прямо по коридору.

Они прошли через конференц-зал и еще пару офисов, прежде чем остановились перед дверью

с табличкой «Пол Сколфилд» Девушка постучала и распахнула дверь.

— К вам мистер Тейлор.

— Спасибо, Диана, — отозвался голос из кабинета.

Пол Сколфилд вышел ему навстречу.

Кивнув, Диана удалилась, — Кевин с явным сожалением оторвал взгляд от ее чарующе стройного тела. Сколфилд наблюдал за ним с понимающей улыбкой.

— Рад видеть вас, Кевин.

— У вас замечательный офис.

Кабинет Пола Сколфилда был в два раза больше, чем у Санфорда Бойла. Черно-белый декор хай-тек, сверкающая кожа кресел, строгие книжные полки и белый стол в центре. Слева от стола — два окна с видом на Ист-Ривер.

— И чудесный вид.

— Дух захватывает, не правда ли? На эту сторону выходят все кабинеты. Так что у вас из окна будет точно такой же вид.

— В самом деле? Польщен.

— Да вы присаживайтесь. Я уже известил мистера Милтона о вашем прибытии, и он хочет встретиться с вами, после того как мы все уладим.

Кевин утонул в черном кожаном кресле напротив стола Сколфилда.

— Рад, что вы серьезно отнеслись к нашему предложению. Мы сейчас завалены работой, —

сказал Пол Сколфилд, и в глазах его что-то сверкнуло. — Итак, ваша прежняя фирма предложила вам новые условия партнерства?

— Не совсем. Они предложили мне возможность найти что-нибудь более соответствующее моим склонностям, — отозвался Кевин.

— Что именно?

— Очевидно, процесс Лоис Уилсон и мой стиль защиты привели их в полное замешательство. Профессиональные приемчики, особая техника работы с клиентом и свидетелем — все это, по их мнению, в порядке вещей, но в пределах благоразумия. Знаете, манипулировать какой-нибудь бабушкой, чтобы урвать кусок наследства, или искать прорехи в налоговом законодательстве, чтобы набить карманы преуспевающих клиентов, — это их потолок, самое большее, на что они способны. Не мой уровень, — ядовито заметил Кевин.

Пол засмеялся, качая головой.

— Провинциальная близорукость. Кущее мышление, свойственное, впрочем, адвокатским конторам, находящимся на отшибе. Вот почему настало время менять свою судьбу, Кевин. Вам там не место. Вы принадлежите нам. Мистер Милтон прав насчет вас, — добавил он, и при упоминании имени шефа лицо его стало серьезным. — Вы принадлежите... нам.

— Так сказал мистер Милтон?

— Именно так. Он первый заметил и выделил вас из прочих. А мистер Милтон никогда не ошибается в людях. У него необыкновенная интуиция.

— Мы с ним встречались? — Кевин задумался о том, что же это за человек, заочно составивший о нем столь лестное мнение.

— Нет. Мистер Милтон постоянно в поисках новых талантов. Это как вербовка игроков для профессиональных спортивных клубов. Услышав о вас, он тут же направил меня к вам. Мы все попали в фирму таким образом. Сегодня вы увидите всех: Дейва Коутейна, Теда Маккарти и наших секретарей. Впрочем, позвольте сперва показать вам кабинет, а затем отправимся к мистеру Милтону.

Кевин сделал последний глоток «перье» и, встав, последовал за Сколфилдом в коридор. Они остановились перед дверью со следами недавно снятой таблички.

— Должно быть, не так легко было уходить из столь преуспевающей фирмы, — предположил Кевин.

Пол сощурился, кивнув:

— Личная драма. Он покончил с собой вскоре после смерти жены во время родов. Раньше здесь работал Ричард Джеффи, блистательный адвокат. Он не проиграл ни одного дела в фирме.

— Простите, не знал.

— Мистер Милтон до сих пор не может оправиться от этой потери, как и, сами понимаете, все мы. Но, как только вы присоединитесь к нам, Кевин, — Пол похлопал его по плечу, — это будет достойной заменой и утешением.

— Благодарю, — ответил Кевин, — но, честно сказать, меня смущает...

— Что именно?

— Не высоко ли я замахнулся? Можно ли вообще заменить такого человека?

— Вы справитесь. Если так считает мистер Милтон, у вас все получится. — Пол уверенно кивнул при этих словах. Кевина даже несколько рассмешило это выражение непоколебимой, почти религиозной уверенности на лице сотрудника фирмы, однако было видно, что Пол Сколфилд не шутит.

Сколфилд распахнул перед ним дверь, и Кевин вошел в свой новый кабинет.

Сколько раз за время трехлетней адвокатской практики он забирался в отведенный ему угол в конторе Бойла, Карлтона и Сесслера и мечтал, как когда-нибудь — когда станет знаменитым нью-йоркским адвокатом — он будет сидеть в таком вот шикарном кабинете с видом на город...

Посредине комнаты располагался большой Г-образный стол с мягким кожаным креслом. Такое же кресло для посетителей стояло перед столом. Пол устилал ковер — не хуже чем в вестибю-

ле, на окнах висели шторы нежно-кремового оттенка. Стены отделаны деревянными панелями из гикори, отчего комната казалась необыкновенно светлой.

— Впечатляет. Не скажешь, что в этом офисе кто-то прежде работал.

— Мистер Милтон распорядился сделать косметический ремонт. Нехорошо вселять нового сотрудника в старый кабинет. Надеюсь, вам тут понравится.

— Понравится? Да я в восторге!

Пол кивнул. У Кевина кружилась голова при одной мысли, что он будет работать здесь: золотые письменные приборы, ультрасовременного вида телефоны, также с инкрустацией, на стенах — пустые серебряные рамки, словно в ожидании дипломов, грамот и научных степеней Кевина — причем числом они в точности повторяли число рамок в прежней фирме, будто наниматели были заранее осведомлены, что ему понадобится. Посреди стола на подставке — солидное золотое перо в окружении карандашей. Какое трогательное внимание! Хороший признак. Похоже, его здесь действительно ждали.

Обойдя стол, Кевин подошел к окнам. Пол не соврал: действительно, отсюда открывался не менее великолепный вид.

— Ну как? — раздался голос Пола за спиной.

— Слов нет. — Он перешел в подсобные помещения, где обнаружил ванную, выложенную

кафеlem, блистающую никелированными краями и полочками. Здесь была даже душевая кабинка.

— Значит, можно уже перебираться?

— Конечно.

Кевин вернулся в кабинет и осмотрел полки вдоль левой стены, уже заполненные необходимыми книгами: справочниками, пособиями и кодексами.

— Получается, и перевозить ничего не надо. Невероятно... — Кевин не мог скрыть восторга, нервно потирая руки.

— Мистер Милтон будет рад узнать, что вам понравилось. — Пол бросил взгляд на золотой «роллекс». — Похоже, нам пора.

— Конечно, пойдем. Надо же, — Кевин растерянно покрутил головой. — Ведь это именно то, о чем я мечтал. Точно таким я и представлял свой будущий офис. Мистер Милтон настоящий волшебник. Мне кажется, будто... — Он повернулся к выжидательно улыбающемуся Полу Сколфилду, — будто он угадывает желания.

Постучав, Пол открыл дверь и вошел первым. Кевин чувствовал, что волнуется, его била нервная дрожь. Слишком хорошо все получалось. Когда все вот так само идет в руки, поневоле начинаешь нервничать. Видимо, опасаясь, что все это

развеется как сон. И потом он уже придумал себе этого человека и теперь уже не знал, чего ожидать.

Ковер, устлавший вестибюль, казалось, добрался и сюда, до порога кабинета Джона Милтона, и проник внутрь. В центре высился стол из красного дерева, за которым располагалось кофейного цвета кресло с высокой кожаной спинкой. Еще два таких же кресла стояли перед столом. За спиной шефа фирмы находились три окна, составлявшие почти сплошную прозрачную стену. Отсюда открывался вид на город, который, наверное, могут созерцать одни небожители.

Сперва Кевина так ослепила роскошь кабинета, что он не заметил самого Джона Милтона. Когда же он наконец приблизился, этот человек, словно призрак, материализовался в кресле, будто вынырнув из тени.

— Добро пожаловать в «Джон Милтон и партнеры», Кевин, — сказал Милтон. Голос сразу напомнил Его преподобие Пендлтона из епископальной церкви Блисдейла. Кевин сам использовал этот тембр в суде, в арсенале своих ораторских приемов, называя его «воскресным голосом».

Джон Милтон оказался человеком лет шестидесяти, удивительно сочетавшим в благородных чертах лица юношескую энергию и почтенный возраст. Его пышные седые волосы были аккуратно подстрижены и уложены. Как только Пол закрыл дверь за спиной Кевина, мистер Милтон

поднялся, вырастая из-за стола шестифутовой фигурой. Улыбка на его бледном лице казалась запечатленной в алебастре. На нем были темно-серый шелковый костюм, ярко-алый галстук и такого же цвета платок, кончики которого торчали из нагрудного кармана.

Когда хозяина кабинета развел руки в гостеприимном жесте, Кевин отметил его недюжинную комплекцию. Милтон находился в прекрасной физической форме, странная и немного озадачивающая смесь молодости и преклонного возраста. Вблизи Кевин разглядел, что и щеки его тронуты румянцем, несмотря на морщины. Крепко пожав протянутую руку, он почувствовал сильную приязнь к этому человеку. Казалось, этой встречи Кевин ждал долгие годы.

— Искренне рад видеть вас, мистер Милтон.

Глаза Джона Милтона претерпели странные метаморфозы, когда они встретились взорами. На первый взгляд карие, они посветлели, принимая какой-то неестественный, почти огненный цвет. Его выдающийся орлиный нос, властный подбородок и губы странного, какого-то оранжеватого оттенка дополняли впечатление. Взгляд у него был пронзительным, как у хищной птицы, и мудрым, как у трехсотлетней черепахи.

— Полагаю, Пол уже показал вам офис.

— О да. Фантастика. Не ожидал — вы позаботились обо всем.

— Я рад. Присаживайтесь, Кевин. — Он показал на высокое кресло с полированными подлокотниками из красного дерева. На них была ручная резьба, из греческой мифологии: какие-то сатиры с минотаврами.

— Благодарю вас, Пол, — с этими словами глава фирмы отпустил сотрудника.

Кевин посмотрел ему в спину: Сколфилд, не оборачиваясь, закрыл за собой дверь кабинета.

Джон Милтон вернулся в свое кресло. Кевин обратил внимание на величественную, царственную осанку и жесты. Милтон опускался в кресло, точно садился на трон.

— Как вам уже известно, Кевин, мы давно рассматривали вашу кандидатуру. Так что испытательного срока не потребуется. Вы могли бы — что целиком совпадает с нашими намерениями — приступить к работе уже со следующей недели. Понимаю, слишком непродолжительный срок для столь серьезных изменений в жизни, но у нас уже подготовлено для вас дело. — Он похлопал рукой по толстой папке.

— В самом деле? — Хотелось спросить, откуда у него была такая уверенность, что Кевин без колебаний примет предложение, но уж слишком это было неучтиво после такого приема. — И в чем же суть?

— Узнаете в свое время, — твердо ответил Джон Милтон. Кевин обратил внимание, как

непринужденно он переходит с любезного тона на командный голос, требующий беспрекословного подчинения. Что ж, железная воля хозяина фирмы — также залог успеха и стабильности. — Для начала позвольте ознакомить вас с моими принципами, в которые я посвящаю всех приходящих партнеров. Вскоре вы сами убедитесь, что наша организация — более чем партнерство. Мы близки по духу. В некотором смысле все мои партнеры — члены моей семьи. У нас здесь настоящая команда. И отношения, связывающие нас, более чем деловые. Мы заботимся друг о друге и о семьях наших друзей. Ведь домашние проблемы также оказывают влияние на результативность работы. Согласны?

— Думаю, да.

«К чему он клонит? — задумался Кевин. — Партнерство, родственные отношения... что бы это все значило?»

— Думаю, вы все поймете со временем. — В это время на лицо Милтона напозла тень — видимо, облако прикрыло солнце за окном. — И да не покажутся вам странными или неприемлемыми некоторые мои желания — или требования, решайте сами, как это называть. Например, — продолжал он, — на работу могут влиять такие бытовые обстоятельства, как избранное вами место жительства. Для работы было бы полезнее, чтобы вы переехали в Нью-Йорк.

«Да я только об этом и мечтаю!» — готово было вырваться у Кевина, но он держал себя в руках.

— Несколько лет назад я приобрел по случаю жилой дом в престижном районе Манхэттена, с номерами люкс. Там есть свободные квартиры, и я хотел бы, чтобы вы заняли одну из них, если вам, конечно, понравится.

«И во сколько же это обойдется?» — хотел спросить Кевин, но Джон Милтон, казалось, прочел этот вопрос в его глазах, потому что добавил:

— Бесплатно, разумеется.

— Бесплатно? Без арендной платы?

— Совершенно верно. Такова политика нашей компании по отношению к работникам и членам их семей. И она, разумеется, отражена в договоре, — добавил он с каким-то новым выражением. — Нет, не подумайте, что я навязываю какие-то условия и лезу в личные дела партнеров. Просто я должен быть уверен, что ни вы, ни ваша жена ни в чем не испытываете нужды. Возможно, на прежнем месте работы вас удерживают какие-то семейные связи, — продолжал он, — но, в конце концов, вы будете жить не так уж далеко, и, к тому же, — он вынырнул из тени, и лицо его озарилось улыбкой, — здесь у вас будет новая семья, как я уже говорил.

Кевин кивнул.

— Это... просто чудесно. Конечно, мне надо будет поговорить с женой, — торопливо добавил он.

— Конечно. А теперь, — сказал Джон Милтон, вставая, — поговорим, что такое закон и какой философии я придерживаюсь в отношении него.

— Закон — это колосс на глиняных ногах, — приступил он к объяснению. — Законы часто меняются, дополняются и аннулируются. Отчего бы не иметь права трактовать их в отдельных случаях так, как это представляется более обоснованным... скажем... ммм... логически? Правосудие — благо, но не основа для свода законов. Законы придуманы для поддержания порядка в обществе и влияния на каждого его члена. — Он подошел к краю стола, заглянул Кевину в глаза и опять улыбнулся. — На всех людей, и на так называемых добропорядочных граждан, и на криминальные элементы.

— Сострадание, — продолжал Джон Милтон, прохаживаясь вокруг стола, точно университетский профессор во время лекции, — это замечательно, но ему нет места в системе, поскольку оно субъективно и несовершенно. Сам субъект меняется, в то время как закон может быть совершенным, универсальным и неизменным во времени.

Он сделал паузу и посмотрел на Кевина, который быстро кивнул в ответ.

— Думаю, вы поймете все сказанное мной и согласитесь.

— Да, — откликнулся Кевин. — Может быть, не совсем в таких терминах, но тем не менее я разделяю вашу мысль.

— Мы прежде всего адвокаты, и, пока мы будем помнить об этом, нас ждет успех. — Глаза Джона Милтона наполнились железной уверенностью. Кевин завороченно слушал. Кажется, он столкнулся с совсем иным типом мышления. Вот что значит Нью-Йорк. Речь его собеседника гипнотизировала: ему казалось, что он сам произносит эти слова, следуя за ними движением губ, словно бы шепотом повторяя их.

Сердце бешено стучало, кровь прилила к лицу. В последний раз он чувствовал подобное возбуждение, играя в баскетбол за колледж, когда от успеха в поединке зависело попадание в Высшую лигу. Тренер Марти Макдемот так накрутил их в раздевалке, что они выскочили на поле, готовые сразить любого противника. Он, Кевин, не мог дождаться, когда завладеет мячом.

Джон Милтон неторопливо кивнул:

— Кевин, вы даже не представляете, насколько глубокое взаимопонимание царит в нашей фирме. И как только я понял, что мы с вами непременно пойдем друг друга, то немедленно послал к вам Пола. — Он пристально посмотрел на Кевина, и губы его раздвинулись в улыбке, обнажая блеснувшие зубы. Улыбка получилась какой-то робкой, почти заискивающей. — Это дело, принесшее вам успех...

Джон Милтон вновь занял место за столом, на этот раз в более фривольной позе, закинув ногу на ногу.

— Вы имеете в виду дело школьной учительницы, обвиненной в совращении детей?

— Да. Ваша защита была безупречной. Вы видели слабые места в системе обвинения и били наверняка.

— Я знал, что эти девочки — обманщицы...

— Да, — сказал Джон Милтон, склоняясь над столом, словно собираясь обнять Кевина за плечи. — Но вы знали и то, что Барбара Стенли в главном говорит правду и Лоис Уилсон виновна.

Кевин вздрогнул.

— Нет, конечно, вы не были уверены на все сто процентов, это понятно, однако в глубине души вы сознавали, что эта женщина — совратительница. Барбара Стенли — всего-навсего малолетняя шантажистка, и, может быть, она получила хороший урок, но в главном — она сказала правду...

— Но я не знаю этого наверняка, — медленно сказал Кевин.

— Все в порядке, — улыбнулся Джон Милтон. — Вы занимались адвокатским трудом, исполняли свой долг — только и всего.

И тут улыбка сползла с его лица:

— Если бы обвинение сделало свою работу так же добросовестно, как вы, процесс мог закончить-

ся совсем по-другому. Я восхищаюсь вами. Вы были там единственным настоящим юристом. Поэтому вы должны работать у нас, Кевин. Я хочу, чтобы вы работали на нас.

Кевин удивился, откуда Джон Милтон знал детали дела Лоис Уилсон. Впрочем, сейчас его переполняли другие мысли. Разговор зашел о жалованье, и тут он убедился, что Пол Сколфилд ничуть не преувеличивал, говоря о перспективах новой работы. Ему была назначена сумма, в два раза превышавшая ту, что он получал в прежней фирме. Джон Милтон пообещал немедленно отдать распоряжения о переезде Кевина и Мириам в новые апартаменты, как только Мириам согласится. Закончив беседу, мистер Милтон вызвал секретаря и велел ей найти Пола Сколфилда. Пол появился мгновенно, будто бы дожидался за дверью.

— Передаю его вам, Пол. Кевин, добро пожаловать в нашу семью.

Кевин потряс протянутую руку.

— Премного благодарен вам, мистер Милтон.

— Все свершится на этой неделе. Вы можете забирать жену и переезжать, когда захотите.

— Еще раз спасибо. Я не стану с этим затягивать.

Джон Милтон понимающе кивнул.

— Вот это человек, да? — вполголоса спросил Пол Сколфилд, как только они покинули кабинет шефа.

— Непостижимо, как ему удастся проникнуть в суть дела. Вокруг него точно какая-то аура. Он знает все, но не производит впечатление эдакого сухаря. Сердечный, душевный человек.

— О да. Он нам как отец, — сказал Пол, задержавшись в коридоре. — Мы все его любим и почитаем.

Кевин кивнул:

— У меня было приблизительно такое же чувство. — Он оглянулся в сторону кабинета. — Как будто я сидел и разговаривал с собственным отцом.

Пол рассмеялся и дружески приобнял Кевина, после чего они двинулись по коридору к офису Дейва Коутейна. Дейв оказался почти ровесником Кевина, ему лишь недавно перевалило за тридцать. Выяснилось, что и учились они на одном юридическом факультете Нью-йоркского университета. Оба немедленно предалися студенческим воспоминаниям, обмениваясь впечатлениями о знакомых преподавателях. Дейв чем-то напоминал курсанта военной школы: моложавый, с короткой стрижкой, невысокого роста. Кевин сразу подумал, что его новый знакомый должен поправиться Мириам: эти по-детски голубые глаза, доверчивая располагающая улыбка чем-то напоминали ее младшего брата Сета.

Несмотря на хрупкую комплекцию, Дейв обладал глубоким бархатистым голосом — баритоном, из тех, за которые хормейстеры готовы продать душу. Кевин представил, как в суде на перекрестном допросе этот голос раскатывается над головами, отражаясь от высоких стен и колоннад. Он производил впечатление интеллигентного и хорошо воспитанного человека. Позже он узнал от Пола, что Дейв Коутейн окончил Нью-Йоркский университет с отличием и успел поработать в самых престижных фирмах Нью-Йорка и Вашингтона.

— Позвольте продолжить ознакомительную экскурсию, — заявил Пол, вмешиваясь в разговор. — У вас с Дейвом еще будет время поговорить и узнать друг друга поближе, а также познакомиться семьями.

— Так ты женат? И дети есть? — поинтересовался Кевин.

— Пока нет, но скоро будут, — отозвался Дейв. — У нас с Нормой отношения примерно на той же стадии, что и у вас с Мириам.

Кевин улыбнулся и вдруг подумал, до чего все-таки хорошо здесь известны обстоятельства его личной жизни.

Пол уловил его мысль:

— Мы предварительно изучаем досье каждого вновь принятого, производим полный анализ деловых качеств, включая обстоятельства частной

жизни... Потенциальный партнер должен быть заранее известен как облупленный.

— Здесь случайно не филиал ЦРУ?

Дейв и Пол рассмеялись, переглядываясь.

— Примерно то же самое пришло мне на ум, — сказал Дейв, — когда Пол с мистером Милтоном рассматривали мою кандидатуру.

— Поговорим об этом после, — поторопил их Пол, и они с Кевином двинулись в библиотеку.

Книгохранилище также в два раза превосходило то, что он оставил в Блисдейле, Бойл с компаньонами о таком и не мечтали. Их «сонный угол», как называл местную библиотеку Кевин, был наполнен давно устаревшими изданиями. Здесь же находился компьютер, по словам Пола Сколфилда, связанный с архивом конторы и службой информации федеральной полиции, также на него сгружались текущие дела и вся информация по следствию, так что можно было принимать и проверять полицейские протоколы и судебные свидетельства. Какая-то секретарша в данный момент вносила новую информацию по одному из частных расследований.

— Венди, знакомься, перед тобой Кевин Тейлор, наш новый партнер. Кевин, Венди Аллен.

Секретарша повернулась, и Кевин вновь на некоторое время попал под обаяние женских чар: удивительно совершенного лица и точеной фигурки. С виду Венди Аллен было никак не более двадцати трех лет. Озорные карие глаза блеснули

из-под персикового цвета локонов. Она улыбнулась ему.

— Привет.

— Рад познакомиться.

— Первое время Венди будет секретарем у вас с Дейвом. Пока мы не примем в штат новую единицу.

Кевин улыбнулся при мысли, что скоро у него будет собственная секретарша.

— Счастлив буду работать с вами, Венди.

— Взаимно, — блеснула она жемчужными зубками.

— Нам надо успеть поймать Теда, — шепнул ему Пол, — у него сегодня снятие показаний под присягой.

— Да, конечно.

Он последовал за Полом, еще раз оглянувшись на улыбающуюся Венди Аллен.

— Как вам удастся сосредоточиться на работе в окружении таких красоток?

Пол остановился и повернулся к нему.

— Ты еще не видел Элен и Карлу. Они не только красавицы, но и секретари высшего класса. — Улыбаясь, Пол посмотрел в сторону библиотеки. — Как говорит мистер Милтон, большинство мужчин заблуждаются, считая, что в красивых женщинах отсутствуют деловые качества и интеллект. Однажды он выиграл дело из-за излишней самоуверенности прокурора

в этом вопросе. Напомни мне, чтобы я рассказал об этом подробнее. Кстати, — добавил он, понизив голос, — Мистер Милтон лично принимает на работу всех секретарей.

Кевин кивнул, и они проследовали к офису Теда Маккарти.

Он обнаружил явное сходство между собой и этим человеком. Тед был на пару лет старше, примерно одинакового с ним роста, тоже брюнет, чуть более плотного телосложения, с темными глазами. Словом, почти двойник. Они оказались земляками. Маккарти жил в Нортпорте и закончил юридическую школу Сиракузского университета. Жена его также выросла на Айленде и работала регистратором у частного практикующего врача в Коммаке. У их также не было детей, которыми они, впрочем, предполагали обзавестись в самом скором времени.

Тед Маккарти произвел на Кевина впечатление человека очень аккуратного. Он сидел за черным дубовым столом, все бумаги у него были разложены по местам, большое фото жены в серебряной рамочке, отдельная фотография их свадьбы. Обстановка в офисе была спартанской по сравнению с кабинетами Дейва Коутейна и Пола Сколфилда: здесь во всем чувствовалось педантичное стремление к порядку.

— Рад познакомиться, — сказал Маккарти, поднимаясь из кресла, когда Пол представил Ке-

вина. У него тоже оказался хорошо поставленный адвокатский голос. — Судя по тому, что о вас рассказывали, я понял, что скоро вы окажетесь среди нас.

— Похоже, я узнал об этом последним, — заметил Кевин.

— То же самое было и со мной, — сказал Тед. — Я работал в отцовской фирме и вовсе не собирался ее покидать, когда ко мне явился Пол с приглашением. А к тому времени, когда я оказался здесь, чтобы встретиться с мистером Милтоном, я уже прикидывал, как объявить новости отцу.

— Это нечто непостижимое.

— Здесь дня не проходит, чтобы не случилось нечто непостижимое. И теперь, когда вы будете с нами...

— Жду этого с нетерпением, — отозвался Кевин.

— Добро пожаловать на борт и удачи. Попутно ветра, — сказал Тед. — Теперь мне нужно спешить. Снятие показаний под присягой.

— Что за дело?

— Клиента обвиняют в изнасиловании несовершеннолетней дочери соседа. Подробности потом, на служебном совещании.

Кивнув напоследок, Кевин поспешил за Полом. Но на пороге он остановился:

— Можно один вопрос? — Кевин задумался о том, как воспримут его сообщение Мириам и их родители.

— Сколько угодно.

— Как вы все-таки выложили новость о поступлении на новое место отцу?

— Я сказал, что собираюсь приобрести специализацию по уголовным делам. И еще я рассказал ему о том, какое впечатление произвел на меня мистер Милтон.

— Но вы же наследуете семейную фирму?

— Ах, вот вы о чем... — улыбнувшись, Тед покачал головой. — Ничего, поработаете у нас, еще поймете, что такое — семейная фирма.

Вернувшись в кабинет, который должен был стать его новым офисом, Кевин сел за стол. Сцепив руки на затылке, он откинулся в кресле. Оттолкнувшись ногой от стола, он развернулся в сторону панорамы города. Сейчас он чувствовал себя, что называется, «на миллион долларов». Он не смел поверить в удачу, слишком неожиданно свалилось на него все это: приглашение на работу в преуспевающую фирму, новая квартира в шикарных апартаментах Манхэттена...

Повернувшись обратно, он осмотрел ящики стола. Стопки чистой бумаги, наборы ручек, свежий ежедневник — здесь было предусмотрено все до мелочей, иногда опережая желания и потребности. Уже собираясь задвинуть нижний ящик, он вдруг заметил нечто необычное. Небольшой футлярчик, вроде тех, в которые помещают ювелирные изделия.

Открыв его, Кевин обнаружил там золотое кольцо на мизинец с выгравированным инициалом «К».

— Обживаем место? — спросил Пол, входя в кабинет.

— Что? Ах, да. Что это? — он показал на футляр.

— Уже нашли? Традиционный подарок от мистера Милтона. Его получает каждый, поступивший на работу.

Кевин осторожно вынул кольцо из футляра. Оно оказалось впору и сидело на пальце как влитое. Он удивленно посмотрел на Пола, но тот не подал виду, что находит что-то необычное в том, что мистеру Милтону известен размер его пальца.

— Время от времени он делает нам небольшие подарки, чтобы показать, что выделяет нас из массы остальных людей.

— Да, но... — Кевин оторвал взгляд от кольца. — Откуда он знал, что я приму его предложение?

Пол усмехнулся:

— Как я уже говорил, он выдающийся психолог.

— Замечательно, — проговорил Кевин, блуждая взглядом по кабинету. — А что этот... Джеффи?

— Что вы хотели узнать о нем?

— Никто не заметил... что с ним происходит?

— Он находился в депрессии после смерти жены, и все это знали. Мы все пытались помочь ему. Мистер Милтон нанял сиделку для ребенка. Мы

звонили ему постоянно, старались скрасить одиночество. И, когда это случилось, мы все чувствовали общую вину.

— Но... я не думаю, что...

— О нет, — откликнулся Пол. — Мы все живем в одном доме. Мы должны были бы помочь ему.

— Все вы живете в том самом доме?

— Да, где будете проживать и вы. Квартира Джеффи переходит к вам.

Кевин крепко задумался. Захочет ли Мириам переезжать в такую квартиру?

— И как это с ним... произошло?

— Прыгнул с балкона. Впрочем, вам не о чем беспокоиться. — Пол усмехнулся. — Не думаю, что на эту квартиру наложено проклятие.

— Я разделяю вашу уверенность, но все же моей жене лучше не знать о прежнем жилье. Вы понимаете меня?

— Ну, конечно. Женщины так впечатлительны. Но, уверяю вас, как только она увидит свою новую квартиру, ее покинут последние сомнения. И тогда ее не выгонит оттуда даже стадо диких слонов!

Только сворачивая на автомагистраль с развязками, Кевин понял, до какой степени изменится их с Мириам жизнь. Не то чтобы он сожалел об этом — совсем напротив, еще никогда он не ощущал такого возбуждения при мысли о том, какая перед ним распахивалась жизнь и карьера. Вместо идиллически патриархальной провинции, в которой они собирались провести остаток дней, он раскроет перед ней совершенно новый мир.

В конце концов, все перемены к лучшему, остается только убедить в этом Мириам. Да и с чего бы ей заупрямиться? Неужели, только ради того чтобы не расставаться с родителями, она собирается поставить жирный крест на своей судьбе, лишив себя многих радостей и открытий. Предложенные деньги позволят им отстроить замок своих фантазий в два раза выше, чем предполагалось. Теперь они станут столичными жителями. А для коренных жителей Блисдейла это примерно то же, что марсиане.

К тому же, что еще более привлекательно, им предстоит покинуть круг прежних друзей и заве-

сти знакомства с людьми куда более интересными, к тому же классом повыше. Он уже представлял, как будет встречаться с адвокатами из конторы и их женами. Наверняка Мириам они тоже понравятся.

По возвращении в офис он проверил автоответчик. Звонила Мириам, однако он решил до поры до времени придержать новости. Лучше рассказать дома при встрече.

Они проживали в Блисдейл Гарденс, комплексе из небольших деревянных коттеджей. Это были двухуровневые апартаменты с каминами, довольно просторные и уютные. В комплексе имелся общий бассейн и пара теннисных кортов. Раньше ему никогда в голову не приходило, что они живут как провинциалы. Но сейчас, по дороге домой, он с легким презрением подумал о своем прежнем жилье и о своих соседях — самодовольных мещанах, погрузившихся в сонное болото, убаюканных видимым благополучием собственного мирка. Теперь он словно смотрел поверх крыш и голов, видя перед собой новую судьбу.

Поставив машину в гараж, он направился в дом. Но не успел он достать ключи, как Мириам сама открыла ему. Отступив в прихожую, она спросила с видимым беспокойством:

— Куда ты пропал? Я ждала, что ты позвонишь до обеда, и мы сможем где-нибудь пересечься. Ты же знал, я волновалась. Что сказал Бойл?

— Забудь о Бойле, — ответил он, закрывая дверь. — А также о Карлтоне, Сесслере и прочих.

— Что? — она поднесла руки к горлу. — Ты хочешь сказать, тебе не предложили партнерство?

— Скорее, напротив.

— Что это значит, Кевин?

Он покачал головой.

— Не бойся, меня не уволили. Не выставили за порог, не выгнали взащей. Я сам уйду от них. Кажется, я нашел место, более подходящее... для меня.

Он обошел ее и плюхнулся на диван в гостиной.

Мириам замерла на пороге.

— И все это — из-за твоего последнего дела?

— Соломинка, сломавшая хребет верблюду. Понимаешь, Мириам, рано или поздно мы все равно бы разбежались. У нас разные дороги.

— Но, Кевин... это после трех лет работы. Ты же все время шел в гору. Ни разу не случилось ничего подобного, ни единой размовки, до этого злосчастного процесса.

Она заплакала.

— Я знала, знала, что тебе не надо было браться за это дело.

Сердце часто билось в груди, в висках пульсировало, глаза застил влажный туман слез. Кевин защищал известную в городе лесбиянку — и потерял из-за этого место в одной из самых

престижных фирм. «А я тебя предупреждала», — вспомнила она слова матери по телефону.

— Расслабься, — улыбнулся он ей.

— Расслабиться? — Мириам схватила за голову. — И ты все так спокойно воспринимаешь?

— А чего мне волноваться?

— Но где же ты был? — Она бросила взгляд на часы над камином. — И почему вернулся так рано? Раз ты утверждаешь, что тебя еще не уволили.

— Присядь — и я все тебе расскажу. Такие вести лучше услышать сидя.

— Ты меня пугаешь... Звонила твоя мать, — вспомнила она.

— Ничего, перезвоню ей позже. Сначала хочу посвятить тебя кое во что.

— Она хотела поздравить тебя с победой на последнем процессе. На этом чертовом процессе, — с досадой проговорила она.

— Ничего. Теперь она будет еще больше рада за нас.

— Отчего ей радоваться? — Мириам наконец решила присесть рядом с ним на диван.

— Да не переживай ты так, дорогая. Теперь наша жизнь станет только лучше.

— С чего бы это?

— Я уйду от Бойла, Карлтона и Сесслера. И слава богу.

— Но ты же так гордился своей работой...

— Раньше гордился. Но теперь у меня открылись глаза. Кем я был? Всего-навсего выпускником юрфака, который рад был ухватиться за любое дело. Теперь все будет совсем по-другому.

— Тогда расскажи мне, в чем дело, — потребовала она.

— Слушай, — склонился он к ней. — Помнишь того типа в баре «Брэмбл Инн», который вручил мне свою визитку?

— Ну.

— После этой встречи у меня был разговор с этими тремя клоунами. И я позвонил по оставленному номеру.

— И что?

— Пойми — это сказка. В центре Манхэттена, одна из самых богатых фирм Нью-Йорка. Погоди, ты еще сама увидишь. Это как... осуществление заветной мечты. Контора на двадцать восьмом этаже. Потрясающий вид из окон. К тому же они завалены работой и очень популярны в городе. Им срочно требуется новый адвокат.

— И что, Кевин?

— Погоди, я еще не кончил. Пол меня не разыгрывал. Они в самом деле предложили двойной оклад. Даже как полный партнер у Бойда, Карлтона и Сесслера я бы столько не получал. Ты только представь себе, Мириам, какие это деньги. И, главное, — я буду заниматься именно тем, чем хотел, — уголовными делами.

— Неужели ты готов бросить все?

— Здесь и бросать нечего по сравнению с тем, что ждет нас там... Но что я вижу? Моя женушка не доверяет мне?

Тон его был шутливым, и все же ей что-то отчаянно не нравилось.

— Ты даже не представляешь, Мириам. Там работают славные ребята, Тед, Дейв и Пол. У них жены: так что у нас будет прекрасная компания. Кстати, все тоже бездетные. А что у тебя общего с той же Этель Бойл, Барбарой Карлтон или Ритой Сесслер, с этими местными кумушками, дерущими нос и при всяком удобном случае норовящими показать, что они не нашего поля ягода? Ведь я для них не полноправный партнер — только не говори, что ты не жаловалась мне, что они обращаются с тобой точно с ребенком.

— Но у нас есть и другие друзья.

— Знаю. Те самые, что даже не позвонили, чтобы поздравить с победой. Пойми, дорогая, перед нами раскрылись новые горизонты. Мы станем полноценными жителями столицы. Шоу, концерты, галереи. Сможем выбраться в отпуск куда-нибудь на острова. Ты наконец станешь делать то, что хочешь, ни в чем себе не отказывая.

Она откинулась на спинку дивана, размышляя. Может, он и прав: разве это жизнь — в Блисдейле. Сплошная скука и прозябание. Даже если не чувствуешь себя неполноценной, тебе быстро напом-

нят о том, кто ты есть, жены боссов. Действительно, она живет как бабочка в коконе. Не настала ли пора выпорхнуть?

— Ты в самом деле думаешь, это хорошее решение, Кевин?

— Еще бы, милая, — сказал он, придвигаясь. — Это не просто хорошее, это великое решение. Решение, которое перевернет всю нашу жизнь.

Он взял ее руки в свои ладони и поцеловал.

— Что бы там ни было, я не совершу ничего, что сделает тебя несчастной. Пусть даже себе в ущерб. Ведь мы... стали как одно целое, и я не позволю одной своей части страдать, в то время как другая будет испытывать радость.

— Да. Мы стали частью друг друга. — Закрыв глаза, она чуть прикусила губу. Он погладил ее по щеке, и она открыла глаза.

— Я люблю тебя, Мириам. Я даже не знал, что можно так любить женщину.

— О, Кевин... — они одарили друг друга страстным поцелуем, и тут она заметила на его руке золотое кольцо.

— Что это, Кевин? — Она взяла его ладонь, рассматривая. — Твой инициал? Откуда оно у тебя? Ты заказал себе кольцо с инициалом, ничего не сказав мне?

— Ты не согласишься. Это подарок мистера Милтона, нечто вроде презента каждому, поступающему к нему на работу.

— В самом деле? Но откуда он знал, что ты примешь его предложение?

— Когда ты с ним познакомишься, сама поймешь. Этому человеку невозможно отказать.

Она недоверчиво покачала головой и снова поглядела на кольцо.

— Двадцать четыре карата чистого золота высшей пробы, — сказал он, поигрывая пальцами.

— Похоже, ты попал во власть его чар.

— Что ж, может быть, и так. Мистер Милтон — подлинное воплощение уверенности, богатства и успеха.

— Но, Кевин, тебе же придется каждый день мотаться в город. Ты никогда не любил дальних расстояний.

Он улыбнулся.

— В том-то и дело. Мистер Милтон все предусмотрел, выход уже найден. — Он покачал головой. — Даже не верится, до чего все удачно складывается. Иногда мне кажется, что это сон.

— В чем дело? Рассказывай? — потребовала она, подпрыгивая на диване.

Он рассмеялся ее нетерпению,

— В ходе одного из дел, которые он вел несколько лет назад, мистеру Милтону удалось приобрести целый небоскреб на Риверсайд. Так вот, там для нас предусмотрены апартаменты.

— Риверсайд Драйв? Ты хочешь сказать, мы переезжаем в Нью-Йорк? — Тут она осознала

охватившее ее возбуждение. А ведь она никогда не стремилась жить в мегаполисе.

— Сколько, по-твоему, стоят такие апартаменты в центре?

— Понятия не имею.

— Шестьсот тысяч долларов!

— Но, Кевин, откуда мы возьмем столько денег?

— Деньги не понадобятся.

— Я не понимаю.

— Они в нашем распоряжении — пока мы не построим дом нашей мечты. При этом никакой арендной платы. Даже счетов за электроэнергию.

Выражение лица у Мириам было такое, что он невольно рассмеялся — просто не мог удержаться.

— И при этом нашими соседями будут: Тед Маккарти со своей женой Джин, Дейв Коутейн с супругой Нормой и Пол Сколфилд с дражайшей половиной Хелен. Мы все будем жить в одном доме.

— И мистер Милтон тоже проживает там?

— В пентхаузе. Дело в том, что «Джон Милтон и партнеры» — это одна большая семья, как сказал мне сегодня Тед Маккарти. Да и не он один.

Мало-помалу она сдавала позиции, искренне заинтригованная.

— А что мистер Милтон? Разве у него нет семьи: жены, детей?

— Нет. Возможно, потому он и относится к своим коллегам, как к собственной семье.

— Как он выглядит? Каков он из себя?

Кевин торжественно откинулся на спинку дивана.

— Мириам, — начал он, — Джон Милтон самый харизматичный и обаятельный человек, которого мне приходилось встречать.

Он заново пережил встречу с Милтоном, описывая ее Мириам. Каждая деталь оживала в его воображении.

После тихого семейного ужина они отправились спать, уставшие от пережитых событий. Всю ночь Кевину снились кошмары. Он снова был в суде по делу Лоис Уилсон. Только в этот раз на месте судьи находился Джон Милтон, одобрительно улыбаясь ему. Кевин обернулся к Барбаре Стенли, которая сидела на месте свидетеля совершенно голая. Перед ней стояла Лоис Уилсон, щекая пальцами грудь девочки. Затем она посмотрела на него, похотливо улыбаясь, после чего рука ее полезла между ног ребенка.

— Нет! — закричал он во сне.

— Кевин?

— Нет! — Он открыл глаза.

— Что с тобой?

— А?

— Ты кричал во сне.

— Что? А-а... — Он энергично растер лицо, пытаясь избавиться от последних остатков кошмара. — Просто приснилось.

— Что тебе снилось? — сонно проговорила Мириам.

— Потом. Сейчас спать.

Она мурлыкнула, прижимаясь к нему и моментально заснула. Он еще минуту лежал с открытыми глазами, прежде чем решил отключиться.

Утром Кевин первым делом позвонил в контору, предупредив Мэри, что сегодня не придет и что встречу с Сеттонсами надо перенести на другое время. Секретарь была удивлена и добивалась более пространного объяснения, отчего это Кевин не может выйти на работу, однако он не стал посвящать ее в детали. После чего они с Мириам позавтракали и тут же выехали из города. Ночью был снегопад, снега намело на два дюйма — второй раз за год, несмотря на то что декабрь еще не наступил. По мягкому молочной белизны ковру, поскрипывающему под ногами, они шли к машине, и Мириам ощутила рождественское настроение, когда ждешь праздника и подарков. Оживая в памяти, звенели бубенцы саней, над головой, проглядывая из-за облаков, синел кусочек неба. Оттуда хлынул солнечный свет, заснежен-

ные ветви заискрились, напоминая сладкую сахарную вату.

Однако пробки на Гранд Централ быстро превратили праздничное снежное действо в обыкновенную жидкую грязь. Из-под колес идущих впереди машин летели брызги, монотонно счищаемые с ветрового стекла «дворниками».

— Пробки — не моя стихия, — пробормотал Кевин, когда они добрались до будки уплаты пошлины. — Пустая трата времени, и расслабиться с тоже нельзя.

— Городская жизнь, как видишь, тоже не подарок: пробки, постоянные проблемы с парковкой...

— Никаких проблем, Мириам. У нас там целый подземный гараж.

— Да что ты говоришь?

— Да мне и не придется самому ездить на работу, дорогая. У мистера Милтона для сотрудников предусмотрен лимузин. Нечто вроде маршрутного такси — на работу и обратно. Он сказал, что этот лимузин — нечто вроде второго офиса, там есть все, что нужно для работы. Мы сможем там совместно обсуждать текущие дела.

— Вы?

— Ну да: Пол, Тед, Дейв...

— А как же мистер Милтон?

— Наверное, он ездит на работу в другое время.

Она уставилась на него.

— Что значит — в другое время?

— Погоди дорогая, я еще не знаю. Но выясню, выясню, выясню, — распевал он.

Она откинулась на сиденье. Они наконец въезжали в город после утомительного стояния в утренних пробках. Как только Кевин свернул по Блейзер-авеню и приблизился к Риверсайд Драйв, Пол Сколфилд выбрался из лимузина с надписью «Джон Милтон и партнеры», припаркованного возле высотного здания. Пол махнул рукой, указывая на въезд в подземный гараж.

Ворота перед ними раздвинулись, впуская машину.

— Ваше место «15Д», ребята, — известил их Пол, указывая на стоянку. — Заезжайте.

Кевин дал задний ход и припарковался. Пол открыл дверцу со стороны Мириам и галантно подал руку, помогая ей выйти из машины. Кевин обошел машину, приветствуя его.

— Счастлив видеть вас снова, миссис Тейлор.

— О, пожалуйста, зовите меня Мириам.

— Мириам. В таком случае, для вас я всегда Пол — и только Пол, — ответил он с любезной улыбкой. — Лифт работает прямо из гаража. — Он показал на металлические створки. — А вот этой штукой можно открыть ворота. — Он выудил из кармана пиджака кнопочный брелок, вручая его Кевину. — Второй такой же найдете у себя в квартире, на кухонной стойке. Обратите внимание, гараж обогревается, — гордо заметил он и нажал кнопку вызова.

Дверь скоростного лифта почти мгновенно распахнулась, и Сколфилд приглашающим жестом указал на кабину.

— Давно вы живете здесь с... Хелен? — спросил Кевин, припоминая имя жены Пола.

— Мы переехали сюда почти сразу после покупки дома мистером Милтоном. Примерно... шесть лет назад.

— Это, наверное, одно из лучших мест в городе, верно? — спросила Мириам.

Пол кивнул с улыбкой.

— Мы совсем рядом с Центром Линкольна. Вокруг галереи, и район театров неподалеку. Отсюда рукой подать до любого места в Нью-Йорке, Мириам.

Лифт открылся. Он придержал рукой створку, пропуская их вперед, и указал путь вправо по коридору.

Пол остановился перед номером «15Д», который, как и остальные апартаменты, имел широкую дубовую дверь с небольшим молоточком на ручке замка.

— Как романтично, — заметила Мириам. — Обожаю все сделанное под старину.

Пол извлек ключи, отпер дверь и гостеприимно пропустил их вперед, в новые владения. Они осмотрели широкую прихожую, скорее напоминавшую вестибюль. На противоположном конце — столовая. Голубые бархатные шторы с золотой нитью на окнах вдоль стены. Несмотря на до-

вольно пасмурный день, здесь, на такой высоте, солнечного света хватало.

— Здорово... — вырвалось у Мириам.

Пол под ногами радовал глаз — настоящий дубовый паркет. Отсюда был выход на нижний уровень, в гостиную с беломраморным камином. Новый нарядный ковер небесно голубого оттенка устилал пол. В углу гостиной обнаружился спинет*.

— О, Кевин! — воскликнула Мириам, прижимая руки к груди. — Я всегда об этом мечтала! — Она пробежала пальцами по клавишам. — Он настроен! — И она сыграла несколько начальных аккордов из «Мемори».

— Мириам отлично играет, — прокомментировал Кевин. — Мы давно хотели купить пианино, только оттягивали это до покупки собственного дома.

— Но откуда этот инструмент? — спросила Мириам, все еще по-прежнему не веря в чудо.

— От мистера Милтона, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал Пол. И пожал плечами: — Вообще-то оно давно здесь стоит.

Мириам погладила крышку пианино и улыбнулась:

— Какой чудесный сюрприз, — пробормотала она.

* Род клавикордов.

— Рад, что эта вещица вам пригодится, — ответил Пол.

Не переставая удивляться, Мириам прошла на верхний уровень, в столовую.

— А ведь именно такие обои, Кевин, я и хотела купить для нашей столовой. Я их присмотрела в магазине по соседству.

Мириам осмотрела хрустальную люстру и, не переставая удивляться, вошла в просторную лимонных тонов кухню. Здесь было все, начиная от тостера, СВЧ-печи, столовой посуды и кончая мелочью вроде давилки для чеснока и щипцов для колки орехов. Полки вдоль стен высвободили пространство, так что кухня казалась большой и светлой. Окно выходило на Гудзон, как и в столовой.

Но главные сюрпризы ждали впереди. При виде спальни у Мириам окончательно перехватило дыхание. Тут даже Кевин остолбенел.

— В два раза больше... — пролепетала она.

— ... нашей спальни в Блисдейле, — закончил за нее Кевин.

Туалетный столик из белого мрамора расположился рядом с дверью в ванную. Зеркала на стенах увеличивали размеры комнаты.

— Кевин, — жалобно простонала Мириам. — Теперь наша квартира в Блисдейле кажется мне просто конурой.

— Детка, ты привыкнешь. К хорошему привыкаешь быстро.

— Но нам теперь понадобится мебель, много мебели. Чтобы заполнить... Ты только посмотри, какое пространство.

— Всеу свое время, — пропыхтел Кевин, скосив глаза на Пола. — Начинается. Нам надо то, нам надо это.

— Кевин, я серьезно!

— Конечно, конечно, только успокойся.

— Ни о чем не беспокойтесь, Мириам. Кевин сможет предоставить вам все, что пожелаете. Для этого у нашей фирмы есть неограниченные возможности.

— Спасибо, дружище.

Пол рассмеялся:

— Поверьте, я тоже прошел через все это, когда мы въехали сюда. Жена до сих пор бежит по магазинам.

Мириам охала и ахала в ванной, восторгаясь ее вместительностью, медными краниками, ручками и рычажками, после чего переместилась во вторую спальню. Первая носила название хозяйской, а вторая гостевой. Вернувшись оттуда, она известила их, что спальня, очевидно, была раньше кем-то переоборудована в детскую.

— Там мультяшные обои, такие симпатичные, — проворковала она.

— Все, что пожелаете, можно будет сменить в течение суток, — заверил ее Пол.

— Ни в коем случае! Детская в доме — это так прекрасно. — Она посмотрела на Кевина, в поисках поддержки.

Пол понимающе улыбнулся.

— Вполне разделяю ваши чувства. Ну и как вам здесь, понравилось?

— Что, мы можем переезжать? — восхитилась Мириам. — Прямо сейчас?

Кевин рассмеялся: такой восторженно-наивной выглядела она сейчас. Он опасался, что она примет переезд в штаты, но сейчас дело казалось решенным. Несмотря на перемены, произошедшие за последнее десятилетие в Блисдейле, этому городу было далеко до столичной роскоши. Нет, Мириам не любила задымленных городов с их неустойчивой экологией, всегда предпочитая мирную жизнь в провинции, где она выросла. Их родители также надеялись, что они последуют семейной традиции и навсегда останутся в тех краях, где прошло их детство. Но стоило им очутиться здесь — и все сомнения были разрешены окончательно и бесповоротно. Об этом говорил счастливый взгляд Мириам.

— Ах, Кевин, я же еще не осмотрела балкон, — сказала она, устремляясь к стеклянным дверям патио. Кевин переглянулся в Пол, но тот не выразил никаких эмоций. На этом балконе совсем

недавно его близкий друг и блестящий адвокат свел счеты с жизнью. Но Пол строго соблюдал договоренность: Мириам не должна об этом знать, иначе ее счастье может быть омрачено с первых дней.

Мириам распахнула двери и вышла навстречу свежему ветру.

— Кевин, ты только посмотри, — позвала она.

Он осторожно вышел на балкон, избегая приближаться к перилам. Они замерли, замороженные величественной панорамой.

— Прямо дух захватывает, — сообщила Мириам. — Только представь, как здесь будет шикарно летом. Мы сможем пить вино за столиком и смотреть на звезды.

Кевин молчаливо кивнул, не в силах отделаться от мысли о Ричарде Джеффи. Что с ним случилось на самом деле? Что могло заставить этого человека расстаться с такой благополучной жизнью? Принимая во внимание высоту ограждения, ему пришлось, очевидно, придвинуть стул, и уже с него... Он невольно помотал головой, отгоняя навязчивое. Такой прыжок не сделаешь без подготовки. Видимо, Ричард Джеффи заранее рассчитал свои действия. Видимо, он не видел иного выхода. Эти мысли производили на него угнетающее впечатление.

— Кевин, о чем ты задумался?

— А? Да нет, все в порядке. Просто... — он не стал объяснять то, что не смог бы сейчас выразить никакими словами.

Тут, к счастью, раздался звонок в дверь.

— Хм? Уже первые гости? — удивился Пол.

Втроем они прошли в вестибюль. За дверью оказались две молодых женщины, Норма Коутейн и Джин Маккарти. Они ворвались точно порыв весеннего ветра, со смехом и болтовней.

— Я Норма Коутейн.

— А я Джин Маккарти.

— А вы, очевидно, Мириам и Кевин, — заявила Норма. — Мы не могли ждать, терпения не хватило. Дейв сказал, чтобы мы не мешали, дали вам освоиться в новой обстановке, но Джин сказала...

— А что тут такого? Это соседский долг: мы же должны помочь им устроиться.

— Привет, — Норма схватила руку Мириам крепкими прохладными ладошками. — Я живу в «15Б».

— А я в «15В», — поспешила вставить Джин и тут же завладела рукой Мириам, едва ее выпустила подруга.

Тут они остановились, чтобы перевести дыхание.

— Пол? — позвала Норма.

— Ах да. Знакомьтесь: это Кевин и Мириам Тейлор. Да что говорить, вы и так уже знаете.

— Вот он, истинный адвокат, — заметила Джин. — Не бросит на ветер слово, за которое не заплачено.

Подружки рассмеялись, почти в унисон. Чем-то они напоминали двух сестер, дружных с детства и понимающих друг друга с полуслова. Несмотря на то что у Нормы была стрижка «каре», а длинные волосы Джин завиты локонами, спадающими на плечи, они чем-то неуловимо походили друг на друга. У Нормы волосы, правда, были чуть темнее. Роста примерно одинакового, крепкие точеные фигурки, но Норма чуть полнее подружки.

Кевину еще не приходилось встречать столь энергичных напористых женщин, тем более среди домохозяек. Голубые глаза Нормы блестели, точно сапфиры, а зеленые глаза Джин искрились таким же блеском, только напоминали изумруды. Румяные, розовощекие, они так и светились бодростью и здоровьем. Полные сочные губы, наверное, не нуждались в помаде. Обе были одеты домашнему: в джинсы и одинаковые темно-синие рубашки, в розовые кроссовки с эмблемой Лос-Анжелесского мотоклуба, точно игроки одной команды.

— Заходите ко мне на чашечку кофе. Я купила такие обалденные пончики. И, кстати, совершенно без сахара, из низкокалорийных продуктов, — объявила Джин, подхватывая Мириам под локо-

ток, будто бы уже стала лучшей ее подругой. — Тут такая классная кондитерская, прямо под нами, на углу Бродвея и Шестьдесят третьей...

— Можно подумать, это ты ее нашла.

— А кто же?

— Ты попала туда по моей наводке. Я первая отыскала ее.

Мириам, хохоча, вдруг обнаружила, что ее уже увлакивают за дверь. Она беспомощно оглянулась на Кевина.

— Все в порядке, — заверил он. — Мы с Полом как раз собрались в контору. Съездим на пару часов... и я вернусь, чтобы освободить тебя из плена, — закончил он со смехом.

— Освободить? — вскинулась Норма. — Вот сейчас мы именно этим и занимаемся. Можно подумать, ей интересно слушать вашу юридическую тарабарщину, от которой уши вянут. Мы расскажем ей все о здешних магазинах!

— Во всяком случае, до моего приезда она не соскучится, — заметил Кевин.

— Больше в ее жизни не будет ни одного скучного дня, — заверил Пол.

Слова эти были сказаны таким высокомерно самоуверенным тоном, что Кевин на всякий случай заглянул ему в глаза. Но там не было и тени юмора. Коллега был совершенно серьезен.

— А где твоя жена, Пол?

— Хелен не так быстра на подъем, как эти две кумушки, но вы еще познакомитесь. Она тоже с нетерпением ожидала вашего приезда. Впрочем, нам, в самом деле, пора. Лимузин ждет у подъезда.

Закрывая дверь, Кевин услышал щебет дам, уводящих Мириам по коридору.

Разве это не чудо? Разве все происходящее — не к лучшему?

Интересно, почему его продолжают занимать такие вопросы...

— Кофе? — предложил Пол. Он разлил по чашкам кофе из кофейника, разогретого на встроенной в шкафчик плитке.

Кевин тронул занавески на окнах. Лимузин отъезжал от тротуара. В роскошном «мерседесе» совершенно не чувствовалось, что едешь в машине. Скорее, как будто сидишь в кабинете, в мягких кожаных креслах, если не обращать внимания на низкий потолок.

— Да, это лучший способ преодолевать нью-йоркские пробки, — улыбнулся он.

— Даже не заметишь, как доедешь. — Пол передал ему чашку и уселся напротив, закинув ногу на ногу. — Вот так каждое утро — кофе мы пьем в машине по дороге. И свежий номер «Уолл-стрит Журнал» всегда под рукой. Так что можно отдохнуть и отвлечься, перед тем как вступить в бой.

Я уже так привык, что иногда не замечаю этих удобств. Принимаешь комфорт как нечто само собой разумеющееся.

— Так ты уже шесть лет работаешь на мистера Милтона?

— Да. Раньше я работал на окраине, в небольшом городке Монтичелло. Главным образом, операции с недвижимостью, автомобильные аварии. Мистер Милтон обратил на меня внимание, когда я защищал одного доктора, обвиняемого в незаконной практике.

— В самом деле? И как?

— Дело закончилось полной победой. — Он придвинулся к Кевину. — Хотя, между нами, доктор был тот еще подонок. Грубое, бесчувственное и безответственное животное.

— Как же тебе удалось его вытащить?

— Сбив линию защиты противоположной стороны. Доктора подводили под преступную небрежность. Он лечил травму глаза и запустил пациента, не осматривал его несколько дней подряд. Уехал на выходные играть в гольф и забыл предупредить коллег. А у этого несчастного к тому времени, как доктор вернулся, глаз окончательно вытек.

— О господи.

— Таким типам не везет по жизни. Он был мелким чиновником в дорожном департаменте. Сестра надоумила его обратиться в суд, но он да-

же не мог назвать точной даты, когда его осматривал лечащий врач, и что именно ему было назначено. По счастью, сохранились записи в больничной карточке. Само собой, я заблаговременно подготовил нью-йоркского специалиста, который подтвердил, что действия доктора и его напарника были совершенно оправданны. Этому эксперту пришлось выплатить пять тысяч долларов за какой-то час работы, зато доктор вышел сухим из воды, оправданный по всем статьям.

— А как же этот несчастный?

Пол пожал плечами.

— Мы предлагали отступные его адвокату, но того обуяла жадность, и он решил, что выиграет дело. — Пол усмехнулся. — Мы лишь исполняем свой долг, приятель. Ты знаешь сам.

— А потом, — продолжал он спустя некоторое время, — появился мистер Милтон. Он специально приехал познакомиться. Мы поговорили за столиком в ресторане, и уже на следующий день я собирал чемоданы.

— Наверное, с тех пор тебе не приходилось жалеть об этом.

— Ни на секунду.

— Вчера в спешке я совсем забыл спросить — сам-то он откуда?

— Бостон. Йельская школа юристов.

— Так он из зажиточной семьи? Отец тоже адвокат?

— Богат, но не адвокат. Шеф вообще не любит рассказывать о прошлом, так что постарайся избегать таких расспросов. Его мать умерла при родах, он родился сиротой, отец бросил его почти сразу.

— О, прискорбно.

— Но это пошло ему только на пользу. Он сам сделал себя. Пожалуй, все произошло как нельзя лучше. Благодаря напористости и энергии, предоставленный во всем самому себе и не имея покровителей и опекунов, он многого достиг и вскоре добился репутации и положения в обществе. Так что он человек, «сделавший себя» во всех смыслах слова.

— И до сих пор не женат?

— Вряд ли это когда-нибудь произойдет: он убежденный холостяк. А женщина у него и так есть. Хью Хефнер тоже не страдает от одиночества.

Кевин рассмеялся в ответ, поглядывая на толпы пешеходов, пересекавших перекресток. Здесь все казалось умноженным в несколько раз, даже возведенным в квадрат или в куб, по сравнению с Блисдейлом. Отсюда, из Нью-Йорка, открывались совсем иные перспективы, будто выход в новое измерение. Нью-Йорк был повсюду, он окружал, он предлагал, сулил и обещал. Он протягивал ладони отовсюду и подмигивал из витрин. Он обещал дорогие подарки, которые надо только за-

служить. И сюрпризы не заставят себя ждать. Но чем он заслужил эту неслыханную щедрость судьбы? Впрочем, как любил говорить его дед, дареному коню в зубы не смотрят, так что он совершенно напрасно беспокоится. Кевину уже не терпелось приступить к работе, чтобы доказать, что он достоин свалившегося на его голову счастья.

При входе в контору Диана сообщила им, что мистер Милтон, Дейв и Тед ждут их в конференц-зале.

— Черт возьми, совершенно забыл, сегодня же совещание. Вот как все здорово складывается, — заявил Пол, похлопывая Кевина по плечу. — Сейчас и примешь крещение.

Конференц-зал — прямоугольное помещение без окон — был ярко освещен. Не считая грандиозных электронных часов на задней стене, обстановка здесь была совершенно аскетичной: ни картин, которыми был увешан вестибюль и коридор, ни фотографий в рамках. Голые стены и серая плитка пола напоминали больницу. Здесь не было запахов: приятных или неприятных. Лишь приглушенное гудение кондиционеров, нагнетавших чистый, холодный воздух в комнату.

Мистер Милтон восседал во главе широкого черного стола. За исключением стола да нескольких стульев, в комнате напрочь отсутствовала мебель. Дейв и Тед сидели напротив друг друга, с папками наготове. Между ними и мистером Милтоном оставались пустые сиденья. Карла внесла кофе.

— Доброе утро, — приветствовал мистер Милтон вновь прибывших. — Как, понравилась вашей жене новая квартира?

— Просто фантастика. Я и не думал, что удастся уговорить ее прямо сегодня.

Дейв и Тед понимающе переглянулись. Очевидно, в свое время и они прошли через это. По лицу Джона Милтона нельзя было угадать, усмехается он или же, напротив, настроен крайне серьезно, отдельные черты лица словно жили самостоятельной жизнью, рот оставался плотно сжат, глаза, кажется, скрывали улыбку.

— Да, пока не забыл, позвольте вас поблагодарить за кольцо.

— Уже нашли? — Джон Милтон кинул взгляд на Дейва и Теда, которые широко заулыбались. — Добрый знак. Думаю, с делами у вас будет получаться так же быстро.

Все одобрительно посмотрели на Кевина.

— Кевин, почему бы вам не занять место справа от Дейва.

— Отлично, — отозвался Кевин, посмотрев на Дейва. — Доброе утро.

Дейв и Тед откликнулись, приветствуя его. Пол сел справа от мистера Милтона, надел очки и раскрыл папку.

— Ну вот, можно и начинать, — объявил мистер Милтон. — Я рад, что вы уже с нами, Кевин. Никакого официоза, но мы периодически устраиваем такие встречи, чтобы убедиться, что у всех дела в порядке.

— Кофе? — предложила Карла.

— Нет, благодарю. За это утро я уже уговорил несколько чашек.

Карла тут же заняла стул за мистером Милтоном, вооружившись блокнотом и ручкой. После чего выжидательно посмотрела на них.

— Начнем с тебя, Тед, — предложил мистер Милтон.

Тед Маккарти оторвал взгляд от папки.

— Хорошо. Мартин Кроули проживает на втором этаже дома на углу Восемьдесят третьей и Йорк. Он работает поваром в «Джинджерс паб» на пересечении Пятьдесят седьмой и Шестой улиц около четырех лет. Владельцы и управляющий дали ему блестящие характеристики: трудолюбивый, ответственный человек. К тому же старый холостяк, в Нью-Йорке у него никого нет. Он довольно толстый, однако стрижка у него короткая... как у Дейва, — добавил он, улыбаясь приятелю.

Дейв не улыбнулся.

— Продолжайте, — мягко сказал мистер Милтон, прикрыв глаза. Казалось, слова Теда доставляли ему необыкновенное наслаждение.

— Соседи, помимо Блаттсов, почти ничего о нем не смогли рассказать. Одиночка, общительный, но себе на уме. Есть хобби... моделирование аэропланов. У него весь дом забит этими моделями.

— И сколько ему лет? — поинтересовался Дейв.

— Сорок один год.

— Переходим к девушке, — подал голос мистер Милтон.

— Его соседи по лестничной клетке, Блаттсы, имеют двоих детей, мальчику — десять, дочери — пятнадцать. Дочь Тина однажды пришла домой в истерике, заявив, что Мартин пригласил ее к себе посмотреть на аэропланы и там запугал и изнасиловал. Они позвонили в полицию.

— Ее осматривал доктор?

— Осматривал. Следов спермы найдено не было, тогда она заявила, что Мартин надевал презерватив. — Тед поднял глаза от бумаг. — Она сказала, что, даже насилуя ее, он сказал, что опасается СПИДа.

— В смысле, опасается — боится подхватить или наградить? — уточнил Дейв.

— Этот вопрос она не осветила.

— И что у них есть, кроме свидетельских показаний потерпевшей? — спросил мистер Милтон особым тоном, тут же возвращая всех в русло беседы.

— Несколько ссадин у нее на плечах и руках. Порванные трусики. При обыске на квартире Мартина обнаружили перламутровую расческу, которая, по словам матери, принадлежала Тине.

— Даже если это так, то ничего не доказывает. Единственное, о чем может говорить найденная расческа — что она была у него в гостях, но никак не об изнасиловании, — прокомментировал Пол.

— Мартин не признал ничего, инкриминированного ему? — спросил мистер Милтон.

— У него хватило ума отказаться от любых ответов до прибытия адвоката.

— Он был дома в то время, когда, по ее утверждению, произошло изнасилование?

— Да. Причем один, как всегда. Утверждает, что работал над новой моделью.

— Что еще?

— Ну... — Тед заглянул в записи. — Примерно шесть лет назад он проходил по обвинению в изнасиловании двенадцатилетней девушки в Талса, штат Оклахома. Но дело до суда так и не дошло.

— Это не проблема. Даже если его станут допрашивать под присягой, они не смогут спросить о предыдущих обвинениях, только о предыдущих наказаниях.

— Не думаю, что стоит доводить дело до присяги. Мне тут кое-что удалось узнать о школьных делах этой девочки. У нее репутация довольно распущенной особы, часто меняющей бойфрендов. Я нашел двух парней в школе, которые изъявили желание дать показания против нее: видимо, она им насолила. Так что ее можно будет быстро сбить и поставить под сомнение все ее показания. Я уже устроил тут утечку информации: семья в курсе, что может произойти на процессе. Так что возможно, у них не хватит духу доводить дело до суда.

— Очень хорошо, Тед. — По лицу мистера Милтона пробежала улыбка: мелькнув в глазах,

она появилась на щеках и исчезла в уголках рта. — Отличная работа, — повторил он негромко. — Я бы хотел ознакомиться с деталями инцидента в Талса, — Милтон сделал жест рукой, после чего Карла застрочила в блокноте.

— Дейв, что у тебя?

Дейв Коутейн кивнул, раскрывая папку. Затем он обвел присутствующих многозначительным взглядом, предвзяв выступление:

— Похоже, на этой неделе у меня будут первые полосы в газетах.

— Неплохо, реклама нам не повредит, — заметил Пол. Они с мистером Милтоном обменялись довольными взглядами.

— Дейв получил довольно громкое дело, Кевин, — обратился к нему мистер Милтон. — Возможно, вы читали о серии убийств в колледже. Ученицы были изнасилованы и зверски убиты, после чего были найдены расчлененные тела. Район действий убийцы охватывает верхний Бронкс, до Йонкерса с заходом в Уэстчестер. Человек, подозреваемый в этих преступлениях, был арестован и помещен под стражу. Сейчас он находится в камере предварительного заключения.

— Да, я слышал об этом деле. Но разве последняя жертва не была найдена буквально на прошлой неделе?

— Во вторник, — уточнил Дейв. — На углу парковки у гоночного трека в Йонкерсе. Тело в пластиковом мешке для мусора.

— Помню. Последнее убийство было совершено с особой жестокостью.

— Вы еще не знаете деталей. В газетах — лишь половина того, что проходит по делу. — Достав стопку бумаг из папки, Дейв продемонстрировал ее. — Следственный протокол содержит детальные описания пыток в стиле наци, на чем, кстати, — сказал он, обращаясь к Милтону, — собираются строить обвинение.

— Но почему? — спросил Кевин. Он не мог сдержать внезапно обострившегося любопытства.

— Мой клиент, Карл Обермайстер, бывший член гитлерюгенда. Естественно, сейчас он заявляет, что был тогда всего лишь ребенком и делал то, что ему говорили, но вот папочка его отличилась тем, что был охранником в Освенциме.

— Не имеет значения. Члены семьи все равно не будут присутствовать на процессе, — отмахнулся мистер Милтон.

— Совершенно верно, — отозвался Дейв и вернулся к документам.

— Что там еще, по существу, в следственном протоколе? — поинтересовался мистер Милтон. — Может, Кевину будет интересно послушать.

Кевин вздрогнул:

— Нет, что вы, я просто...

Мистер Милтон остановил его движением руки.

— Слушайте, это интересно.

— Помимо того, что грудная клетка у жертв была вскрыта, экспертиза выяснила, что в вагину вставлялся раскаленный стержень, — торопливо прочитал Дейв.

— Видимо, следов спермы обнаружено не было, — прокомментировал Тед.

— Господи, — прошептал Кевин.

— На этой работе приходится иметь железные нервы. Мы имеем дело с самыми жестокими преступлениями века, наряду с преступлениями белых воротничков, — пояснил мистер Милтон. Голос его был твердым и суровым. Кевин воспринял это как первый выговор.

— Конечно, я понимаю, — поспешил вставить он. — Простите.

— Продолжайте, — распорядился мистер Милтон.

— Обермайстер был остановлен поблизости от места преступления полицейским патрулем. Он так лихорадочно торопился оплатить штраф за превышение скорости, что патрульный сразу заподозрил неладное. Утром, после того как было обнаружено тело, патрульный вспомнил Карла Обермайстера. К нему заявили для допроса, но молодой амбициозный следователь оказался слишком ретивым. Он не ограничился вопросами и произвел обыск без всякого ордера, в ходе которого была обнаружена проволока, диаметром и составом совпадающая с той, которой связывали

жертву. Карла уперли в камеру предварительно заключения, после чего продержали пять часов в карцере, добиваясь признания.

— И он признался... — пробормотал Кевин.

— Раскололся, — отвечал Дейв с улыбкой. — Но действия полиции будут опротестованы на суде. Не все средства хороши для получения признаний. К тому же все это время они не давали ему сделать звонок адвокату, что является прямым нарушением прав задержанного. Так что инкриминируемый материал собран недопустимым для следствия образом. На самом деле у них против него нет ничего существенного. Карл скоро выйдет на свободу, — добавил он и повернулся к мистеру Милтону в ожидании одобрения. Тот ответил улыбкой. Дейв на миг прикрыл глаза, словно получив благословение.

— Прекрасно, Дейв. Отличная, добросовестно сделанная работа. Тебе есть чем гордиться.

— Мои поздравления, — присоединился Пол.

— Здорово, — добавил Тед. — Полный улет.

Кевин уставился на коллег. Похоже, они не иронизировали. Напротив, это было совершенно искренне: лица у всех были довольные. Тут у него промелькнуло в голове, что вообще-то Дейв Коутейн — еврейского происхождения. И при этом он защищает на предстоящем процессе человека с нацистским прошлым. Но Дейва это, похоже, ничуть не беспокоит. Во всяком случае, по нему не ска-

жешь, чтобы это как-то его напрягало. Более того, глаза его излучали гордость от сознания успешно проделанной работы и похвалы начальства.

— И все же, — добавил мистер Милтон, — мне надо ближе ознакомиться со следственным протоколом. Сделайте для меня копию, Карла, — сказал он, не оборачиваясь к ней. Она тут же черкнула записку в блокноте. Затем мистер Милтон взглянул на Пола и обвел взглядом остальных. — А теперь нам предстоит рассмотреть действительно библейское дело. Пол, приступай.

Тед с Дейвом ответили понимающими улыбками.

— Библейское? — озадаченно спросил Кевин.

— Каин и Авель, — пояснил Пол.

— Лучше не скажешь. Опишите нам суть, Пол. Сколфилд распахнул папку.

— Пат и Моррис Галан, обоим под пятьдесят. Пат дизайнер по интерьерам. Моррис владеет и управляет небольшим комбинатом по бутылочному розливу. У них есть 18-летний сын Филип, но, когда Пат исполнился 41 год, они обзавелись вторым сыном, по имени Арнольд. Они не могут объяснить, как такое могло случиться. Воспитывать малолетнее дитя в их возрасте довольно обременительно. Пат не хотела бросать работу и фактически оставила на произвол судьбы этого ребенка. Сперва она даже отказалась от него.

— Ее уговорили? — уточнил мистер Милтон.

— Она консультировалась по этому поводу у своего психоаналитика. К тому же у Галанов были семейные проблемы, — продолжал Пол. — Они упрекали друг друга в том, что не заботятся о ребенке. Пат обвиняла Морриса в том, что он хочет отлучить ее от работы и обречь на участь домохозяйки, во всем зависимой от супруга. Наконец они решили проконсультироваться у специалиста. В это время большая часть ответственности за младшего брата легла на Филипа, а мальчик был, можно сказать, в самом подростковом возрасте, большей частью погруженный в свои проблемы, которых у него и без того хватало. Поэтому он воспринял воспитание младшего брата как непосильное бремя. Вот положение дел, с которого все началось.

— Переходим к картине преступления, — велел мистер Милтон.

— Однажды вечером, купая младшего братика в ванне, Филип потерял самообладание и утопил его.

— Утопил? — ошарашенно переспросил Кевин. Легкость, с которой Пол произнес эти слова, поразила его.

— Он мыл ему голову. Арнольду в это время... — юрист заглянул в бумаги, — было пять лет. Он хныкал, вырывался... У Филипа кончилось терпение, и он сунул брата головой под воду, где продержал достаточно долгое время.

— Бог мой, но где же были родители?

— В том-то и дело, Кевин. Родителей не было в городе в это время. Как обычно, они жили своей жизнью. Как бы там ни было, миссис Галан просила нас защищать ее старшего сына в суде. Ее супруг отказался от него, заявив, что не желает больше о нем слышать.

— У Филипа прежде случались подобные вспышки ярости? — спросил Дейв.

— Ничего экстраординарного. Драки в школе, правда, случались, но полиция его ни разу не привлекала. К тому же хороший ученик. Пользуется уважением в классе. Но главное — что интересно — он не рассказывает в содеянном.

— И что это значит? — поинтересовался Кевин. — Может, он просто не понимает, что натворил?

— Да, но... — Пол обратился к мистеру Милтону. — Он не сожалеет о случившемся. Совершенно очевидно, что он не испытывает никаких угрызений совести. В обвинении такое часто проходит как умышленное убийство. Они собираются разыграть сценарий, по которому Филип вовсе не мыл брата, а намеренно утопил его в ванне. Что весьма спорно, поскольку и мать утверждает, что вовсе не поручала ему в этот день купать малыша. Я бы не хотел приводить его под присягу. То, как он говорит о погибшем брате... будь я среди присяжных, точно засудил бы его на всю катушку.

— Значит, он все спланировал? — спросил Кевин.

— Наша задача — доказать противоположное, — быстро вставил Джон Милтон. — Мы его защита, судят пускай другие. Каков план действий, Пол?

— Думаю, вы правы насчет родителей. Я предварительно поработал с ними, объяснил, как себя вести на суде, внушил, что мальчик находился в состоянии аффекта. После чего связался с доктором Мервином. Он согласен подтвердить неустойчивую психику подростка... смещение ролевых позиций: ему приходилось быть одновременно братом и матерью, и все это происходило в пубертатном периоде, помимо прочих подростковых проблем. Что и спровоцировало вспышку подростковой тяги к суициду, вылившейся во внешние формы.

Он обернулся к Кевину.

— Честно говоря, наш план действий не вполне ясен. Как справедливо заметил мистер Милтон, миссис Галан наняла меня защищать ее сына, а не преследовать его в судебном порядке. И, потом, даже несмотря на то что он упрямо не раскаивается в содеянном, мне кажется, что тут большая доля вины лежит на родителях, забросивших детей. Именно отношения взрослых привели к трагедии. Когда они вернулись поздно вечером, Филипп спал в своей кровати. Они даже не заглянули

в комнату к Арнольду. Лишь утром мистер Галан обнаружил пятилетнего сына в ванной.

— О господи.

— Поработаете у нас некоторое время, — заметил мистер Милтон Кевину, — и забудете такие слова.

Кевин ответил взором, полным смущения.

— Вас перестанет удивлять, что этот мир полон боли и страданий. Похоже, Господь не особо заботится о нем в последнее время.

— Я все понимаю. Просто странно, как к такому можно привыкнуть.

— Привыкнете, говорю вам, — иначе не справитесь с вашей работой. Не сможете делать ее добросовестно. Тем более, вы, Кевин, уже показали себя человеком, который может отстраниться от моральных тонкостей, — с улыбкой добавил Джон Милтон.

Последнее, безусловно, относилось к делу Лоис Уилсон. Кевин почувствовал, что краснеет. Мистер Милтон как будто видел его насквозь. Отглянувшись по сторонам, он понял, что и другие уставились на него выжидательно.

У Пола взгляд был столь же серьезен, как и у шефа. Дейв смотрел скорее соболезнующе. Тед беззаботно скалился, как будто услышал шутку в дружеском кругу.

— Наверное, чтобы привыкнуть к такому, потребуется некоторое время, — наконец, справив-

шись с охватившим его смущением, проговорил Кевин. — И больше опыта в уголовных делах.

— Это правда, — отозвался Джон Милтон. — Время и опыт решают все. А теперь, послушав о делах фирмы, вы можете подумать и о своем деле.

Джон Милтон подтолкнул папку по направлению к Дейву, который передал ее Кевину. В этот момент по спине Кевина пробежали мурашки. Странно. Только утром он был преисполнен такого азарта, хотел немедленно проявить себя в новой фирме. А тут вдруг внезапный холодок... И будущие дела казались вовсе не такими уж притягательными. Тем не менее, чувствуя на себе перекрестье взглядов, он немедленно улыбнулся.

— Это дело обещает стать интересным, Кевин; примите крещение огнем, — продолжал Джон Милтон. — Впрочем, здесь все его уже приняли — и что? — вы только посмотрите на них!

Кевин невольно скользнул взглядом по лицам. Их выражение сейчас напоминало выражение лица капитана Ахаба, пустившегося в погоню за Моби Диком. Сейчас он чувствовал: произошло нечто большее, чем поступление на работу в адвокатскую контору; он точно вступал в братство по крови, союз проклятых адвокатов. Крепостью их стал закон и Процессуальный кодекс, оружием их был Уголовный кодекс и ораторское искусство.

Броней — знание психологии свидетелей и присяжных. И что бы они ни затеяли, их действия должны приносить только успех и победу.

И во главе их рыцарского стола, точно легендарный Артур, восседал Джон Милтон, чьей похвалы они стремились удостоиться. Их начальник, их вождь, их стратег.

— На следующем совещании, Кевин, мы будем слушать ваш доклад, — объявил Джон Милтон, вставая.

Все поднялись следом, провожая уходящего шефа, за которым семенила Карла с блокнотом. Как только они покинули кабинет без окон, коллеги повернулись к Кевину.

— Мне показалось, что он вышел из себя, — сказал Дейв. — В тот момент, когда ты сказал «Боже».

— Почему это так зацепило его?

— Единственная вещь, которую мистер Милтон на дух не переносит — это жалость адвоката к жертве, когда ему предстоит встать на защиту интересов клиента. Усвой это раз и навсегда, — посоветовал Пол.

— Особенно в таком деле, как у Дейва, — добавил Тед.

— Но почему именно в нем?

— Потому что его клиент, в отличие от наших, не имеет средств и субсидируется лично мистером Милтоном.

— Вы шутите?

— Никаких шуток, — отрезал Дейв. — Он увидел брешь в системе, и мы пройдем сквозь нее, как через пробоину в крепостной стене. Таков его стиль, его стратегия.

— И потому мы всегда добиваемся успеха, — гордо, даже высокомерно заявил Тед.

Кевин только кивнул, соглашаясь и еще раз оглядел будущих коллег. Нет, они все же не были рыцарями, и стол этот не походил на Круглый стол Камелота, и тем не менее им суждено стать легендой — Кевин был в этом уверен.

Мириам стала опасаться, что от постоянных улыбок у нее начнется паралич лицевых нервов. Она непрерывно улыбалась и хохотала, с тех пор как Кевин ушел. Норма и Джин не умолкали ни на минуту. Когда уставала одна, тут же включалась другая. Сначала Мириам показалось, что они сидят на амфетаминах, и оттого постоянно возбуждены и трещат без умолку. Откуда в этих женщинах столько энергии и словоохотливости, восторженности, наконец, — причем словно искусственно поддерживаемой?

Впрочем, их жизненная философия говорила как раз о противоположном. Они не пользовались никакими таблетками. Напротив, это были две фанатки здорового образа жизни: что и объясня-

ло, кстати, покупку низкокалорийных пончиков на фруктозе. Мириам пришлось признать, что выглядят они безукоризненно, точно наглядные пособия по правильному образу жизни: аккуратные фигурки, здоровый цвет лица, жемчужные зубы, ясный взор и позитивная самооценка.

Нигде не работая и, по сути, ничем не занимаясь, обе тем не менее жили полноценной жизнью. То есть чувствовали себя полноценными членами столичного общества. Они даже составляли расписание, планируя каждый день своего существования, чтобы успеть все, что задумали. Уборке и готовке было отведено утро, после чего трижды в неделю: понедельник, среда и пятница — непременно аэробика. Вторник был целиком посвящен закупке продуктов, разумеется, «здоровых» и необременительных для организма. Четверг отводился на посещение музеев и галерей; и, само собой, в субботу и воскресенье они ходили в театры и кино. Большая часть вечеров отводилась организации совместных вечеринок, походам в рестораны или приемам гостей.

Чем дальше, тем Мириам становилось понятней, что Норма и Джин, равно как и еще не знакомая ей Хелен Сколфилд, образовали свой тесный и сплоченный коллектив, особый мирок этаких самодостаточных домохозяек. Они практически не говорили о других людях, поскольку никто больше их не интересовал. Очевидно, все

три парочки проводили свободное время совместно и даже в отпуск ездили, когда это позволяло судебное расписание.

Кевин прав, эти городские женщины были постоянно в движении, они жили жизнью комфортной, увлекательной, насыщенной. Их трудно было представить проводящими день за перелистыванием журналов в постели или просмотром сериалов, в ожидании прихода супругов. Возможно, именно это предстояло ей в будущем, останься она навсегда в Блисдейле. Вряд ли кого-нибудь из ее блисдейлских подруг можно было выманить в город, чтобы сходить в театр или просто прошвырнуться по магазинам, — да мало ли с какой целью. Потому что перед глазами у них постоянно стояли «эти ужасные пробки», «эта вечная толпа» и прочие неразрешимые проблемы провинциальных матрон.

Но эти две дамы были готовы к любым проблемам, возникавшим в городе, и они так и жили здесь — никакого чувства опасности, страха, дискомфорта, и, возможно, что самое важное для Мириам, которая выросла на Айленде, никакой замкнутости. Их дома были столь же просторны, открыты и светлы, как и ее.

Апартаменты Нормы были оформлены в традиционном стиле, во многом напоминая их с Кевином обстановку, оставшуюся в Блисдейле, только Норма с Дейвом предпочли более консерватив-

ные, сдержанные цвета. У Джин было посветлее, яркие цвета в отделке комнат, больше свободного пространства, ультрамодерновая мебель, сплошные кубы-квадраты, пластик да стекло. Хотя Мириам была далеко не в восторге от подобной обстановки, все же такой стиль ее заинтриговал. Из апартаментов ее новых подруг открывался все тот же чудный вид на Гудзон.

— Что это мы все болтаем да болтаем, — вдруг дошло до Нормы. В это время они сидели у нее в гостиной, потягивая белое вино из больших стеклянных бокалов. — Мы же не даем тебе рта раскрыть.

— Да все в порядке.

— Нет, это невежливо, — присоединилась Джин, откидываясь назад и забрасывая ногу на ногу. Ноги у нее были длинные и тонкие, с холеными ногтями, на лодыжке золотая цепочка с маленькими бриллиантами. Мириам обнаружила, что они очень богаты. Апартаменты подруг были полны дорогих вещей, от плазменных панелей домашних кинотеатров и акустических многоканальных стереосистем до мебели, ковров и занавесок, часть которых могла бы найти себе место в музее прикладного искусства.

— Честно сказать, я просто сию и восхищаюсь вашей обстановкой. У вас полно красивых вещей.

— И у тебя будет то же самое, — посулила Норма.

Мириам покачала головой, на глаза навернулись слезы.

— В чем дело, Мириам? Что стряслось?

— Ничего не стряслось, все в порядке. Просто не верится, до чего быстро все произошло. Меня словно вырвали из одного мира и поместили в другой, совершенно другой, и всего за один день. Не то, чтобы мне здесь не нравилось, просто... просто...

— Перенапряглась, — понятиливо кивнула Норма с посерьезневшим лицом. — То же самое было и со мной. Слишком много перемен, слишком много новых ощущений.

— И со мной то же было, — ревниво вмешалась Джин.

— Не терзай себя. — Норма потянулась из своего кресла, чтобы дружески потрепать Мириам по колену. — Ты не согласишься, как быстро ты ко всему привыкнешь. Правда, Джин?

— Истинная правда, — поддержала Джин, и обе захихикали.

Мириам попыталась выдавить улыбку, ее стало понемногу отпускать.

— Возвращайся к себе. Что ты будешь делать, пока твой симпатичный молодой муж будет заниматься делами в этом... как вы его там называете — Блисдейле? — спросила Норма.

— Да, Блисдейл. Это маленький городок, даже можно сказать, маленькая страна — совершенно

не похожая на столицу. Провинциальное местечко, но мы его любим. Теперь правильнее сказать — любили. — Она умолкла, задумавшись. — Забавно, конечно, но мне уже кажется, будто я покинула его давным-давно, — произнесла Мириам тихо и обреченно.

Она снова привычным жестом опустила руку на шею, как будто нащупывала ожерелье. Обе дамы уставились на нее с застывшими улыбками.

— Все равно, — продолжала Мириам, — судьба странно складывается. Одно время я пыталась стать моделью, но дальше показов в универмагах дело не пошло. Я скоро поняла, что это не та жизнь, о какой мечтала. Я помогала отцу...

— Он дантист?

— Да. Я работала у него в приемной почти полгода, а потом решила целиком посвятить себя Кевину и нашему дому. В этом году мы собирались обзавестись детьми.

— Мы тоже, — поспешила вставить Норма.

— Что?

— Мы обе собираемся завести детей в этом году, — заявила она, поглядывая на Джин. — Да, да, на самом деле...

— Мы договорились обзавестись ими одновременно, хотя наши мальчики еще не в курсе. — Подружки рассмеялись. — Так что можешь к нам присоединяться.

— Присоединяться к вам? — Мириам ответила улыбкой, которая от замешательства стала еще шире.

— На самом деле это мистер Милтон навел Джин на такую мысль на одной из наших совместных вечеринок. Погоди, ты еще не видела его пентхауза. Скоро он закатит праздник в честь поступления на службу нового работника.

— О, он устраивает такие замечательные вечера, ресторанная кухня, музыка, интересные люди...

— Вы имеете в виду, что мистер Милтон намекнул на... это? — Мириам повернулась за ответом к Джин.

— Временами у него появляется изощренное чувство юмора. Он знает, что мы планируем увеличение семьи и что собираемся начать в этом году, так что он отвел меня в сторону и предложил: раз уж мы занимаемся планированием семьи, то нельзя ли устроить так, чтобы дети у нас с Нормой родились одновременно, хотя бы на одной неделе. Я рассказала об этом Норме, и она тожешла, что это замечательная мысль.

— Мы собираемся вести целую кампанию, отмечать нужные дни в календаре, — сказала Норма, и обе снова захихикали.

Джин внезапно стала серьезной:

— Мы покажем тебе наши планы, и, может быть, ты к нам присоединишься, если, конечно, вы с Кевином уже не...

— Нет, — торопливо объявила Мириам.

— Вот и хорошо, — откликнулась Норма.

Мириам смотрела на них непонимающе. Ей все еще казалось, что ее дурачат.

— Так вы говорите, мужа не в курсе?

— Ну, то есть не совсем, — объяснила Норма.

— Ты же не рассказываешь своему супругу обо всем? — спросила Джин.

— Но мы же близкие люди...

— И мы близкие, — ответила Норма, — но Джин права. У женщин есть свои секреты. Нас трое и у нас своя компания. Мужчины — это прекрасно, особенно наши мужчины, но они, помимо прочего, — все же мужчины!

Говоря это, она для пущего убеждения округлила глаза.

— Вообще-то нас не трое, а четверо, — поправила ее Джин. Норма озадаченно сморщила лобик. — Нас же четверо — ты забыла про Хелен.

— Ах да, Хелен. Что-то ее последнее время совсем не видно. Она стала... уходить в себя... — Норма сделала театральный драматический жест. И снова обе рассмеялись.

— Что значит — «ушла в себя»?

— Ладно, давай начистоту. Не хотелось посвящать тебя в это, да уж какие секреты у подруг. Хелен никак не может прийти в себя после смерти Глории Джеффи и сидит сейчас на таблетках. Она вылечится — и ты увидишь, что это

прекрасная девушка, добрая, и к тому же очень привлекательная.

— Глория Джеффи? Мне о ней ничего не говорили.

Норма переглянулась с Джин.

— Прости, — сказала Джин, — я думала, ты знаешь про семейство Джеффи. — Она повернулась к Норме, — кажется, я проговорила.

— Ну теперь, чего уж там, валяй до конца.

— Кто такие Джеффи? — с обостренным интересом спросила Мириам, предчувствуя недоброе. Что скрывает от нее Кевин? Что, в самом деле, здесь происходит?

— Тем более что я не представляю, как такое можно долго скрывать. Рано или поздно ты все равно бы обо всем узнала. Просто не хотелось охлаждать ваш энтузиазм, — поморщилась Джин.

— Нет уж, давайте, выкладывайте. Я не настолько наивна, чтобы строить замки из песка.

— Я тебя понимаю, — вставила Норма.

— Расскажите мне о Джеффи, — настаивала Мириам.

— Это адвокат, на место которого приняли твоего мужа. Он покончил жизнь самоубийством.

— Как?

— После смерти жены во время родов, — торопливо сказала Джин.

— Боже мой!

— Да. Так случилось. У них было все. Ребенок родился совершенно здоровым, сын, — рассказывала Норма. — И Ричард был прекрасным человеком. Дейв говорит, что это лучший адвокат, которого он когда-либо встречал, включая мистера Милтона.

— Какая трагедия. — Мириам задумалась. — Так они, получается, жили в наших апартаментах? — Девушки закивали. — Так я и думала... детская.

— Ох, я тебя расстроила этой новостью, — простонала Джин.

— Нет, все в порядке. И как же мистер Джеффи... наложил на себя руки?

Норма ухмыльнулась и покачала головой.

— Он прыгнул с террасы, — затараторила Джин. — Ну вот, теперь я тебя окончательно расстроила, Тед меня точно убьет.

— Нет, ничего...

— Дейв тоже будет не в восторге, если узнает, что я в этом участвовала, — суксилась Норма.

— Нет, что вы, в самом деле, вы здесь ни при чем. Я смогу с этим справиться. Просто Кевин должен был заранее предупредить меня.

— Как ты не понимаешь, — жарко зашептала Норма, — он же пытался уберечь тебя. Как любящий муж. И Дейв, и Тед поступили бы точно так же, верно, Джин?

— Абсолютно. Не следует винить его в этом, Мириам.

— Но мы же не дети! — воскликнула она.

Однако, вместо того чтобы обидеться, обе подружки расхохотались.

— Конечно, не дети, — отвечала Норма. — Но нас любят, холят, лелеют. Может, ты не понимаешь, как это важно, только, Мириам, поверь мне... поверь нам, со временем ты поймешь, как это здорово, когда о тебе заботятся и защищают от любых проблем. Вот мы с Джин никогда не спрашиваем мужей о работе, о подробностях этих грязных уголовных дел, и даже газет не читаем, только журналы и каталоги.

«Что они несут?» — с досадой подумала Мириам.

— И они в нашем присутствии тоже не обсуждают свои дела. Разве это не забота о близком человеке — избавить его от этой грязи? — спросила Джин.

Мириам перевела взгляд с одной на другую. Затем устало откинулась на спинку дивана. Может, они и правы: не зная она подробностей дела Лоис Уилсон, у нее не лежал бы сейчас камень на сердце. И она бы только наслаждалась будущим.

— К тому же, — продолжала развивать тему Норма, — они так изматываются на работе, чтобы сделать нас счастливыми...

— И мы должны стараться, — заключила Джин, — облегчить им жизнь.

Обе рассмеялись в унисон и так же дружно пригубили вино.

Мириам помолчала некоторое время.

— А что Хелен Сколфилд? Расскажите о ней, — попросила она. — Как она себя сейчас чувствует?

— О, ей становится лучше. Идет на поправку. Курс лечения ей здорово помог. Мистер Милтон нашел первоклассного специалиста, как только узнал, что с ней происходит.

— Она снова рисует, — добавила Джин. — Ей это помогает.

— Да, и обязательно покажет тебе свои картины, как только окончательно поправится.

— Да, картины у нее просто сказка. Чем-то напоминает Шагала, с примесью Гудфеллоу. Помнишь, Норма, выставку абстракциониста в галерее Симмонса в Сохо, куда мы ездили в прошлом месяце?

Норма закивала.

Мириам покачала головой, и на лице ее возникла печальная улыбка.

— Что-то опять не так? — спросила Джин.

— Вы все такие... городские... столичные, — сказала она, припоминая слова Кевина. — Ко всему относитесь так ... спокойно... ничего не боитесь. Это замечательно. Я вами просто восхищаюсь.

— Знаешь, по-моему, вы и впрямь там на своем Лонг Айленде варитесь в собственном соку, — сказала Джин, вдруг посерьезнев. — Я права?

Мириам задумалась. Иногда ей тоже казалось, что это так. С двенадцати лет родители определили ее в частную школу, потом колледж для «особо одаренных», после школа моделей. И всегда о ней заботились, всегда опекали. В общем-то, она и не знала настоящей жизни.

Потом, после свадьбы, она перешла под опеку Кевина. Тогда он мечтал об одном — обрести права полного партнерства в фирме «Бойл, Карлтон и Сесслер» и прочнее обосноваться в Блисдейле. И все только потому, что она так привыкла? Но разве она удерживала его? Может, если бы не она, он бы скорее попал в этот столичный мир? Как же она была эгоистична, и сейчас не могла себе этого простить. И все же...

— Наверное, ты права.

— У нас с Нормой детство было тоже беззаботное и идиллическое. У Нормы отец — пластический хирург на Парк-авеню. Она жила в фешенебельном Истсайде, пока не выскочила замуж. А я родом из графства Суффолк, и мои родители тоже люди не бедные. Отец брокер, а мать агент по торговле недвижимостью, причем такого размаха, что могла бы продать и Бруклинский мост.

— Она бы точно могла, — подтвердила Норма. — Я с ней встречалась.

— Ничего, — успокоила Джин. — Со временем станешь такой, как мы. Будешь так же маяться дурыю. Хочешь-не хочешь, а будешь, — пророчески закончила она.

Последовала пауза — и Норма расхохоталась. Джин присоединилась к ней, и, словно следуя предсказанию, Мириам тоже стала смеяться.

Выйдя из конференц-зала, партнеры вернулись к своим офисам и делам. Попрощавшись, Кевин отправился к себе, просматривая на ходу папку, переданную Милтоном. Усевшись в уютное кресло за столом, он продолжил изучение дела, делая пометки на полях и разрабатывая тактику защиты. Примерно час спустя он откинулся в кресле и покрутил головой, блаженно улыбаясь. Если коллеги и знали, что за дело поручил ему мистер Милтон, то не подали виду. Подобный процесс мог за день создать репутацию молодому юристу, поскольку должен немедленно привлечь самое пристальное внимание средств массовой информации. Вероятно, в прессе разразится целая кампания, если не скандал. И Джон Милтон решил поручить ему такое дело!

Ему! Даже его выросшее самолюбие и яростная жажда славы были не готовы к такой внезапно предоставившейся возможности. Тем более в конторе работают три старших и, несомненно, более опытных в уголовных делах партнера.

Неудивительно, что Джон Милтон требовал немедленно приступить к работе. Дело непременно тут же попадет на первые полосы. В сопроводительной записке Джон Милтон предсказывал, что будет выдвинуто обвинение в убийстве.

Суть сводилась к следующему. Чуть более двадцати лет назад Стенли Ротберг в возрасте сорока одного года женился на Максине Шапиро, единственном ребенке Эйба и Перл Шапиро, владельцев одного из крупнейших и наиболее знаменитых курортных пансионатов в горах Катскилл. «Шапиро лейк хаус» расположен в Сэндберге, небольшом населенном пункте, неподалеку от тех мест, где Пол Сколфилд начинал свою адвокатскую практику. Вообще-то, следовало заметить (и Кевин заметил), что Пол был в данном случае более уместной кандидатурой и логичным выбором для ведения дела, поскольку был знаком с тамошними краями и обычаями. Однако «Шапиро лейк хаус» был знаменит на всю Америку благодаря не только давней истории отеля, но и булочкам с изюмом «Шапиро лейк хаус», изготовленным по рецепту Перл Шапиро. Это был популярный в супермаркетах товар, к тому же разрекламированный на телевидении.

Впрочем, как бы там ни было, Эйба и Перл Шапиро уже давно не было в живых. Стенли Ротберг начинал мойщиком посуды и уборщиком, затем получил место официанта в столовой панси-

оната. Здесь он встретил Максина, закрутил роман и, что ни для кого не являлось секретом, женился без благословения родителей невесты. После чего тут же стал главным управляющим одного из крупнейших отелей-пансионатов в курортном районе.

Максин была женщиной хрупкого здоровья, страдающей неизлечимой формой диабета. К тому же она потеряла ногу и была прикована к инвалидной коляске, в которой и провела несколько оставшихся ей лет жизни. За ней постоянно ухаживала нанятая медсестра-сиделка. В прошлые выходные жена Ротберга была найдена мертвой. Как показало вскрытие, смерть наступила в результате передозировки инсулина. Мистер Милтон полагал, что Стенли Ротберг виновен в убийстве первой степени. Уже давно всем было известно, что тот завел подружку на стороне. Детей у Ротбергов не было, так что он один наследовал многомиллионное состояние, включавшее туристический комплекс и хлебопекарный комбинат. Мотивы были налицо. Ротберг решил расчистить себе дорогу к счастью.

Внезапно Кевин ощутил — шестым чувством, должно быть — присутствие Джона Милтона. Тот, в самом деле, стоял в дверях. Удивительно, этот человек постоянно менял внешность. Всякий раз у него был совершенно иной вид. Вот теперь он будто бы стал шире в плечах, выше и даже чуть

старше. На его лице появились прежде незаметные морщины — или же это просто игра света?

— Уже вникаете в дело? Отлично, Кевин. Мне нравится такое отношение. Лучше с самого начала брать быка за рога, — он сжал руку в кулак. — Всегда будь таким, вгрызайся в дело, как собака в кость, — и ты прогремишь в суде.

— Честно говоря, я уже читал об этой истории в воскресном выпуске. Насколько мне известно, обвинение еще не выдвинуто и предполагаемый виновник смерти не назван. Насколько я понял, вы видите в этой роли Стенли Ротберга.

— Никаких сомнений — это он, — откликнулся Джон Милтон, приближаясь. Морщины при этом исчезли с лица. — Согласно своим источникам я могу заверить вас, что его арест произойдет на днях.

— Видимо, мистер Ротберг тоже знает, что это случится. Когда вы с ним встречались?

— Кевин, я его в глаза не видел, этого мистера Ротберга.

— Простите, не понял?

— Мне хотелось, чтобы вы заранее ознакомились с делом.

— До появления клиента?

— Этот малый, конечно, будет немного нервничать, что его защита поручена столь молодому адвокату, но как только он увидит, насколько вы компетентны...

— И все же я не понимаю. — Кевин закрыл папку и оперся локтями о стол, подавшись вперед. — Получается, мы еще не взялись за это дело?

— Формально нет, но заниматься им будет наша контора. Я планирую встречу с клиентом в начале следующей недели. До этого времени его не арестуют. В любом случае, я договорюсь о залоге.

— Но откуда вы знаете, что он придет именно к нам? Он вам звонил?

Джон Милтон таинственно усмехнулся, в глазах его вновь что-то замигало, в этот раз чуть ярче, нежели обычно.

— Не беспокойтесь, никуда он не денется, как только поймет, что вляпался. Ему нас порекомендуют. У нас есть общие знакомые, которые уже имели с ним предварительный разговор. Поверьте. А вам, кстати, потребуется время, чтобы собрать медицинские данные по его жене.

— Да, — задумчиво ответил Кевин.

Что-то в этом деле смущало и настораживало его. И почему мистер Милтон столь срочно поручает это дело ему, минуя остальных деловых партнеров? Нет ли тут какого-либо подвоха? Не следует ли ему, новичку, взяться для начала за что-нибудь попроще?

— Бьюсь об заклад, вы уже выработали линию защиты. Что-то ведь уже пришло в голову?

— Да... я подумал... прочитав о страданиях Максина Ротберга. У них не было детей, она была

навсегда прикована к инвалидному креслу и вела, в общем-то, убогую жизнь среди окружавшей ее роскоши. Должно быть, это сильно повлияло на ее психическое состояние и душевное равновесие.

— В точности совпадает с моей разработкой... самоубийство.

— И вот, возможно, даже случайно, она вколола себе слишком сильную дозу инсулина. Возможно, рядом не было сиделки.

Мистер Милтон вновь одобрительно кивнул, не переставая улыбаться.

— А вы весьма проницательный молодой человек. Уверен, Кевин, мне не придется пожалеть, что я поручил это дело вам. Вы меня не разочаруете. Кстати, и сиделку не пропустите. Здесь есть чем поживиться, сами увидите.

Он повернулся, собираясь уйти.

— Мистер Милтон.

— Да?

— Откуда к вам попала... — он машинально провел ладонью по закрытой папке, — вся эта подробная информация?

— На меня работает несколько частных детективов. Время от времени я буду вас с ними знакомить, и вы станете получать сведения из первых рук. Кое-что хранится у меня в компьютерных файлах. — Он коротко хохотнул. — Вы слышали об адвокатах, навязывающих услуги при несчастных случаях? — так вот — мы тоже самое, только

в уголовных делах. Здесь важно быть напористым и даже агрессивным, Кевин. Это приносит столько денег, что вы даже вообразить себе не можете.

Кивнув, Кевин проводил его взглядом. Как только спина мистера Милтона исчезла за дверью, он облегченно откинулся в кресле.

Он был прав. Городская жизнь совсем другая, она насыщена, она возбуждает. Это Нью-Йорк, где каждый соревнуется друг с другом, состязается в скорости, сноровке, быстроте реакции. И побеждает лучший. Бойл с Карлтоном и Сесслером просто бледнели перед такой фирмой, как «Милтон и партнеры». Когда-то он превыше всего ставил достоинства этих старорежимных адвокатов... Теперь же видел в них лишь старых грибов, отгородившихся от остального мира высоким забором провинциализма. Бросали ли они когда-нибудь вызов судьбе, шли на сознательный риск? Теперь Кевин чувствовал себя на несколько голов выше этих застойных стряпчих. У них духу не хватило взяться даже за дело Лоис Уилсон, потому что их девственная репутация могла пострадать. Самое большое приключение в их жизни — посещение нового ресторана-гурмэ. И он чуть было не стал одним из них! Нет, право, стоит сказать спасибо Лоис Уилсон.

Тут он остановился. Не заговаривается ли он? Неужели он должен быть благодарен этой распут-

нице? Но победные мысли снова заиграли в его голове. Поистине, Джон Милтон спас его, вытащил из ямы. Кевин решительно встал и, сунув папку под мышку, направился к выходу.

— Мистер Тейлор, — окликнула его Венди, поднимаясь из-за стола точно русалка из морской пены. — Простите. Я не заметила, как вы вошли.

— Все в порядке. Я заглянул на минуту, но застрял в бумагах.

Она понятливо кивнула, как образцовая и покладистая секретарша. Отбросив волосы назад, она остановила взгляд на папке, торчавшей у него из-под руки.

— Ах, погодите, — она обернулась к шкафу за спиной и выудила оттуда «атташе»: плоский чемоданчик-дипломат красной кожи. — Собираюсь передать его, когда вы официально выйдете на работу, но, раз вы уже начали... — Она вручила ему чемоданчик. На одном боку красовалась темно-коричневая, цвета высохшей крови, надпись. Он прочитал: «Джон Милтон и партнеры». И в нижнем правом углу тиснение: «Кевин Уингейт Тейлор».

— Прелестная вещица, — провел он пальцами по выпуклым на ощупь буквам.

Венди улыбнулась:

— Все новоприбывшие...

— Я уже догадался. Подарок от мистера Милтона. Надеюсь, что не забуду поблагодарить его. И вам спасибо, Венди.

— Рада была услужить, сэр. Могу я еще что-нибудь для вас сделать?

Он на миг задумался.

— Пожалуй. Мне нужны исчерпывающие данные по диабету и любые сведения, какие попадутся насчет этого «Шапиро лейк хаус» в курортной зоне Катскилл.

Улыбка Венди стала шире.

— Все уже сделано, мистер Тейлор, можете не беспокоиться.

— Как?

— Мистер Милтон запросил эту информацию в прошлую среду. Так что материал готов, и вы можете ознакомиться с ним в любой момент.

— Великолепно. В таком случае займусь этим немедленно, как только разберусь с домашними делами.

— Удачи, мистер Тейлор.

По пути он заглянул в кабинет Теда Маккарти, который в это время разговаривал по телефону. Тед приветливо помахал рукой, и Кевин продолжил путь по коридору. Офис Дейва Коутейна был заперт, и он вышел в приемную, где попросил Диану вызвать лимузин.

— Он будет ждать вас у подъезда, мистер Тейлор. Можете им пользоваться по своему усмотрению. Харону нет необходимости возвращаться до конца рабочего дня.

— Спасибо, Диана.

— Удачи, мистер Тейлор.

— И вам того же.

Ноги мягко утопали в толстом ворсе ковра. Сердце сладко замирало: роскошный мир, очаровательные секретарши. Какие они добрые, искренние... Все здесь радовало глаз: цвета, пышность обстановки, все новое, как будто только что купленное. Впервые при возвращении домой с работы ему было жаль расставаться с офисом.

Лифт опустил его вниз. Махнув напоследок охраннику в вестибюле, который козырнул ему в ответ точно старому другу, Кевин проследовал через вращающиеся двери. Снаружи он остановился, щурясь. Тяжелые облака разошлись, и солнечные лучи били в стекла, отражаясь на влажном тротуаре и в полированном обтекаемом корпусе лимузина — точно в продолговатой серой капле. Харон распахнул перед ним дверь, отступив назад, как вышколенный английский лакей.

— Сначала домой, а потом заедем в «Русскую чайную» пообедать.

— Понял, мистер Тейлор.

С негромким щелчком шофер закрыл за ним дверь, и спустя несколько секунд они уже выезжали на дорогу. Утопая в мягкой коже, Кевин закрыл глаза. Будет о чем поговорить с Мириам — и во время обеда, и на обратном пути в Блисдейл. И когда он расскажет ей о первом деле, которое получил из рук главы фирмы...

Тут он открыл глаза и провел ладонью по гладкой поверхности. Чемоданчик. Положив на колени, он раскрыл его, щелкнув замками, и посмотрел на лежавшую внутри папку. Кажется, она стала еще толще. Нет, в самом деле. Кевин невольно рассмеялся. А еще опытный адвокат, называется. Нет, надо же — весь материал уже готов, не надо париться, собирать его по библиотекам, архивам и Интернету. Что за контора: свои частные сыщики, компьютеризованная библиотека, деловые секретарши... Кевин развалился на заднем сиденье лимузина, чувствуя, как его самоуверенность растет словно на дрожжах. С такой базой чего только не сделаешь.

Тут какая-то посторонняя мысль зацепила его — что-то из разговора с Венди. То ли он не слышал, или неверно понял ее — но было в этом нечто странное, не дающее покоя.

Он раскрыл папку и еще раз просмотрел упомянутые там даты.

Она утверждала, что мистер Милтон запросил информацию по диабету и пансионату Шапиро в прошлую среду?

Но Максин Ротберг была найдена мертвой в своей постели в минувшие выходные. Откуда же мистер Милтон мог знать в среду, что ему понадобятся такие сведения?

Странно. Очень странно.

Должно быть, Венди ошиблась, что-то перепутала, а может, не расслышала, подумал он и захлопнул папку.

Да и в самом деле, что тут еще может быть, кроме недоразумения?

— Еще вина? — предложила Норма и качнула бутылкой над бокалом Мириам.

— Нет, думаю, мне лучше вернуться и дожидаться Кевина там...

Она не сказала «у себя дома», просто не смогла выговорить, настолько неуверенно она себя здесь чувствовала.

— Кевин будет меня искать. Он должен скоро вернуться.

— Пусть он сам тебя найдет, — сказала Джин, будто предлагая сыграть в прятки. Посмотрев на Мириам долгим взором, она покачала головой. — Вижу, нам есть над чем поработать, Норма.

— Мужчины привыкают, что женщина всегда рядом. Они быстро начинают считать это само собой разумеющимся. Надо не давать им расслабляться, — посоветовала Норма. — Пусть охотятся за тобой, подкрадываются, подозревают, пусть ломают голову над неразрешимой загадкой. Иначе они пресыщаются и начинают относиться к тебе как к собственности.

— Кевин не такой, — возразила Мириам.

— Чепуха, — откликнулась Джин. — Все они такие. Он мужчина, и не в его силах быть другим.

Норма с Джин снова стали пересмеиваться. Ей это уже порядком надоело. На мгновение она увидела в них детей, маленьких наивных девочек с озорными глазенками.

Разговор не успел возобновиться, как раздался дверной звонок.

— Должно быть, Кевин, — вскочила Мириам.

Соседки последовали за ней. У самых дверей Норма обвила ее руками.

— Помни, мужчину надо уметь заставить ждать. Это страшно оживляет отношения.

Джин открыла дверь, впуская Кевина.

— Привет. Нашли нас? А мы как раз о вас говорили. — Она лукаво подмигнула Мириам.

— Дедукция, простая дедукция. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться, где сидит Мириам. Ну как? — Кевин посмотрел на Мириам. — Не скучала?

— Да, все в порядке.

— Вы не должны беспокоиться, — встряла Джин, улыбаясь и поглядывая на Мириам. — Она уже одна из нас.

— Надеюсь, это к лучшему, — шутливо раскланялся Кевин.

Он был не прочь пофлиртовать с соседками в рамках дозволенного, то есть простой любезности. Подружки игриво хихикали в ответ. Нор-

ма обняла и поцеловала Мириам, Джин сделала то же самое.

— Скоро увидимся, — сказала Мириам, прощаясь.

Соседки стояли на пороге, улыбаясь как манекены в витрине, пока Кевин вызывал лифт.

— Похоже, у вас все срослось, в смысле отношений? — спросил Кевин.

— Да.

— Не слышу радости в твоем голосе, — обронил Кевин.

Мириам молча зашла в лифт и лишь перед выходом в вестибюль повернулась к нему лицом.

— Почему ты ничего не сказал мне про Джеффи?

— А, я должен был сообразить. Верно, — забормotal он, выигрывая время, пока они пересекали вестибюль. — Это печальная история. Понимаешь, я хотел, чтобы первые дни новоселья не омрачались. — Он остановился, взяв ее за плечи. — Поверь, я бы все потом рассказал, обязательно. Нечестно было бы держать это от тебя в тайне. Но мне хотелось, чтобы ты хоть первые дни была счастлива. Ведь, может быть, это лучшие дни в нашей жизни, Мириам.

Она кивнула. Все так, как говорили Норма и Джин: он хотел уберечь ее от печалей и депрессии. Она решила не винить его в этом.

— Это трагическая история, но не вижу, как это может повлиять на нас, — со вздохом объявила Мириам.

Он просиял:

— Именно так я и думал. — И обнял ее.

— А почему мы вышли сюда? — спросила она, оглядывая вестибюль. — Разве нам не через гараж?

— Тебя ждет сюрприз. — Он повел ее к выходу.

Навстречу из-за своего барьера встал охранник Филип.

— Знакомься, это Филип, Мириам. Он несет дневную вахту. Наш секьюрити.

— Рад знакомству, миссис Тейлор. Если появятся проблемы или что-то понадобится, без колебаний обращайтесь ко мне.

— Очень вам признательна.

Филип распахнул перед ними дверь. На улице возле раскрытой двери лимузина уже поджидал Харон.

— Что это? — ошеломленно спросила Мириам, переводя взгляд с лимузина на Харона.

— Это наш офис на колесах, дорогая. Всегда к услугам сотрудников. Харон, это моя жена Мириам.

Величественный гигант ответил учтивым поклоном, глаза его внимательно скользнули по ней, точно сканируя и отпечатывая ее облик на сетчатке глаз, с тем, чтобы в следующий раз

узнать издали. Ей стало неудобно под этим пристальным взглядом: Мириам инстинктивно сложила руки на груди, словно прикрывая ее от дотошного осмотра.

— Привет, — бросила она и юркнула на заднее сиденье. Она опасливо оглянулась, когда Кевин присоединился к ней.

— Куда мы?

— В «Русскую чайную», — откликнулся он. — Я заказал столик по дороге, прямо из лимузина, представляешь? Здесь есть все, чего душа пожелает. Чего, кстати, пожелает твоя душа? Может быть, коктейль, мадам? — галантно осведомился он голосом метрдотеля, открывая бар с напитками. — Могу приготовить ваш любимый, «Кровавую Мэри».

Коктейли в этом шикарном лимузине, ланч в «Русской чайной», чудесные апартаменты на Риверсайд Драйв, энергичная болтовня новых подружек — все это окончательно вскружило ей голову. Кевин смеялся, глядя в растерянное лицо Мириам.

— Приготовлю на всякий случай парочку, чтобы составить тебе компанию, — сказал он, открывая водку и сок. Добавив лимон и черный перец, он осторожно налил прозрачную жидкость на помидорно-алую подстилку в высоких бокалах. Что было совсем нетрудно сделать: машина шла так ровно, что, если не заглядывать за

шторы, создавалось впечатление, будто они вообще стоят на месте.

— Ну, а теперь, — сказал он передавая ей бокал и откидываясь в кресло рядом, — расскажи, как прошел первый визит к соседям. Что они из себя представляют?

— Сперва от них немного устаешь, особенно если вспомнить женское окружение в Блисдейле. Временами они кажутся такими столичными штучками, что прямо сил нет. А потом — как девчонки из колледжа. Вообще-то они забавные.

— Прости, что задержался, но у меня...

— Я даже не заметила, как пролетело время. Они мне на часы не давали взглянуть.

И стала описывать обстановку в квартире Джин и Теда, потом жилище Нормы. Она сама перешла на такую же болтовню, торопясь поведать все в деталях, умолчав, разумеется, о пересудах о предстоящей беременности.

Ей хотелось рассказать об этом Кевину, она даже несколько раз порывалась сделать это за обедом, но всякий раз ей представлялось, как на нее посмотрят Норма и Джин, узнав, что она выдала их первый секрет... Это может разрушить дружбу в самом начале, да и потом, какая разница? Надо ли, в самом деле, посвящать в это Кевина? Это, в конце концов, просто шутка, одно из женских чудачеств, и вряд ли она приобретет серьезный оборот.

После обеда они заехали в апартаменты, чтобы взглянуть одним глазком перед отъездом в Блисдейл и убедиться, что это не сон. Нет, это был не сон, а если и сон, то Мириам вынуждена была признать — весьма реальный. Кевин ждал ее у двери, пока она обходила свои владения.

— Нет, правда, чудесная квартира? — она пытливо заглянула ему в глаза, словно в поисках подтверждения. — Одного не понимаю: почему он не берет с нас арендной платы. Он же просто грабит сам себя.

— Видимо, это как-то вычитается из суммы налога. Как говорил мой дед, дареному коню...

— Знаю, знаю твою поговорку. И все же...

А может, осенило ее, это просто очередное чудо в ряду таких же чудес. Когда на тебя столько сваливается, перестаешь замечать. Как игрок, сорвавший джекпот в казино, не замечает, что из однорукых бандитов на него сыплются дополнительные призы.

— Зачем бороться с удачей? — резонно спросил Кевин.

Она повернулась к нему, и он пожал плечами. Мириам улыбнулась. Кевин прав. Почему просто не расслабиться и не принимать жизнь такой, какая она есть?

Кевин обнял ее.

— Я люблю тебя, Мириам. И сделаю все, чтобы ты была счастлива.

— Да я и до сих пор на жизнь не жаловалась.
— Знаю, но я намерен взять от жизни все —
чтобы разделить с тобой.

Они слились в долгом поцелуе, потом еще раз
посмотрели на свою новую квартиру и уехали.

Возвращение в Блисдейл в корне отличалось
от утренней поездки, думал Кевин. Тогда он мог
на пальцах сосчитать все слова, которые оброни-
ла Мириам. Теперь она не дала ему и слова вста-
вить, до самого Блисдейл Гарденс Мириам болта-
ла без умолку. Страх, что Мириам будет пережи-
вать из-за перемен в их жизни, пропал, напрочь
сметенный ее неконтролируемым энтузиазмом.

Несколько раз он пытался завести разговор
о деле, о совещании у Милтона, но всякий раз
был прерван ее пылкими рассуждениями о новой
обстановке и о том, что им понадобится в даль-
нейшем, чтобы хоть как-то заполнить такое не-
объятное пространство. Словно она и слышать не
хотела о его работе. Обычно она требовала обстоя-
тельного рассказа о всех его проблемах, и он по-
свящал ее во все, даже когда это касалось какой-
нибудь скучной сделки с недвижимостью. Нако-
нец он тряхнул головой, отбросив дальнейшие
попытки, и сосредоточился на дороге.

Перед въездом в Блисдейл Мириам замедлила
свой монолог. Словно они пересекли невидимую

границу, возвращаясь из мечты в реальность. Ут-
ренние облака окончательно разлетелись, и небо
сияло чистой голубизной. Из школьного автобуса
высыпали дети, их возбужденные голоса звенели,
наполняя воздух.

Солнечные лучи уже растопили утренний
снег, лишь местами на обочинах и газонах мож-
но было встретить клочья этого великолепного
ковра. Дети, едва покинув автобус, бросались
к остаткам сугробов и лепили снежки, перебра-
сываясь ими. При виде этой невинной игры Ке-
вин не мог сдержать улыбки. В сущности, все
сражения, включая те, что происходят в суде, за-
рождаются уже здесь. Неистребима тяга к со-
перничеству. Школьный автобус создал проб-
ку на трехполосной дороге. Они снова попали
в сонную идиллию, выпав из лихорадочно ожив-
ленного ритма столицы. Это произвело успока-
ивающий, даже какой-то усыпляющий эффект.
Мириам потянулась с ангельски блаженной
улыбкой.

— Вот бы совместить это, ни с чем не расста-
ваясь: Нью-Йорк и Блисдейл. Везде свои досто-
инства.

— Совместим. У нас получится! — осенило
его. Глаза Кевина возбужденно вспыхнули. — Раз
не надо платить за городскую квартиру, мы мо-
жем серьезно подумать насчет дома на Айленде,
для выездов на уикенды и летние каникулы.

— Точно. О, Кевин, мы же сможем, правда, сможем купить себе домик?

— Почему бы нет? — рассмеялся он.

Кевин решил не рассказывать ей о своем первом деле в «Милтон и партнеры», пока не вернется от «Бойла и остальных», несмотря на то, что сгорал от нетерпения поведать ей подробности. Она проникнется его чувствами и будет им гордиться, это вне всяких сомнений.

Как только они свернули на Блисдейл Гарденс, он высказал предположение, что сейчас самое время заехать к Санфорду Бойлу и объявить о своем решении.

— Двойное жалование — пусть они утрется! А еще так драли нос, жлобы.

— Ни в коем случае не груби, Кевин, — предупредила она. — И не срывайся там. Ты должен быть выше их, и потом, за грубость всегда следует воздаяние.

— Ты права. Я буду держаться как... как на моем месте держался бы мистер Милтон.

— С нетерпением жду знакомства с этим человеком. Норма и Джин столько о нем рассказывали. По их и твоим словам я уже представляю себе кого-то вроде Рональда Рейгана, Пола Ньюмена и Ли Якокка: все в одном флаконе.

Кевин ответил со смехом:

— Верно, верно, я, может, немного перебрал через край по части комплиментов. Ведь он, в конеч-

ном счете, всего лишь человек, а не олимпийское божество. Я слегка перевозбужден, а ты у нас всегда прочно стояла на земле. Как здорово, что ты рядом, помогаешь мне сохранить здравый взгляд на вещи, Мириам.

— Ничего подобного, не ты один такого мнения о нем. Норма и Джин также находятся под сильным влиянием Милтона.

— В самом деле? Значит, я не одинок? Видимо, они признают его самым...

— Самым-самым и еще раз самым. Давай по времени до личной встречи.

Он чмокнул ее в щеку.

— А я лучше позвоню родителям, — сказала она, выбираясь из машины. — Твоим тоже звякнуть?

— Я сам позвоню вечером.

Она посмотрела вслед отъезжающей машине, ее возбуждение тоже достигло своего пика. Глубоко вздохнув, она огляделась по сторонам. Необычная после столицы безмятежность городка, простота и незатейливость местной жизни вселяли душевное равновесие и уверенность, вносили мир и спокойствие в душу. А ведь они и так достигли гораздо большего, чем удастся людям в их годы. Они так жаждут богатства? Или Кевин был прав, не раз высказываясь в том смысле, что люди куда глупее и необразованнее его достигают большего...

Было бы несправедливо, да и просто неправильно удерживать его здесь. И все же бабочка тревоги по-прежнему билась в ее груди, тревожно трепеща крылышками. Им не о чем беспокоиться. Это естественная реакция на перемены, решила она. Любой на ее месте чувствовал бы сейчас то же самое.

Мириам заторопилась к дому, переполненная мыслями и планами по поводу предстоящего переселения, сбора вещей и всего того, что поджидало ее в скором будущем.

В конторе сразу заметили перемену в Кевине. Первыми на это обратили внимание секретари. Кевин увидел, как что-то отразилось в лице секретарши в приемной, едва он переступил порог.

— Майра, мистер Бойл у себя?

Она уставилась на него большими карими глазами, но на лице его была непроницаемая улыбающаяся маска.

— Да, — наконец ответила она.

— Он сможет принять меня в ближайшие десять минут? Я подожду в кабинете.

Каким крошечным и жалким казался ему сейчас этот кабинет, где он прозябал три года! Кевин чуть не рассмеялся, входя туда. Стол в половину того, что дожидался его в Нью-Йорк. Он почувствовал себя Гулливером в стране лилипутов.

Или как человек, «пересевший» с «форда» на «мерседес».

И что его удерживало здесь после успешного завершения дела Лоис Уилсон? Он осмотрел папки на столе — подросток, угнавший машину, чтобы прокатиться, завещание, которое он составлял для Бенджаменов, и штрафная квитанция, которую требовалось вручить Бобу Паттерсону. Какое убожество!

Плюхнувшись в кресло, он вызывающе задрал ноги на стол, чего никогда не делал. Прощай, чулан! Прощайте, тщетные надежды, юношеские грезы и зависть к власти предрежащим, прощайте, куцые обывательские мозги и примитивное существование.

Здравствуй, Нью-Йорк!

В это время позвонила Майра.

— Мистер Бойл может принять вас, мистер Тейлор.

— Замечательно!

Внезапная пустота в желудке напомнила о том, что он навсегда расстанется с этим отрезком своей жизни. Вскочив, он напоследок огляделся, и, отвернувшись, зашагал к Бойлу объявить о своем решении.

Брови бывшего шефа сошлись на переносице, точно гусеницы.

— Так это новое предложение...

— Санфорд, вы знаете, что мне предложили? Двойной оклад против того, что я имел бы в вашей фирме, даже при полном партнерстве.

Брови Бойла уползли куда-то на лысину.

— Я буду работать на «Милтона и партнеров».

— Не слышал о такой фирме, — с сомнением покачал головой Санфорд Бойл.

Кевин пожал плечами. Это его ничуть не удивило. На языке уже вертелось: «А о чем вообще вы слышали за пределами этого мирка? Да, Санфорд, поверьте, там, снаружи, существует и другой мир: огромный и прекрасный».

Конечно, он не сказал этого. Предупреждение Мириам сработало. Он прикусил язык и вернулся в свой бывший кабинет забрать личные вещи. Ни Майра, ни Мэри, ни Тереза не заглянули к нему пожелать удачи. Когда он переносил коробку к машине, они посмотрели на него разочарованно и неодобрительно. Он списал это на их ограниченность. Типичные провинциалки, лишенные амбиций, жалкие люди, замкнутые в своих смешных притязаниях. Как это типично с их стороны, думал он, порицать меня за стремление сделать карьеру. Наверняка считают его неблагодарным выскочкой. И надеются, что я сяду в лужу. Ничего, посмотрим, что они скажут, прочитав обо мне в «Нью-Йорк таймс», как только начнется дело Ротберга.

Кевин испытал чувство несказанного облегчения и душевного подъема, загрузившись наконец в автомобиль. Мэри Экерт не могла скрыть негодования, так же, как и две ее сослуживицы. Ей пришлось выйти попрощаться с ним.

— Мы все сожалеем, что так получилось, мистер Тейлор, — произнесла она.

— Все к лучшему, Мэри. Я не покатился вниз, скорее, наоборот.

Он сел в машину, хлопнув дверцей. Она осталась в дверях, скрестив руки на груди. Кевин опустил боковое стекло.

— И, знаете, спасибо вам за все, что вы сделали для меня. Вы всегда были деловым и компетентным секретарем, Мэри, и, поверьте, я ценил это.

Однако тон поневоле вышел покровительственным.

Она кивнула без тени улыбки.

Он включил зажигание, и она тут же повернулась спиной, чтобы зайти в контору. Вдруг она обернулась, как будто что-то вспомнив.

— Не хотела говорить вам. Он закатил такой скандал по телефону.

— Кто?

— Гордон Стенли, отец Барбары Стенли.

— В самом деле? И что же он сказал? Хотя, это уже не имеет значения.

— Он сказал, что когда-нибудь вы поймете, что сотворили, и возненавидите себя, — ответила Мэри.

Он лишь покачал головой и отъехал, оставив Мэри в прошлой жизни.

Все-таки им удалось напоследок испортить ему настроение, добавить свою ложку дегтя в море радости, переполнявшее его. К счастью, помощь не замедлила прийти со стороны Джона Милтона, который словно бы догадался, что с ним происходит. Мириам встретила его у дверей с возгласом:

— Ты не представляешь! — лицо ее сияло. — Как это мило!

— В чем дело?

— Только посмотри, — схватив за руку, она потянула его в гостиную.

— Это доставили через несколько минут после того, как ты уехал.

На столе в гостиной стоял огромный букет из двух десятков кроваво-красных роз.

— Это он мне прислал.

— Кто?

— Мистер Милтон, глупыш.

Она схватила карточку и прочитала: «Мириам, в знак начала чудесной новой жизни. Добро пожаловать в нашу семью. Джон Милтон».

— Круто.

— О, Кевин, я никогда не думала, что можно быть такой счастливой!

— И я тоже, — отозвался он. — И я тоже.

И точно факел, пылающий в темноте, свое временно-учтивый подарок Джона Милтона развеял последние колебания по поводу отъезда из Блисдейла.

Когда они прибыли вместе с грузчиками, Норма и Джин поджидали их у дверей квартиры. Девушки были в джинсах и свитерах, с закатанными рукавами, готовые прийти на помощь.

— Как любезно с вашей стороны! — вырвалось у Мириам.

— Какая ерунда, — откликнулась Норма. — Мы же как три мушкетера. — Взяв друг друга под локоть, они спели: — Один за всех и все за одного!

Мириам прыснула, и они стали распаковывать картонные коробки. Кевин тем временем распоряжался, указывая команде грузчиков, что куда нести, пока вся мебель не перекочевала в новую квартиру. Как только он установил стереосистему в гостиной, Норма настроила ее на какую-то станцию «старушку», и они с Джин принялись распевать, смеяться и приплясывать в такт музыке, заражая Мириам праздничным настроением, пока рабочие разносили вещи по комнатам. Кевин только качал головой и улыбался. Эта троица, включавшая в себя его жену, вела себя так, будто была знакома всю жизнь.

Он был ужасно рад за Мириам. Ее блисдейлские подруги были такими степенными, рассудительными и чрезвычайно консервативными. Ей редко выпадал случай побыть легкомысленной девчонкой.

Они сделали перерыв на обед, послав за пиццей. Потом Кевин принял душ и сменил белье, собираясь сразу, после того как они закончат, ненадолго заехать в офис. Женщины тем временем обсуждали, где какие картины повесить, как разместить снимки в рамках и куда поставить безделушки. После чего стали заново передвигать мебель.

Когда Кевин уже собрался уходить, он остановился в дверном проеме гостиной и объявил, что покидает их.

— Не буду вам мешать. Думаю, без меня дело у вас пойдет лучше.

Возражений не последовало.

— Никто не настаивает, чтобы я остался?

Все три посмотрели на него одновременно так, будто увидели перед собой незнакомца, внезапно появившегося на пороге.

— Ладно, ладно, не просите. Я все равно не останусь. До встречи, дорогая, — и поцеловал Мириам в щеку.

Когда он уже закрывал входную дверь, вдогонку ему раскатился девичий смех. Взрывы смеха преследовали его и на пути к лифту. На душу

отчего-то снизошло умиротворение. Он чувствовал, что все будет хорошо и на работе ждут лишь приятные сюрпризы.

Нажимая кнопку вызова, он услышал, как открылась и захлопнулась дверь в коридоре. Обернувшись, он увидел женщину, выходящую из квартиры Сколфилда. И тут же сообразил, что перед ним Хелен Сколфилд. Она несла картину, завернутую в коричневую упаковочную бумагу. Двигалась она медленно и как-то неуверенно, точно в трансе, нерешительными шажками. Как только она вышла из тени, Кевин оценил ее внешность.

Высокая, почти вровень Полу, блондинка довольно худощавого телосложения. Волосы заколоты шпильками и убраны назад. Несмотря на видимое напряжение, сковывающее ее изнутри, держалась она с царственной осанкой. Походка ее была величава, хоть и нерешительна. На ней была тонкая белая блузка с кружевным воротничком и такими же рукавчиками. Блузка была настолько тонкой, что он без труда смог оценить размеры и очертания бюста. У нее была крепкая высокая грудь, а под длинной просторной юбкой в цветочек, в деревенском стиле, угадывались стройные ноги и узкие бедра. Ремешки коричневых кожаных босоножек обвивали тонкие щиколотки.

Створки лифта разъехались в стороны, но Кевин не мог оторвать взгляд, как зачарованный

наблюдая за ее приближением. Он даже не обратил внимание, что лифт за ним закрылся вновь. Хелен обернулась к нему: улыбка сначала вспыхнула во влажных глазах цвета морской волны, медленно спускаясь к апельсинового цвета губам. По ее переносице были рассыпаны крошечные абрикосовые веснушки, доходящие до скул. Кожа матовая и почти прозрачная на висках — так что была видна сеточка вен.

Кевин приветствовал ее учтивым поклоном:

— Миссис Сколфилд, я полагаю?

— А вы и есть тот самый новый юрист, — отозвалась она, так уверенно, словно приклеивала к нему бирку, которую он будет носить всю жизнь.

— Кевин Тейлор, — представился он и протянул ладонь. Она пожала ее свободной рукой. Пальцы у нее были длинные и изящные. Ладонь теплая, почти горячая, как при высокой температуре или лихорадке. На щеках заметен слабый румянец.

— Как раз направлялась к вам с подарком на новоселье. — Она указала на запакованную картину. — Я нарисовала ее специально для вас.

Что там было, на этой картине, — оставалось только гадать. Во всяком случае, до возвращения с работы он этого не узнает.

— Спасибо, — поспешил поблагодарить он. — Очень любезно с вашей стороны. Мириам рассказывала, что вы художница, когда мы приходили осматривать новую квартиру, Норма и Джин обо

всем ей доложили. Нет, мужчины тоже иногда любят посплетничать. Просто... — Тут он запутался, чувствуя, что в ее присутствии у него развязывается язык и он несет абсолютную чушь.

Она сдержала улыбку, только глаза сузились и бежали его лицо.

— Они уже собрались, — добавил он, указывая на дверь, — у нас... переставляют мебель из угла в угол. Такие неумные. — Он принужденно рассмеялся.

При этих словах она как-то глубоко заглянула в его глаза, так что Кевину вдруг стало не по себе.

— Я... — замялся он, — вообще-то собрался на работу, ненадолго.

— Разумеется.

Он снова нажал кнопку вызова.

— Уверен, что мы вскоре увидимся и познакомимся поближе, — сказал он, отступая спиной в распахнутый лифт.

Хелен не ответила. Она не отрывала от него глаз, переминаясь с ноги на ногу, пока двери не сдвинулись. Странная барышня. Он уловил в ее лице выражение какого-то соболезнования, жалости, что ли. Но кого она жалеет? Его? Или просто так сильно переживает трагедию семьи Джеффи, что страдание надолго застыло в ее глазах? Было в этом взгляде нечто необычное. Такая жалость, точно она провожала кабину лифта, спускавшуюся в угольную шахту, в зем-

ную утробу, чтобы наполнить легкие пассажира ядовитой черной пылью.

Как непохожа она была на тех двух болтушек! Совершенно другой человек. Такая подавленная. Видимо, на это намекал Пол — она была застенчивой, замкнутой. И все же он не мог припомнить, чтобы кто-то столь пристально изучал его лицо. Может быть, это взгляд художницы? Может, такое поведение — явление обычное и необходимое для развития творческой личности? Ведь они всегда в поиске натуры, портретов, сюжетов. Художники изучают человеческие лица, ищут новые идеи, новые предметы. Ну и что? Клянусь, она чертовски привлекательна, подумал Кевин. Такие нежные черты лица, такое ангельское спокойствие... Хотя он впервые видел ее, даже при столь короткой встрече он был не на шутку заинтригован тайной ее длинных ног и упругих ягодиц. Ему нравились женщины с утонченными признаками сексуальности. Такие хрупкие бабочки, сгорающие в огне страсти. Женщины, что работали в конторе Джона Милтона, были соблазнительны, но как-то слишком явно и откровенно. И красота их была типична, словно соответствовала какому-то журнальному стандарту. Они были эротичны и красивы — напоказ. В них не было глубины. Да, вот оно, подумал Кевин, в них нет глубины. А вот в Хелен Сколфилд была глубина, омут...

Он потряс головой, избавляясь от мыслей о ней, и заторопился через вестибюль к поджидавшему на улице лимузину.

Каждый, от швейцара до секретарей, приветствовал Кевина столь тепло и смотрел на него с таким восхищением, что он просто не мог не почувствовать собственную значимость. Не успел он и пяти минут пробыть в своем офисе, как позвонил Джон Милтон, пригласив зайти к себе в кабинет.

— Кевин, как прошел переезд? Все в порядке?

— Все отлично. Мириам настоятельно просила поблагодарить вас за прекрасные розы. Спасибо за внимание.

— О, я очень рад, если ей понравилось. Женщин иногда следует побаловать, Кевин, — сказал он с отечески-покровительственными интонациями. — Вы должны все время помнить о знаках внимания. Так вы напоминаете им, что они значат в вашей жизни. Адам пренебрег Евой в раю и дорого заплатил за это впоследствии.

Кевин впал в замешательство. Он не знал, как на это ответить: шуткой или учтивым поклоном ученика. Джон Милтон не улыбался.

— Я буду иметь это в виду.

— Уверен, что вы хорошо относитесь к жене, Кевин. Присаживайтесь. Ну вот, — продолжал

Джон Милтон, садясь следом. — Видите, все случилось именно так, как я и предсказывал. Сегодня утром Стенли Ротберг был арестован и выпущен под залог. Он находится под следствием, против него выдвинуто обвинение в убийстве жены. Сегодня это будет в газетах и выпусках новостей.

У Кевина перехватило дыхание. Все сбывалось. Ему в руки плыло то, о чем многие адвокаты не смеют и помышлять. Годы уходят в ожидании такого дела, но большинство так ничего и не получает.

— Понимаю, что хлопоты с переездом и прочее отвлекают, но тем не менее не смогли бы вы к завтрашнему утру подготовиться ко встрече с Ротбергом?

— Конечно, — Кевин был готов провести бессонную ночь, только чтобы не уронить себя в глазах Джона Милтона.

— Как я уже говорил, вам предстоит изучить все аспекты дела, продемонстрировать свою осведомленность и то, что вы будете стоять за него до последнего.

— Именно на этом я уже сосредоточился.

— Славно. — Джон Милтон заулыбался, глаза его просияли. — Именно такого отношения к делу я и ожидал. И не стесняйтесь в любое время обращаться с вопросами — все, что понадобится, включая не только информацию, но и... различные методы воздействия. Об этом потом. Кстати... —

вспомнил он, выдвинув верхний ящик стола и доставая оттуда визитную карточку, — вот мой домашний номер. В справочнике вы его не отыщете.

— Весьма признателен. — Взяв карточку, Кевин выжидательно поднялся. — В котором часу появится Ротберг?

— Встреча назначена в десять, в конференц-зале.

— Очень хорошо. — Кевин сглотнул ком в горле. Сердце его возбужденно стучало. — Займусь этим прямо сейчас. По-моему, не следует терять времени. Еще раз благодарю вас за доверие, — добавил он и покинул кабинет.

Венди уже выложила папки с требуемой информацией ему на стол. Сперва он пролистал материалы по диабету, знакомясь с симптомами и методами лечения.

Следующая папка была посвящена медсестре, которая ухаживала за Максин, пятидесятидвухлетней негритянке Беверли Морган. Она служила сиделкой у матери Максин последние годы ее жизни, можно сказать, прислуживала у смертного одра, пока хозяйка не умерла от удара. Сиделкой она была безукоризненной, но ее личная жизнь была трагической. У нее было два сына, но отец бросил их еще малышами. Один из сыновей уже к двадцати годам составил себе солидную криминальную репутацию и дважды отбывал срок. Он погиб от передозировки героина в возрасте два-

дцати четырех лет. Другой женился, обзавелся двумя детьми и, идя по стопам отца, бросил семью. Теперь он работал на Западном побережье.

Очевидно, все это не прошло даром для Беверли Морган, и, хотя она не числилась в наркологическом диспансере как неизлечимая алкоголичка, за ней не раз замечалась эта вредная привычка. Иначе откуда бы подручные мистера Милтона узнали о скандалах в баре пансионата и о том, что в комнате Беверли постоянно хранилась бутылка виски? Кевин задумался. Мистер Милтон советовал обратить внимание на информацию о сиделке. Может быть, в самом деле, строить линию защиты отсюда? Такая женщина вполне могла по ошибке дать Максин Ротберг не ту дозу инсулина. В любом случае, это могло запутать расследование, сбить с толку присяжных и повернуть дело в другую сторону. Если обвинение попытается использовать Беверли Морган в качестве свидетеля против Стенли Ротберга, то он знает, куда бить и как вызвать недоверие к ее показаниям.

Но самым уязвимым звеном была любовная связь Стенли Ротберга. Из материалов следовало, что началась она еще до болезни Максин. Нужно было подумать над стратегией в этом вопросе, если шашни обвиняемого всплывут на судебном процессе. Первой мыслью было убедить Стенли признаться в этом и нажимать на то, что он, как примерный супруг, все равно не мог бросить жену,

особенно после того, как она стала нуждаться в уходе, — сыграв на чувствах присяжных. Тем более теперь, когда Максин не могла выполнять супружеский долг, он-то оставался мужчиной. Присяжные ценят честность, даже когда обвиняемый признается в неблагоприятном поступке. То, что направлено против семейной морали, преступлением все-таки не является. Он представил как Ротберг будет «колоться» на суде, проливая слезы над трагедией своей жизни. Вот, господа присяжные заседатели, перед вами Стенли Ротберг — он любил и хотел быть любимым, — и вот как он за это пострадал.

Где-то зарыдала скрипка. Кевин потрянул головой, отгоняя наваждение. Вообще-то, такое может сработать. Нужно только сперва встретиться с Ротбергом, составить о нем представление как о человеке — способен ли он сыграть эту роль. Хотя, как следует все обдумав, Кевин пришел к заключению, что на него, например, как на мужчину, подобные аргументы подействовали бы слабо.

Открыв третью папку, чтобы ознакомиться с историей болезни Максина Ротберга, Кевин тут же обнаружил, что ее личный врач, доктор Катлер, мог бы оказаться полезным свидетелем защиты. Он мог бы подтвердить, что инструктировал Максина Ротберга по поводу инсулиновых уколов и доз. И, очевидно, у него тоже могли найтись претензии к сиделке Беверли Морган,

поскольку он настоятельно рекомендовал заменить ее. Конечно, Кевин еще не догадывался, каким путем может пойти обвинение, но предварительная информация значительно укрепила его позиции.

Он поднял голову на стук в дверь. Пол Сколфилд просунул голову в кабинет:

— Как дела?

— О, великолепно, просто великолепно. Заходи.

— Не хочу мешать. Тебе подбросили большое дело.

— Большое — не то слово. Дело Ротберга!

Пол улыбнулся и сел, но Кевину показалось, что на него это не произвело ожидаемого впечатления.

— Ты же, наверное, знаешь, последнюю неделю только о нем и пишут, — подчеркнул он.

Пол кивнул, соглашаясь.

— Так поступает Милтон. Когда он в ком-то уверен...

Кевин глянул на открытую дверь и перегнулся к нему через стол:

— Я рискую показаться неблагодарным или страдающим от ложной скромности, Пол, — зашептал он, — но я тем не менее не понимаю, отчего он так на меня полагается? Откуда такая уверенность — ведь он едва знает меня и то, чем я прежде занимался...

— Могу сказать тебе лишь одно — он никогда не ошибается в людях: будь перед ним адвокат, клиент или свидетель. В любом случае, я зашел только для того, чтобы сказать: если потребуется моя помощь...

— Ну что ты, ведь у тебя самого дел выше крыши...

— Верно, сейчас я загружен как никогда. Но мы всегда выкраиваем время, чтобы помочь друг другу. У каждого свое задание, но это не мешает нам работать единой командой. Мистер Милтон сравнивает нас со щупальцами осьминога. В этом он прав — если мы кормим фирму, мы кормим себя. Так... заселение прошло нормально? Дома все в порядке?

— Лучше не бывает. Да, я повстречал твою жену, по дороге на работу.

— М-мм?

— Очень привлекательная женщина.

— Да, этого у нее не отнимешь. Мы познакомились на Вашингтон-сквер. Кажется, я понял, что это *моя* женщина, не успев еще проводить ее взглядом.

— Вокруг нее такая... аура. Она как будто излучает тепло и покой.

— И это справедливо замечено, — усмехнулся Пол. — Помню, первые дни нашего брака я приходил домой никакой. Но стоило закрыть за собой двери — и весь мир словно бы оставался снаружи.

Кевин с симпатией посмотрел на него. Как здорово встретить человека, умеющего любить. Так же, как он любит Мириам.

— Она несла нам свою картину, специально для нас рисовала.

— В самом деле? Интересно, что. Она уже давно не рисует нового. — Казалось, последнее сообщение озадачило его. После минутного колебания он опустил голову.

— Что-то не так?

— Вобщем, да. Вчера мы получили неутешительные известия.

— Прости, что спрашиваю... Но не можем ли мы чем-нибудь помочь?

— Нет, тут никто не поможет. Мы пытались обзавестись детьми, но... увы. Доктор Хелен подтвердил, что она никогда не сможет стать матерью.

— Сочувствую.

— Ничего. Как сказал мне сегодня утром мистер Милтон, надо исходить из того, что есть, а не думать о том, чего никогда быть не может. Играть надо с того расклада, который на руках.

— Неплохой совет, между прочим, — заметил Кевин, тем временем соображая, как бы он отнесся к сообщению, что он или Мириам бесплодны. Ребенок всегда значился в его планах как нечто непереносимое и важное. И, как любой будущий родитель, он частенько мечтал о том, как будет ходить с сыном на баскетбол или покупать дочери

кукол. Он бы с самого дня рождения стал откладывать деньги им на колледж. Они с Мириам уже решили, что будет мальчик и девочка, и сделали уже четыре серьезные попытки. Сейчас, при его нынешнем окладе, он уже мысленно довел число своих отпрысков до четырех.

— Да, — продолжал тем временем Пол. — Мы подумываем об усыновлении.

— А что случилось с ребенком Джеффи? — Кевин немного отошел от темы.

— Его уже забрал брат Ричарда, он, кстати, тоже адвокат. Он пообещал мистеру Милтону сделать все возможное, чтобы сын Ричарда пошел по стопам отца.

— Мистер Милтон знает его?

— Он взял его под опеку сразу же после... трагической кончины Ричарда. А это что-то да говорит о человеке. Ну вот, — добавил Пол, поднимаясь, — пора возвращаться к работе. Удачи, Кевин. Ах, да, — он повернулся с порога, — тут пошел слух, что мистер Милтон затевает вечеринку в вашу честь у себя в пентхаузе, где-то на днях. И, поверь мне, если уж мистер Милтон что-то затевает, это будет устроено на широкую ногу.

Мириам обессиленно рухнула на диван. Не считая обеда, у нее с самого утра не было передышки. Норма и Джин, конечно, чудесные по-

мощницы, но под конец они стали доставать ее своим легкомыслием и болтовней, затеяв спор, кто из них первый будет принимать у себя в гостях Кевина и Мириам. В конце концов она посоветовала им бросить монету, и Норма победила. Завтра вечером им с Кевином предстояло идти к ней в гости, а следующий вечер принадлежал Джин.

Но самым мучительным событием дня оказался визит Хелен Сколфилд. Она как-то странно, точно призрак, материализовалась на пороге. Никто не слышал ни звонка, ни как открылась дверь. Они втроем перетаскивали диван из одного угла гостиной в другой, а потом на старое место, смеясь над своей тупостью. Тут Мириам внезапно почувствовала постороннее присутствие за спиной и обернулась. Сперва она подумала, что это вернулся Кевин, что-то забыв.

На пороге стояла молодая женщина, прижимая к груди прямоугольный пакет. Она с тихой улыбкой смотрела на их жизнерадостную возню.

Мириам издала возглас удивления, который мог сойти за приветствие, и вопросительноглянула на подруг.

— Хелен, — удивилась Норма. — Мы даже не слышали, как ты вошла.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Джин.

— Мне уже лучше, — откликнулась гостья и поздоровалась с Мириам.

— Мириам, это Хелен Сколфилд, Хелен — Мириам Тейлор.

— Я догадалась. — Мириам растерянно кивнула.

— Эту картину я принесла вам в подарок, на новоселье, — сказала Хелен, приближаясь к ней и протягивая коричневый сверток. — Надеюсь, вам понравится.

— О, большое спасибо, мне даже как-то неудобно принимать...

— Это моя картина.

— О! Чудесно.

— Я же говорила тебе, Хелен — художница, — напомнила Джин.

— Я бы так себя не назвала. Мои картины... особые. Не все способны оценить их, — и Хелен выразительно посмотрела на своих соседок. Очевидно, они принадлежали к той части общества, которая не понимала ее живописи.

В таком случае, задумалась Мириам, зачем дарить картину, которую не всякий способен оценить? Не выяснив сначала, что из себя представляют люди, которым ты преподносишь подобный подарок?

— У нас как раз ни одной современной картины, — гостеприимно защебетала она. — Боюсь, мы с Кевином полные невежды в искусстве.

— У тебя все впереди, — пообещала Норма.

— Может, Хелен присоединится к нам? — предположила Джин. — Мы как раз собрались на этой неделе в Музей современного искусства.

Все взоры сошлись на Хелен. На лице ее расцвела улыбка.

— Посмотрим, — неопределенно ответила она.

— Чашечку кофе? — предложила Мириам, так и не развернув подарок.

— О нет, благодарю. Не хочу вас отвлекать.

— Пора устроить перерыв, — заявила Джин. — Мы уже запутались, куда что ставить.

— Я все равно не могу остаться, — отказалась Хелен. — Мне сегодня назначено к доктору.

— Что ж, очень жаль, — сказала Мириам.

— Я только забежала познакомиться.

— Может, потом у вас найдется время, когда освободитесь, — предложила Мириам.

— Конечно. — Однако в тоне Хелен не было уверенности, что у нее найдется свободная минутка. Она огляделась по сторонам. — А у вас тут уютно, совсем, как было... — видимо, она хотела сказать «как у Джеффи», — совсем, как у нас, — поправила она.

— Здесь, наверное, так здорово жить — столько музеев вокруг, ресторанов.

— Да. Здесь мы близки ко всему. Как к хорошему, так и к плохому.

— Зачем говорить о плохом? — суксилась Джин, разочарованно глядя на соседку. Норма тоже посмотрела на нее с укоризной.

— Но я ничего такого не имела в виду. Вы же не делаете ничего плохого? — спросила Хелен, словно размышляя вслух. Казалось, она в этот миг забыла о их существовании. Мириам посмотрела на Норму, та покачала головой. Джин выразительно закатила глаза к потолку.

— Тебя отвезет Харон? — спросила Норма, очевидно, желая поскорее от нее избавиться.

— Кто же еще? Всех перевозит Харон, — отозвалась Хелен. — Это его работа.

Странно, подумала Мириам. Что значили эти слова? Здесь был какой-то скрытый смысл — или эта женщина находилась в прострации, не совсем понимая, что говорит. Может, у нее температура?

— Так он, наверное, уже ждет тебя внизу, — подсказала Джин.

Мириам заметила, как блуждающий взор Хелен вдруг сфокусировался на двух ее новых подругах. Затем она вновь улыбнулась как ни в чем не бывало и обратилась к Мириам:

— Простите, что мой первый визит оказался столь краток. Я просто забежала познакомиться перед походом к доктору.

— Спасибо вам за все, за визит и за подарок. Ах, я даже не успела развернуть. Как неучтиво с моей стороны. Просто я...

— Все в порядке, — Хелен остановила ее жестом, и Мириам увидела в ее взгляде мучительную боль. — Посмотрите потом... когда останетесь одна. Там есть... некий посыл.

— В самом деле? Звучит интригующе. — Она стала разворачивать обертку.

Хелен отступила и уперлась взглядом в Норму и Джин, которые, не отрываясь, смотрели, как Мириам достает картину из упаковки. Отбросив бумагу, она подняла ее перед собой.

Воцарилась долгая пауза. Некоторое время никто не находил слов. Краски живые и настолько яркие, что холст кажется объемным. Сперва Мириам даже не поняла, где верх, а где низ и как его надо правильно держать.

Картина казалось подсвечена лампочкой с обратной стороны холста. В центре было нечто вроде солнца — или католической облатки, от которой разбегались синие мазки. Темно-зеленый часток, с острыми краями, щерился внизу. Над ним повисла размытая женская фигура, в которой отчетливо различимым было только лицо, с застывшей на нем предсмертной мукой. Под грозным частоклом бурлило море кипящей крови, с белыми пузырями, похожими на костяные черепа.

— Да, тут в самом деле заложен посыл, — глубокомысленно сказала Норма.

— Какие цвета! — обратила внимание Джин.

— Ничего подобного я не видела, — пробормотала Мириам и тут же подумала, не истолкуют ли ее превратно. — То есть я хотела сказать...

— Если вам не понравилось, я пойму, — спокойно сказала Хелен. — Как я уже говорила, это не совсем обычная картина.

— Нет, нет, что вы, теперь я с ней не расстанусь. Мне всегда хотелось иметь картину, что-нибудь такое... выразительное. Вот интересно, что скажет Кевин, когда увидит, ему тоже непременно понравится. — Она обратилась к Хелен: — Вещь весьма необычная, тут есть о чем подумать. Огромное спасибо. — На миг она задержала взгляд на Хелен. — Вы вложили в нее нечто сокровенное, не так ли?

— Да.

— Тем ценнее для меня эта картина. — Мириам постаралась, чтобы это прозвучало искренне, но тут же поняла, что получилось у нее, скорее, покровительственно. — Нет, правда, — добавила она на всякий случай, чтобы в ее искренности не оставалось сомнений.

— Если не сейчас, то потом, — пророчески произнесла Хелен, будто пифия. Мириам оглянулась на Норму и Джин. Обе старательно поджали губы, сдерживая смех. — Ну что ж, мне пора. Жаль, что приходится покидать вас так скоро, но...

— Нет, что вы, я все понимаю.

«Больше, чем ты думаешь», — подумала Мириам.

— Мы еще встретимся. Как только мы устроимся, заходите с Полом на огонек.

Хелен усмехнулась.

— Благодарю за приглашение, — она двинулась к выходу.

— И вам спасибо, что зашли, — крикнула Мириам вслед.

Никто больше не сказал ни слова, пока дверь не захлопнулась.

Тогда Норма с Джин переглянулись и разразились хохотом. Мириам покачала головой, улыбаясь.

— И что мне с этим делать?

— Повесь в кладовке.

— Или на входной двери, снаружи, — предложила Джин. — Будет отпугивать воров и торговых агентов.

— Мне ее отчего-то так жаль. У нее явно не в порядке с психикой. Эта картина... — Мириам снова посмотрела на «подарок». — Это же чистый кошмар!

— Но это и есть ее «посыл», — повторила Норма услышанное от Хелен слово, и они снова прыснули.

— Поставлю ее пока в углу, до возвращения Кевина. Как только он ее увидит, то поймет, почему я ее не повесила.

— Но ты была на высоте, — заметила Норма. — С ней так и надо разговаривать.

— Полагаю, она постоянно посещает доктора?

— Еще бы. Бедняга Пол, на него столько свалилось. Надо бы как-то помочь, правда, Джин?

— Несколько недель после смерти Глории мы звонили ей и пытались вытащить куда-нибудь, чтобы отвлечь, но она сидела взаперти. Предпочла остаться наедине со своими переживаниями. Наконец, мистер Милтон сделал Полу замечание, в том смысле, что надо бы что-нибудь предпринять. «Надо что-то делать, Пол», — сказал он. Тебе она кажется странной, но ты еще не видела, какой она была после похорон Глории. Однажды она пришла ко мне и закатила такую истерику... Она кричала, что мы все должны убираться отсюда, что нам всем угрожает опасность... будто этот дом виновен в смерти Глории и самоубийстве Ричарда. Я ничего не поняла из этого лепета и, в конце концов, позвонила Дейву. Он связался с Полом, и тогда явился Пол и отвел ее домой.

— Вызвали доктора, и он прописал ей транквилизаторы и снотворное, — продолжила рассказ Норма. — Она и сейчас, скорее всего, под влиянием препаратов.

— Наверное, они с Глорией Джеффи были близкими подругами.

— Ну, уж не более близкими, чем мы, — заметила Джин с ноткой обиды.

— Я только подумала...

— Просто она слишком чувствительна и ранима, — пояснила Норма, коснувшись лба тыльной стороной кисти. — Она же художник, а в душе творческого человека постоянный хаос. И, потом, — продолжала она профессорским голосом, — она видит трагическую иронию, всегда присутствующую в оборотной стороне явлений. — Норма выразительно вздохнула.

— И все равно мне ее жалко, — призналась Мириам, поглядев в сторону двери, будто там еще стоял бесплотный призрак душевнобольной женщины.

— Нам, конечно, тоже ее жаль, — сказала Джин. — Просто это стало немного утомлять. Это так давит на психику. Ну да, Глорию постиг трагический конец, с Ричардом случилось ужасное, но все это в прошлом, мы все это пережили, и никто из нас не в состоянии изменить того, что случилось.

— Ничего не поделаешь, — резонно заметила Норма. — Надо жить.

— Лучшее, что мы можем для нее сделать, — это не подавать виду и не впадать в меланхолию в ее присутствии. Перед ней должен быть положительный пример, — заявила Джин. — Так нас научил мистер Милтон, помнишь, Норма?

Норма неопределенно хмыкнула и посмотрела на часы.

— Ого. Пора мне принять душ и заняться обедом.

— Да и мне пора, — присоединилась Джин.

— Не знаю, как вас и благодарить.

— Ерунда, тебе еще представится такая возможность, — сказала Норма, и все рассмеялись.

«Все-таки эти девчонки молодцы, — подумала Мириам. — Они стараются приносить радость и не дают никому раскисать». Она в искреннем порыве по очереди обняла их, после чего они расстались.

Итак, оставшись одна, Мириам рухнула на диван и закрыла глаза. Должно быть, она заснула, потому что следующее, что она увидела, — лицо стоявшего над ней Кевина. Улыбаясь, он качал головой с шутливой укоризной. В руке его еще был портфель — видимо, он только что вошел и застал ее спящей.

— Сон на рабочем месте?

— Ой! — она растерла лицо и тревожно оглянулась по сторонам. — Я и не заметила, как задремала. Сколько сейчас?

— Начало седьмого.

— В самом деле? Надо же, проспала. Норма и Джин ушли с час назад.

— Вижу, ребята, наделали вы дел немало, — он оглядел гостиную. — Пожалуй, ты заслужила обед в ресторане. По дороге в лимузине Дейв и Тед рассказали про заведение в двух кварталах отсюда,

семейный итальянский ресторанчик, вполне симпатичное место. Неповторимое обаяние домашней кухни и обстановки. Как насчет того, чтобы заглянуть туда, причем немедленно?

— Да.

— Давай только примем душ... вместе.

— В таком случае, Кевин, мы будем ужинать через несколько часов.

— И все же рискну, — сказал он, поднимая ее с дивана. Последовали объятия и поцелуй. — И потом, надо опробовать нашу спальню. Все-таки первая ночь в новой квартире.

Она рассмеялась и поцеловала его в нос. Обхватив друг друга руками, они сделали несколько игриво-танцевальных движений в сторону спальни.

— А что это за... — взгляд Кевина наткнулся на принесенную картину. — Что это такое?

— Ах, да. К нам заходила жена Пола. Все было так странно. Она принесла это в подарок. Честно говоря, не знаю, что с этим делать.

— Но ты же ничем не обидела ее? — вдруг спросил он слегка изменившимся тоном.

— Конечно, нет, Кевин, но что делать с этой картиной? Она же просто... отвратительна.

— Повесим ее на стенку на некоторое время... а потом снимем.

— Ты издеваешься? Я не выдержу, если такое будет висеть у меня в квартире. Люди будут...

— Только на время, Мириам.

— Она поймет и не обидится. Она сама так сказала.

— Что сказала?

— Что это особенная картина. Что она вовсе не обязательно должна нравиться. В ней что-то вроде... пророчества или еще чего. Мы приняли подарок, и этого достаточно. Где написано, что подарки надо непременно выставлять на всеобщее обозрение?

— Ты не можешь так поступить...

— Почему? Это мой дом, Кевин. И я имею право решать, чем мне украсить стены.

— Я не об этом, Мириам. — Он на минуту задумался. — Просто не хотелось бы ранить их лишней раз. Им и так здорово не повезло в жизни.

— Что ты имеешь в виду?

— У Сколфилдов никогда не будет детей.

— Почему?

— Так сказали доктора. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— Господи. Как жаль.

— И это еще не считая остального, что в сравнении с этим, конечно, мелочи, но все же... На Пола много свалилось, на Хелен тоже. И непонятно еще, на кого больше. Но последнее известие уравнивает их в несчастье.

— Да, — она остановила взгляд на картине. — Тогда ничего удивительного, что она рисует та-

кое. Ладно. На время я ее, так и быть, повешу. Вон там, в углу, чтобы не бросалась в глаза.

— Ты моя девочка, — умилился он, целуя ее. — Ну а теперь проверим, как у нас работает душ, ага?

Она улыбнулась, слабо сопротивляясь, и оглянулась напоследок на полотно Хелен.

— Правда, какая ирония судьбы? Трагедия одной женщины в том, что она родила, а другой — что она не может родить. Глория Джеффи и Хелен Сколфилд.

— Да уж. Ничего не поделаешь, лучшее, что мы можем сделать, — это не подавать виду и быть оптимистами в присутствии Хелен.

Что-то знакомое прозвучало в этих словах. Мириам вздрогнула. Не это ли говорил мистер Милтон ее подругам?

— Это тебе сказал мистер Милтон?

— Мистер Милтон? — он рассмеялся. — Понимаю, я иногда чрезмерно им восхищаюсь, но не до такой степени, чтобы не иметь своего мнения. Вообще-то, Мириам, я и сам кое-что могу.

— Ну конечно, можешь, — сказала она рассеянно.

Стенли Ротберг сел в кресло справа от мистера Милтона. Как только он вошел в конференц-зал, Кевин подверг его быстрому пристальному осмотру. Выглядел этот мужчина значительно старше своих лет — сорока одного года, как утверждали документы. Жидкие волосы были зачесаны на широкую проплешину. Несмотря на приличный рост и широкие плечи, он казался каким-то сутулым, точно согбенным годами. Мешки под глазами, глубокие морщины, изрезавшие лицо, и черная колючая борода придавали ему вид раздражительного невыспавшегося бармена.

Несмотря на темно-синий костюм от Пьера Кардена, в нем присутствовала какая-то потасканность, наводившая на тревожные предположения. Не нравились Кевину эти сонные глаза. Присяжные могли прочесть в них что угодно. Даже улыбка у него была холодная, рыба. Да и улыбкой такое нельзя было назвать, скорее, усмешкой, оскалом.

Отец учил Кевина никогда не судить о книге по обложке. Отцу в своей финансовой конторе приходилось, например, иметь дело с богатыми людьми, которые одевались кое-как. По окончании юрфака Кевин как-то возразил отцу, когда тот в очередной раз припомнил эту поговорку.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, папа. Но, когда я веду клиента в суд, он должен выглядеть безукоризненно. Присяжные встречают по одежке.

Первое впечатление часто становится и последним, думал тем временем Кевин, а первое впечатление от Стенли Ротберга было такое, что этот человек виновен. Такой человек вполне был способен подтолкнуть собственную жену за край черты. Вид у него был самоуверенный, надменный и даже хамский.

— Стенли, — представил Джон Милтон, — перед вами Кевин Тейлор.

— Как поживаете, мистер Ротберг, — сказал Кевин, протягивая руку.

Ротберг посмотрел на нее и любезно осклабился, пожав ее через стол.

— Ваш босс отрекомендовал вас как способного молодого человека. Сказал, что я могу отдать свою жизнь в ваши руки.

— Сделаю все возможное, мистер Ротберг.

— Вопрос в том, — сразу откликнулся Ротберг, — достаточно ли будет того, что вы можете?

Улыбка его при этом поблекла.

Кевин встретился взглядом с мистером Милтоном: тот пристально смотрел на него, не отводя глаз. Казалось, они прожигают душу. Кевин выпрямился.

— Более чем достаточно, — ответил он, не в силах скрыть некоторого раздражения, — и, если вы поможете мне, мы наголову разобьем выдвинутое против вас обвинение так, что ваша невинность будет неоспорима.

Ротберг кивнул, ухмыляясь:

— То, что надо. — И повернулся к Милтону, повторил: — То, что надо, — махнув рукой в сторону Кевина.

— Я бы не стал поручать ваше дело Кевину, не будь я полностью уверен, что он сможет выиграть его. И вы, в свою очередь, можете быть уверены, что все возможности моей фирмы в вашем распоряжении. Возраст Кевина также сработает в вашу пользу. Ведь все ждут, что вы наймете самых авторитетных адвокатов по уголовным делам в городе, чтобы купить себе незапятнанную репутацию. Но вы уверены в собственной непричастности. Поэтому вам не нужен высокооплачиваемый адвокат с именем, не раз промелькнувшим в газетах. Вам необходим просто компетентный поверенный, который может представить суду факты и противостоять любым косвенным доказательствам или уликам. Это произведет впечатление.

— Да, — протянул Ротберг, кивая. — Ладно, я понял.

— Но они не знают того, — с улыбкой продолжил Джон Милтон, — что Кевин намного талантливей большинства раскрученных в прессе столичных адвокатов. У него есть чутье, и оно срабатывает в зале суда. Видели бы вы его выступления. — Милтон с восхищением посмотрел на Кевина. — Когда он говорит о подсудимом, то способен представить его ангелом. Когда дело доходит до опроса свидетелей обвинения, он налетает на них точно коршун. Он умеет быть безжалостным и беспощадным, когда дело касается защиты клиента. Честно говоря, я сам себе не пожелал бы лучшего адвоката.

Несмотря на то что эти похвалы прозвучали искренне, Кевину стало неловко. Словно его похвалили как высококвалифицированного киллера. На Ротберга, однако, подобная характеристика произвела впечатление.

— О, понял, понял. Ну хорошо. В таком случае, что от меня потребуется?

— Препоручаю вас ему, — сказал мистер Милтон, вставая. — Кевин, вы знаете, где меня искать, если понадобится. А вам удачи, Стенли, — он посмотрел на клиента. — И учтите, это не та удача, что выпадает как очко на брошенных костях. Это вопрос искусства, а вы в руках мастера. — И похлопал Кевина по плечу. — Приступай.

Кивнув, Кевин открыл портфель и приступил к процедуре, обозначенной Милтоном в разговоре: первое, что от него требовалось, — произвести впечатление на клиента имеющейся у них информацией о его жизни. Он стал обсуждать болезнь Максина, попутно задавая вопросы насчет сиделки. Кевин заметил, что Ротберг отвечает осторожно, с оглядкой. Как будто бы уже под присягой в зале суда, под перекрестным допросом окружного прокурора.

— Надеюсь, вы понимаете, мистер Ротберг...

— Называйте меня Стенли, чего там. Нам придется долгое время пробыть вместе, так что давайте без церемоний.

— Стенли. Надеюсь, вы понимаете, что для того, чтобы я сделал все от меня зависящее, для меня не должно быть никаких сюрпризов.

— То есть?

— Вы не должны утаивать ничего, что может узнать и использовать против вас прокурор.

— Само собой, без проблем. Если я не могу быть честен со своим адвокатом, значит, я виновен, так?

— Не обязательно сознание своей вины в преступлении — не оно одно заставляет скрывать что-то или говорить полуправду. Иногда человек просто боится предстать в дурном свете из-за какого-то нежелательного события, если оно вскроется на процессе. И тогда он начинает скрывать

его даже от собственного адвоката. Позвольте мне самому судить обо всем. Я знаю, что следует скрывать от суда, и чего не следует ни в коем случае, — добавил он.

Ротберг кивнул, понимающе выкатив глаза. Кевин почувствовал, что произвел впечатление.

— Как долго вы с женой жили отдельно?

— А, ну это сразу после того, как Максин заболела. Я для нее же старался, чтобы ей было спокойнее. В ее комнате была устроена настоящая больничная палата, уже после ампутации ноги. Там было все, что нужно: лекарства, инструменты, больничная кровать с таким матрасом, знаете, чтобы без пролежней. Ну и, как вам уже известно, я нанял ей круглосуточную сиделку.

Кивнув, Кевин откинулся в кресле.

— Главное, что может использовать против вас прокурор, — то, что некоторый запас инсулина и одноразовых шприцев находился в вашей комнате. — Он посмотрел в записи. — В нижней части шкафа. И при этом вы никогда не делали ей уколов?

— Никогда. Я даже не смотрел, как ее колет сиделка. Бр-р.

— В таком случае, зачем вам понадобилось держать медикаменты у себя в шкафу? Почему не в ее комнате?

— Я их туда не приносил.

— Но вы же не отрицаете, что они находились там? Они найдены следователями. И вы

утверждаете, что даже не знали об их существовании?

После некоторого колебания Ротберг заговорил:

— Вообще-то я заметил их там за день до смерти Максина, но совершенно про это забыл.

— Значит, вы их туда не приносили, только обратили на них внимание, и даже ничего не спросили у сиделки?

— Кевин, вы представляете, что такое — быть управляющим курортной зоны и хлебопекарного комбината одновременно. У меня голова все время забита тысячью вещей. К тому же мы открываем универсам в Канаде, — добавил он гордо.

— По рецепту вычислили, что часть инсулина из вашего шкафа пропала. Этого количества вполне достаточно для смертельной дозы. Очевидно, это используют против вас на суде. Правда, у них нет шприца с отпечатками ваших пальцев, но если такой найдется...

Ротберг онемел, не сводя с него глаз.

— Между тем в комнате вашей жены был вполне достаточный запас лекарств. Вряд ли кому-то понадобилось заходить к вам, чтобы взять несколько ампул, оставив остальное там, — Кевин подчеркнул важность сказанного, повысив голос. — Вы понимаете, на какие размышления это наводит?

Ротберг кивнул.

— В таком случае, как вы можете объяснить это, Стенли? Тут мне понадобится ваша помощь, — сухо добавил Кевин.

— Должен вам кое в чем признаться, — наконец выдавил Ротберг. — Не хочу, чтобы это вскрылось на суде, и ума не приложу, как выкрутиться.

— Продолжайте.

— Максина узнала, не знаю, как... что я встречаюсь кое с кем на стороне. Девушка, ее зовут Трейси Кейсвелл. Она работает в финотделе отеля.

— Ну, это не такой уж секрет, как вы думаете. Вы должны понять, что в глазах обвинения и, может быть, присяжных это становится мотивом убийства. Я собирался позднее обсудить с вами этот роман на стороне, и как нам его преподнести, но какое это имеет отношение к инсулину, найденному в вашей комнате?

— У нас с Максимом вышла ссора. Это было ужасно. Меньше всего я хотел, чтобы она узнала о Трейси. По-моему, она уже и так настрадалась достаточно. На самом деле, даже и не ссора. Она орала на меня, а я стоял и слушал. Чем она только не угрожала, сами понимаете, как оно бывает в таких случаях. Думаю, она просто погорячилась. Ничего она, конечно, не собиралась делать из того, что обещала, так что я не придавал этому значения. Больная женщина, что вы хотите? Это отразилось на ее душевном состоянии.

— И?

— Одной из угроз было то, что она убьет себя и сделает это так, что во всем обвинят меня. Похоже, у нее получилось.

И Ротберг откинулся на спинку стула, довольный своим объяснением.

Кевин слышал шум в коридоре после того, как завершил опрос Стенли Ротберга и они, пожав друг другу руки, расстались в приемной.

— Что случилось? — спросил он у Дианы.

— Мистер Маккарти выиграл дело. — Она сияла. — Вынудил их снять обвинение с клиента.

— В самом деле? — Он поспешил в кабинет Теда. Там уже собрались все. Дейв, Пол и мистер Милтон стояли перед столом, за которым возвышался уставший победитель. В руках у всех были бокалы, а на столе — откупоренная бутылка шампанского.

— Кевин, вы как раз вовремя, — обернулся Джон Милтон. — Присоединяйтесь к тосту. Так мы отмечаем каждую победу.

Ему протянули полный бокал.

— За Теда, — сказал мистер Милтон, поднимая фужер.

— За Теда, — откликнулись остальные и выпили.

— А что именно случилось? — спросил Кевин, торопливо проглотив шампанское.

— Блаттсы отказались от обвинения против Кроули. Узнав о похождениях своей дочки, они поняли, что лучше не доводить дело до суда, — объяснил Тед.

Дейв с Полом расхохотались. Джон Милтон только шире улыбнулся. Казалось, он помолодел. Черты лица заострились, вино — или вкус победы — окрасили щеки румянцем, глаза восторженно блестели. Но вдруг выражение его лица изменилось.

— Тут есть урок для всех нас, — поучительно сказал он. Голос был трезв и серьезен. — Иногда победу можно одержать и до суда. Временами основная и решающая схватка происходит за стенами судебной палаты. — Он повернулся к Кевину. — Представьте себе двух профессиональных боксеров, выходящих на ринг бороться за звание чемпиона. Они уже заранее оказывают психологическое воздействие друг на друга, пытаясь выбить противника из колеи, прежде чем встретятся с ним лицом к лицу в кулачном поединке.

— Что ж, — продолжал он, и лицо его снова озарила улыбка. — Сегодня у нас есть еще один дополнительный повод для праздника. Во-первых, мы принимаем Кевина в нашу фирму, в наши ряды вливается новый сотрудник, и второе — успех Теда. Так что вечером прошу пожаловать ко мне в пентхауз.

Кевин заметил, как все просияли при этих словах, словно удостоенные высокой чести.

— Надеюсь, сегодня вечером все свободны?

— Еще бы, мистер Милтон, — тут же отозвался Дейв.

— Мы с женой обязательно придем, — заверил Тед.

— И у нас все в порядке, — сказал Пол.

Все посмотрели на Кевина.

— Мы тоже будем. Спасибо за приглашение.

— Ну, порядок, джентльмены, вернемся к работе.

Все еще раз поздравили Теда и отправились по кабинетам. Дейв и Пол устремились к себе, по виду оба распахнутые успехом Теда и коротким праздником. Джон Милтон положил руку Кевину на плечо, шагая рядом с ним по коридору.

— Не хотелось бы, чтобы это выглядело так, будто я бросил вас наедине с Ротбергом. Просто надо было, чтобы он сразу понял: его судьба полностью зависит от вас. Это ваше дело.

— Что вы, мистер Милтон, никаких проблем. Спасибо за комплименты, которые вы мне расточали.

— Все, что я говорю, — искренне. Итак. Как прошла встреча с клиентом?

— Он выдвинул предположение, что его жена покончила с собой, устроив все так, чтобы взвалить вину на него. Короче, судя по его объясне-

нию, получается, что Ротберга подставили. Якобы она узнала о его шашнях и придумала план мести. Инсулин, который у него нашли, подбросила она. Так получается по его рассказу.

— Что ж, звучит вполне достоверно, — задумчиво сказал Джон Милтон. — Как говорится: «нет ада страшнее мести обманутой женщины».

Кевин приостановился, убеждаясь, что он не шутит.

— У вас какие-то сложности с выдвинутой Ротбергом теорией?

— Дело в том, что он признает, что видел этот инсулин у себя в шкафу, только отчего-то забыл о его существовании. Сослался, что был загружен делами по отелю. А перед этим у него с женой состоялся серьезный разговор, и она угрожала засадить его, пусть даже ценой собственной жизни. Мне трудно поверить в его версию.

— Вопрос в том, сможете ли вы это представить в суде так, чтобы присяжные купились на эту версию. Вы должны верить в нее, если начнете ее разворачивать, — предупредил Джон Милтон.

Кевин понял, что, если он сейчас правильно не изложит свои соображения, Милтон может забрать у него дело и передать Теду, который как раз освободился.

— Если удастся досконально выяснить, что Ротберг в самом деле не имеет отношения к инсу-

лину, найденному следствием, то все пройдет гладко. Надо проверить. Скорее всего, инсулин доставили в отель, и за него расписывалась сиделка. Надо с ней встретиться и выяснить, что она знала об отношениях супругов. Возможно, миссис Ротберг ей доверяла и рассказывала про то, как презирает мужа за все, что он натворил. А может быть, ей довелось подслушать перебранку между с супругами, когда вскрылась его связь. И, если она покажет на суде, что в самом деле слышала угрозы Максин Ротберг убить себя и взвалить вину на мужа, тогда...

— Неплохо. Уверен, она пойдет вам навстречу, если поймет, что ей самой придется отвечать за смерть Максина. Пусть ей станет известно, что ее пагубное пристрастие к алкоголю тоже непременно выплывет на судебном разбирательстве, — посоветовал Джон Милтон. — Тогда она сразу будет сговорчивей и пойдет на сотрудничество. Это называется «вербовать свидетеля».

— А она не выдвинет встречное обвинение в шантаже?

— А пусть попробует, — недобро усмехнулся Джон Милтон. — Кстати, у нас есть подтверждение, где находился Стенли Ротберг в то время, когда была введена летальная доза инсулина?

Кевин удрученно кивнул.

Джон Милтон сразу все понял.

— Он был у любовницы?

— Для человека, слишком занятого, чтобы помнить про лежавший в шкафу инсулин, у него на удивление много времени, чтобы гулять на стороне. Присяжным это не понравится. Да и судья такое не проглотит.

— Думаю, лучше всего будет довериться вашему внутреннему чутью, Кевин. Начните с искренности. Пусть Ротберг прилюдно сознается в своей связи, не дожидаясь, пока его поймает на этом прокурор, пусть эта девушка тоже свидетельствует о том, как все происходило. Возьмем их искренностью. Пускай присяжные осудят его за адюльтер, а не за убийство. Неверный супруг — это еще не улика. И потом, без его признания, мы не можем выдвинуть версию с ее угрозами — с чего бы ей тогда угрожать самоубийством? Он должен быть честен с самого начала, иначе никто ему не поверит.

— Да, и еще мы можем получить помощь со стороны ее лечащего врача, — вспомнил Кевин. — Он писал в ее карте, что больная находится в подавленном состоянии.

— Да, да, — заговорил Джон Милтон, лицо его засветилось. То ли луч солнца ударил из дальнего конца коридора, то ли так отразились эмоции. — Очень хорошо. — Казалось, в этот момент между ними пробежала искра — ударив Кевина в сердце.

— И, конечно, — присовокупил он, останавливаясь возле кабинета Кевина, — все это сработает, только лишь если он будет продолжать горевать о смерти жены, упрекая себя во всем, что произошло. Как он?

— У меня не создалось такого впечатления, — признался Кевин. — Что он вообще как-то переживает.

— Зато оно должно быть у присяжных, — объявил мистер Милтон. Он улыбался — только улыбка эта получилась какой-то озорной, даже проказливой. Теперь он, скорей, походил на подростка на маскараде Хеллоуина, чем на юриста, вырабатывающего тактику поведения на суде.

— Надеюсь, у меня получится, — почти шепотом сказал Кевин. Его поразил свет, блеснувший в глазах Джона Милтона. Эти глаза просто завораживали.

Джон Милтон потрепал Кевина по плечу.

— Еще как получится. Держите меня в курсе дела, — напутствовал он, удаляясь по коридору. Кевин посмотрел ему вслед и взялся за ручку двери.

За столом он стал размышлять над советом шефа.

«Думаю, лучше всего будет довериться вашему внутреннему чутью... пусть он все выложит на суде, ничего не скрывая». В самом деле, он именно об этом и думал, только вот не помнил,

чтобы рассказывал Джону Милтону. Он только думал об этом.

Кевин пожал плечами. Должно быть, когда-то это у него вырвалось. А какие могут быть еще предположения? Что, Милтон — телепат, в самом деле?

Кевин вернулся к папке и стал пересматривать записи, сделанные во время разговора с Ротбергом. Несколько раз к нему заглядывали, с намерением позвать обедать, но он уже распорядился, чтобы Венди принесла чая и бутербродов. Она вызвалась ему помочь, также отказавшись от обеда. Такая энергия и самоотдача сотрудников «Джон Милтон и партнеры» производили неотразимое впечатление и стимулировали к упорной работе.

Возвращение домой превратилось в продолжение праздника. Кевин обратил внимание, что Дейв и Пол радуются успеху товарища, как своему собственному. Они на самом деле больше напоминали семью, чем адвокатов, работающих под одной крышей. Впоследствии он пожалел, что стал единственным, кто внес мрачную ноту в общее веселье, но уж очень ему хотелось проверить реакцию Теда на успех и сравнить с собственными ощущениями после удачно завершенного дела Лоис Уилсон.

— А ты сам веришь, что Кроули виновен, Тед? — обратился он к нему. — В смысле, несмо-

тря на распушенность этой девчонки, он все же изнасиловал ее, как ты считаешь?

Тут же воцарилось молчание, и воздух словно сгустился от напряжения.

— Я же не заставлял Блаттсов отказываться от обвинения. Это было их решение, — заявил Тед, уходя в глухую оборону.

— Тем более, это прокурор убедил их отказаться от возбуждения дела, — добавил Пол.

— Тед просто делал работу, за которую ему заплатили, согласно профессиональной этике, — перешел в атаку Дейв. — Как и ты, когда защищал Лоис Уилсон.

— Да я ни в чем не обвиняю Теда, просто хотел узнать, что он думает об этом человеке.

— Мысли, чувства, рассуждения о морали — это все адвокат должен отставить в сторону, Кевин, если он хочет спасти клиента. А он должен его спасти. Это первое, что я, например, усвоил, работая с мистером Милтоном. И, должен тебе сказать, мне это очень помогло.

— Как и всем нам, — подтвердил Пол.

— Это то же самое, как отношения доктора с пациентом, — принялся втолковывать Дейв. — Мистер Милтон провел такое сравнение, когда я еще только поступал на работу. Доктор не рассуждает о том, каких убеждений придерживается больной, моральных, политических, религиозных. Ему все равно, какую жизнь тот ведет. Он изучает

симптомы, назначает лечение. Чтобы стать успешным адвокатом, надо научиться отделять клиента от дела. Ты изучаешь факты, состав обвинения и выбираешь курс действий. Если же ты станешь разбираться, кто виновен, а кто нет, то скоро очутишься с голоду.

Тед с Полом рассмеялись. Кевин кивнул. Нечто подобное он излагал Мириам после своего процесса, когда она пристала с расспросами, что он думает о подзащитной.

— А если ты без этого никак не можешь, тебе лучше работать в офисе районного прокурора, — сказал Пол. И тут же улыбнулся, чтобы Кевин не принял это на свой счет. — Но ты же знаешь, чем эти ребята занимаются.

Тут все снова расхохотались, включая Кевина. Пол приготовил коктейли. Все развалились на мягких кожаных сиденьях, удовлетворенно потягивая напитки, и снова воцарилась атмосфера праздника.

— Кстати, — лениво проговорил Кевин, — а как добирается домой «сам»?

— В лимузине. Он же трудоголик. Он приезжает в офис раньше нас и часто задерживается там допоздна. Харон возит ему обед. Кстати, ты еще не видел его пентхауза. Роскошь и гедонизм.

— Три ванные, — встрял Дейв. — И в каждой по джакузи!

— А вид оттуда — закачаешься, — присоединился Тед. — Кажется, что стоишь на крыше мира. У меня всегда такое ощущение, будто...

— Чувствуешь себя богом, — признался Пол.

— Да-а. — Тед таинственно улыбнулся. — Помню, как я очутился там первый раз. Мы смотрели на панораму города, Милтон положил мне руку на плечо и говорит: «Тед, ты не просто стоишь надо всем этим, все это — будет твоим». Я просто онемел от восхищения, не мог сказать ни слова, но он все понял. Он все понимает, — повторил Тед.

Лица Пола и Дейва мгновенно протрезвели. Они молча и с совершенно серьезным видом кивнули.

Странная реакция, подумал Кевин. Точно они в самом деле побывали на крыше мира. И тут он внезапно почувствовал на себе их взгляды.

— Думаешь, мы его переоцениваем? — спросил Дейв. — Слишком много думаем о нем?

Кевин пожал плечами:

— Нет, вообще-то он производит сильное впечатление. Меня тоже немного занесло, когда я описывал фирму и мистера Милтона Мириам.

— Таких людей — один на миллион, — сказал Пол. — Мы счастливы, что нам выпала удача работать с ним.

— Тост, тост, — провозгласил Тед, поднимая бокал, — за мистера Милтона.

— За мистера Милтона, — присоединились Дейв с Полом. И снова все посмотрели на Кевина.

— За мистера Милтона, — сказал он, и все выпили. Он не мог избавиться от ощущения, что присутствует на каком-то ритуале. — Так значит, он затекает грандиозную вечеринку?

— Придут секретарши, к тому же он всегда приглашает интересных людей, — сообщил Дейв, радостно блестя глазами. — Вы с Мириам не пожалеете — отлично проведете время. На самом деле, будет так здорово, что даже не заметишь, как пролетит время.

— Звучит заманчиво, — заметил Кевин. Они посмотрели на него с одинаковыми улыбками, точно три клона. Сейчас они были так похожи друг на друга, что казалось, будто бы все трое носят одинаковые маски.

Когда Харон остановил лимузин у дома и открыл дверь, они вывалились наружу в веселом расположении духа, непрерывно хохоча. Дейв только что рассказал анекдот, который услышал от Боба Маккензи, помощника окружного прокурора. Так, со смехом, они прошли вестибюль, после чего Дейв повторил шутку, на этот раз охраннику Филипу.

Кевин снова почувствовал себя в теплой товарищеской компании. Они с шумом завалились в лифт, обмениваясь студенческими воспо-

минаниями. Шутки лились потоком, пока они не достигли своего этажа.

Дома Кевин застал Норму и Джин, обступивших спинет. Мириам играла. Они подняли глаза, когда он вошел, синхронно поднося палец к губам. Мириам была так увлечена музыкальной пьесой, что даже не услышала, как он вошел. Она исполняла Бетховена, и девушки были потрясены. На цыпочках он прошел к дивану и осторожно присел. Как только прозвучал последний аккорд, Кевин присоединился к аплодисментам. Она обернулась, просяв:

— Ах, Кевин. Я даже не слышала, как ты пришел. Ты давно здесь?

— Двадцать четыре такта, — откликнулся он.

— Она просто чудо, — с придыханием заговорила Норма. — Я уже ей рассказывала, у мистера Милтона рояль в пентхаузе, и, как только он приглашает нас...

— Уже пригласил — в субботу вечером.

— О, это просто чудесно, — захлопала в ладоши Джин. — Ты всем сыграешь!

— На рояле? Но я не настолько хорошо владею инструментом, — заскромничала Мириам.

— Перестань прикидываться овечкой. Ты играешь великолепно, мы только что слышали, — объявила Норма не терпящим возражений голосом. Затем она повернулась к Кевину: — Мы собираемся на концерт в Центр Линкольна зав-

тра днем — Малер, Вторая симфония, «Воскресение».

— Нет, ты представляешь, Кевин? Наконец я нашла людей, которым тоже нравится классическая музыка.

— Не меньше, чем рок, — добавила Джин.

— Еще не забудь про кантри и вестерн, — сказала Норма. Они втроем расхохотались.

По всему видно, они сдружились, отметил Кевин. И Мириам счастлива. Так что все хорошо.

— Пора мне шевелить задницей, — заметила Норма. — Кевин вернулся, значит, Дейв уже дома.

— И Тед.

— Да, — воскликнул Кевин им вслед. — Чуть не забыл. У Теда сегодня большой праздник. Он в великолепном настроении, Джин. Победа нокдауном до начала поединка.

— Не поняла? — Джин опасливо скривилась, будто при ней сказали что-то неприличное. Он мельком взглянул на Мириам и заметил, как она замотала головой.

— Я имею в виду, он выиграл дело. Хотя, наверное, это должен был бы сказать тебе он сам.

— О, Тед никогда не рассказывает мне эту скукоту. Он знает, я терпеть не могу разговоров о работе. Я даже газет не читаю, когда там поднимается шумиха вокруг судебных разборок.

— И я не читаю, — поддержала ее Норма. — Лучше всего оставлять все неприятности этого

мира за дверью, как грязь на коврик. — Она повернулась к подруге: — Правда, Джин, так ведь говорил мистер Милтон?

— Вот-вот.

И обе повернулись к нему с вызывающей усмешкой. Кевин, удивленно приподняв брови, ответил:

— Ну конечно, конечно.

— Пока, Мириам. Поболтаем после, — пропела Джин, помахав рукой.

Норма повторила ее жест.

Некоторое время Кевин молча смотрел на закрывшуюся за ними дверь. Потом повернулся к Мириам.

— Мы так чудесно провели день, — начала она, прежде чем он успел вымолвить слово. — Сначала были в Музее современного искусства. Там чудесная выставка картин из Москвы, которые никогда еще не появлялись на Западе. Потом пообедали в «Вилледж». Норма давно облюбовала это местечко, там такие пирожные с заварным кремом! Потом вернулись в центр и пошли в кино на дневной сеанс, смотреть австралийский фильм, о котором все давно говорят. Там был чудный саундтрек, как раз из Бетховена, так что, когда мы пришли домой, я поиграла им немного.

— Ах да, — воскликнула она, едва переведя дыхание после всего, что выпалила ему, — мы же зна-

ли, что не успеем вернуться, чтобы приготовить что-нибудь к обеду, и зашли в кулинарию — такая, знаешь, большая, как универсам, — я купила салат из лобстеров, французский багет и бутылочку Шардоне. Сойдет?

— Конечно, — мотнул он головой.

— Ты, что устал? Или сердишься?

— Нет, — натянуто рассмеялся Кевин. — Просто, знаешь... счастлив за тебя.

— На работе все в норме?

— Как всегда.

— Вот и хорошо, — снова затрещала Мириам пулеметной очередью. — А то девочки сказали, что это все, что надо у тебя спрашивать. Я должна делать все, чтобы ты мог отвлечься и не вспоминать о работе. Так ты... может быть, примешь душ, а я пока сервирую стол. — Она поцеловала его в щеку, порхая по комнате как мотылек. — А к обеду я поставлю какую-нибудь музыку, которая помогает пищеварению, — щебетала она и, не дожидаясь ответа, упорхнула из гостиной, оставив его со смущенной улыбкой на лице.

Нет, он был счастлив, что она так быстро адаптировалась, но что-то не переставало беспокоить его, что-то его непрерывно точило изнутри. Какая-то острая боль, точно застрявший в груди осколок. Может быть, просто мнительность, а может, как это иногда бывает,

первое предупреждение о чем-то грозном и неотвратимом.

Он страхнул с себя оцепенение и направился в душ.

Еще до наступления вечеринки появился дополнительный повод для праздника. Дейву Коутейну удалось убедить судью не принимать в расчет признания Карла Обермайстера на том основании, что ни работники полиции, ни помощник прокурора, присутствовавшие при аресте, не дали обвиняемому сделать звонок адвокату, перед тем как приступить к допросу. Судья также отказался позволить окружному прокурору использовать улику, найденную в доме Обермайстера, поскольку обыск проводился без ордера и предварительно выдвинутых обвинений.

Без признания и улики обвинение рассыпалось как карточный домик. Окружной прокурор серьезно задумался, стоит ли вообще в таком случае браться за дело. Мистер Милтон предсказывал, что обвинение против Обермайстера будет снято до понедельника. Все произошло уже на выходных.

— Теперь, — рассказывал далее Дейв, — Обермайстер уберется из города.

— Но как же так, Дейв, — спросил Кевин после совещания, — тебе не приходит в голову, что

за пределами города он может продолжить свою преступную деятельность?

— Кевин, может, пойдем на улицу и будем хватать каждого, кто похож на убийцу или маньяка? Тюрьмы, между прочим, не резиновые. С делом Обермайстера будет покончено. Что же касается чувства вины, то оно целиком достанется Бобу Маккензи, Кевин. Так что пусть он живет с этим, — закончил Дейв.

Кевин кивнул. Те же аргументы он приводил Мириам по своему последнему процессу. Хотя это дело тяжким бременем лежало на совести, как ни крути. Но, как только совесть начинала донимать, он живо припоминал разъяснения мистера Милтона о том, что такое закон, что такое ответственность адвоката и клиента, и чем они, собственно говоря, отличаются. С этими стандартами он и соизмерял свои действия. Совесть, когда с ее мерками подступаешь к закону, оказывается лишним багажом. Иначе зачем бы тогда вообще существовала юридическая практика, если бы все жили по совести? Понемногу он привыкал к такой философии. Тем более что для него, как адвоката, это была еще и философия успеха.

Но верит ли он в нее на самом деле? Он всячески пытался избежать этого вопроса. Слишком многое было поставлено на карту. Он хотел добиться успеха, и поэтому стремился оправдать возлагаемые на него надежды. Сейчас было не

время оспаривать философию фирмы и раскидать. Ему предстояло главное дело жизни — ничего более значительного ему еще не доверяли.

И потом, Мириам с каждым днем все больше вращалась в эту жизнь, становясь столичной женщиной. Всякий раз, возвращаясь из офиса, он заставал ее возбужденно-счастливой, полной энергии, воодушевления. Она редко заговаривала о Блисдейле и старых подругах, вообще редко упоминала о прежней жизни. Она перестала отвечать на телефонные звонки и больше не писала писем. Все сожаления, которые она высказывала прежде, бесследно прошли. Может быть, причиной был их затянувшийся медовый месяц, но ни единая тучка не омрачала их счастье с тех пор, как они поселились здесь.

Его часто даже удивляло, с каким жаром она теперь отстаивает их новый образ жизни перед матерью. Она спорила с ней, даже упрекала в провинциальной узости мышления. Когда ее родители заехали как-то в гости, сперва она поразила их фирменным блюдом (рецепт которого Норма узнала от шеф-повара «Времен года»). Потом она вывалила перед ними концертные и театральные программки. Она без умолку рассыпалась в подробностях, рассказывая о набегах на музеи, о ресторанах, которые посетила, о людях, с которыми успела познакомиться. Ее речь пестрела цитатами из Нормы и Джин, единст-

венное имя, на котором она всякий раз спотыкалась, — Хелен Сколфилд.

Кевин удивился, когда Мириам не стала объявлять родителям истинную причину депрессии Хелен, представив все так, что проблема в ее бесплодии.

— Вот почему эта жуткая картина по-прежнему висит у нас, мама. Это Кевин предложил, чтобы не ранить ее чувств. — Мириам повернулась к нему. — Не правда ли, он слишком мягок? Но я его люблю, он такой заботливый, такой внимательный.

— Это весьма учтиво с вашей стороны, — заметила мать Мириам, — но все равно, эта картина кошмарна, я даже смотреть на нее не могу. Мурашки по коже.

— Ой, давайте о ней не вспоминать. Вот так, — сказала Мириам, снимая картину и переворачивая ее к стенке. — И здесь она будет стоять до вашего отъезда. Папа, сейчас я сыграю твою любимую пьесу.

Кевин не помнил случая, чтобы она играла на пианино с таким чувством, как в этот день. Посмотрев на родителей Мириам, он увидел в их глазах то же восхищение, которое испытывал сам.

В конце вечера, перед уходом, теща отвела его в сторону, пока Мириам прощалась с отцом.

— Она в самом деле счастлива здесь, Кевин. Сначала я была против этого переезда, но,

похоже, вы поступили правильно. Я так рада за вас обоих.

— Спасибо, мама.

— Я позвоню твоим родителям и обо всем расскажу. Представлю в лучшем свете, — доверительно шепнула теща.

— Они приедут к нам на следующей неделе, но маме все равно будет приятно услышать это от вас.

— Услышит, — заверила теща. — Это — «пять звезд!» — и поцеловала его в щеку.

После того как они уехали, Мириам ушла на кухню прибираться, а Кевин вернулся в гостиную. Его взгляд скользнул к картине Хелен Сколфилд, стоявшей на полу. Он повесил ее на место и отступил, вглядываясь. Внезапно внимание его приковало выражение лица женщины. Казалось, он слышит ее вопли и плач, когда она падает в кипящее кровавое море. Чем больше он вглядывался в картину, тем более конкретными становились черты лица, в котором он постепенно стал узнавать... Мириам. Его окатило жаром, а потом ледяным холодом. Он инстинктивно зажмурился. Открыв глаза, он увидел привычный абстракционистский абрис — и больше ничего. Лицо Мириам исчезло. Поразительная иллюзия, подумалось ему, даже если она возникла на секунду.

Кевин отправился на кухню, где застал Мириам у раковины, достающей тарелки из посудомойки.

Он обнял ее сзади, развернул к себе и поцеловал так, будто делал это в последний раз.

— Кевин, — выдохнула она. — Что такое?

— Ничего... ты устроила грандиозную пирушку. Я хочу, чтобы ты знала, как я тебя люблю. И сделаю все, чтобы ты была счастлива, Мириам.

— Ах, Кевин, я знаю. Посмотри, сколько ты уже всего сделал. Я уже давно не сомневаюсь в своем будущем.

Чмокнув его в щеку, она вернулась к фарфоровым тарелкам и серебряным приборам. Некоторое время он смотрел ей в спину, потом вышел на террасу. Несмотря на холод ноябрьской ночи, он пошел дальше и приблизился к перилам. Мир внизу казался нереальным. Он попытался вообразить, что чувствует человек, падая с такой высоты.

Только ли трагическая гибель жены подтолкнула Ричарда Джеффи к такому шагу? Но как же он не подумал о своем малолетнем сыне и о своей ответственности за него?

Вдруг сверху упала полоска света. Прикрыв глаза ладонью, он посмотрел вверх. Видимо, Джон Милтон вернулся домой и включил подсветку пентхауза. Небольшие прожектора были направлены так, чтобы освещать снизу, свет окутывал здание начиная с пятнадцатого этажа. Получалось так, словно партнеры и члены их семей находятся под его особым покровительством.

Или же чарами, подумал Кевин. В первый раз ему пришло в голову такое, но он тут же списал это на меланхолическое настроение, в которое погрузился на террасе, размышляя о причинах самоубийства прежнего хозяина квартиры. Холодный ночной воздух загнал его обратно в дом. Он услышал, как Мириам напевает что-то на кухне. Ее голос и домашнее тепло положили конец его сентиментальным размышлениям.

— Харон принес нам наши ключи, — с нескрываемым восторгом известила его Мириам. — Я звонила Норме, и она сказала, что у каждой семьи партнеров свой ключ. А все остальные, гости и прочие, ходят через охранника, который вставляет свой ключ, — присовокупила она, с заметным торжеством в голосе.

«И я был таким», — подумал Кевин. Кивнув, он посмотрел на золотой ключик в ее ладони. С виду он был именно золотой, а не позолоченный — солидный и увесистый. Она прочла его мысли.

— Он из специального сплава. Я спрашивала у Харона, он сказал, «о да, мэм, это чистое золото». Еще так улыбнулся. Ты же знаешь, он редко улыбается.

Кевин взял ключ, повертел его и взвесил на ладони.

— Довольно экстравагантно, тебе не кажется? Она выхватила ключ у него из руки.

— Ах, не знаю. — Передернув плечиками, Мириам еще раз бросила взгляд в зеркало в прихо-

жей. Она ходила за покупками вместе с Нормой и Джин, чтобы надеть что-то оригинальное по случаю вечеринки у Милтона. Кевина удивил ее выбор: черное трикотажное платье в обтяжку, которое так шло ее фигуре, но сквозь него проступали даже ребра. Плечи оно еще как-то прикрывало, но глубокое декольте открывало ее грудь почти наполовину обычного. Бюстгальтера она не носила, вместо него на ней был поднимающий грудь лифчик, который ее надоумили надевать Норма с Джин, утверждая, что это супермодно. Он был подогнан под бюст, увеличивая его и придавая еще более соблазнительную форму.

Это не похоже на Мириам, подумал он. Мириам могла, конечно, иной раз одеться вызывающе сексуально, но не до такой степени. Ее всегда отличала манера одеваться со вкусом, и стилю она придавала большее значение, чем соблазнительности.

И потом, она никогда не накладывала так много макияжа. Подводка и тени были слишком густыми и отчетливыми. Она добавила румяна в тональную пудру на щеках и нарисовала губы ярко-красной помадой с влажным блеском.

Он обратил внимание, что на этот раз она не стала надевать ожерелье из набора с сережками — жемчуг, оправленный в золото, — гарнитур, который он подарил ей на прошлый день рождения. Не то чтобы ему казалось, что она нуждается в ка-

ких-то дополнительных украшениях. У Мириам была лебединая шея, плавно перетекавшая в женственно-округлые плечи — которые словно были вылеплены по размеру его ладоней, до того естественно они входили туда всякий раз, как он к ней приближался, чтобы привлечь и поцеловать. Однако отсутствие ювелирных украшений добавило наготы и шее, и плечам, отчего вид у нее стал еще более соблазнительно-вызывающим.

Мириам сделала совершенно другую прическу: из тех, что в народе называют «взрыв на макаронной фабрике». Дикую, взлохмаченную и, вне сомнения, супермодную. Нет, он был не против нововведений, но это обтягивающее платье, в сочетании с ярким макияжем и прической, сразу снижали ее планку, придавали дешевый вид, делая похожей на уличную проститутку. Да, в ней появилась какая-то новая чувственность, и это задело его: волновало и в то же время раздражало.

— В чем дело? Разве тебе не нравится, как я выгляжу?

— Ты смотришься... как-то совсем по-другому, — сказал он дипломатично, как мог.

Она снова повернулась к зеркалу:

— Да, а что? Сначала я думала лишь немного изменить имидж. Однако Норма и Джин считают, что я слишком консервативна. Чересчур традиционна. — Она рассмеялась. — Видел бы ты, как они передразнивают лонг-айлендских матрон: их гри-

масы и манеру говорить. «Как, идет мне эта горжетка?» — с характерным прононсом произнесла она, делая вид, что поправляет на шее лисий хвост, примеряя покупку в меховом салоне.

— Я никогда не видел в тебе «матрону», дорогая. И никогда не считал тебя слишком консервативной. Ты всегда одевалась стильно и модно. Но только... неужели это платье и есть то, что носят дамы твоего возраста?

— Дамы моего возраста? Ну и выражение, Кевин, — она положила руки на бедра и состроила гримаску.

— Просто спросил. Может, я слишком зарылся в свои кодексы и уже не замечаю, что происходит вокруг.

— Думаю, мы оба перестали обращать внимание на то, что происходит вокруг.

— В самом деле?

Замечательно, подумал он. А ведь еще совсем недавно ему приходилось уговаривать ее изменить жизнь. Теперь же она представляет дело так, словно только он желал остаться в мирной гавани Лонг-Айленда.

— Так тебе не нравится, как я выгляжу? — спросила она, капризно надув губы.

— Я этого не говорил. Выглядишь ты потрясно. Просто теперь не знаю, можно ли тебя выпускать из дому. Мне придется весь вечер отбиваться от твоих поклонников.

— О, Кевин, — она посмотрела на свои дамские часики. — Нам надо поторапливаться. Мы опаздываем.

Он неопределенно хмыкнул, отпирая дверь. Когда она, грациозно покачивая бедрами, проходила мимо, он запечатлел поцелуй в шею.

— Кевин! Ты размажешь косметику.

— Ладно, ладно, — он поднял руки. И затем, вкрадчиво склонившись к ее уху, заметил: — Просто я подумал, сегодня самая подходящая ночь, чтобы подумать о... том, чтобы нас стало больше. Как минимум на одного человека.

— Позже.

— Я могу подождать... немного.

Он со смехом повел ее к лифту. Как только они вошли в кабину, Мириам вставила золотой ключик в замочную скважину под литерой «П» и повернула его. Затем с улыбкой посмотрела на Кевина, пока закрывалась дверь. Он покачал головой. Мириам бросила ключик в черную дамскую сумочку.

— Это ключ в гостиную, — шепнула она, пока лифт набирал высоту.

— Знаю. Ребята рассказывали, — одними губами ответил он. Казалось, в этот момент они стали бесплотными духами, потеряв ощущение земного притяжения.

Однако, как только раздвинулись двери, ноги внезапно отяжелели, будто налились свинцом.

Они замерли, не решаясь выйти. Гостиная мистера Милтона была широка и просторна, как верхний этаж реконструированного торгового склада. В центре располагался фонтан, окруженный овальными бордовыми кушетками, с бархатной обивкой и большими подушками. Небольшие прожектора всеми цветами радужного спектра подсвечивали фонтан, выраставший из гигантской беломраморной лилии.

Пол был покрыт пушистым толстым ковром молочно-белого оттенка. Такие ковры вызывают желание встать на четвереньки, чтобы погладить руками их мягкую пушистую шерсть. По стенам висели рубиново-красные портьеры, в простенках перемежаясь картинами. По большей части это были произведения современной живописи, судя по всему, оригиналы. Некоторые, похоже, принадлежали кисти Хелен Сколфилд. Вдоль стен и между разнообразной мебелью — тумбочками, шкафчиками, этажерками — были расставлены каменные и деревянные скульптуры на постаментах.

Дальняя стена была составлена из огромных панорамных окон, так живо описываемых Дейвом, Тедом и Полом в лимузине. Длинные до полу шторы закрывали завораживающий вид на нью-йоркский небосвод. Чуть в стороне стоял черный рояль с золотым канделябром на крышке — из чистого золота, тут же предположил Кевин.

В левом углу высилась акустическая стереосистема, квадрафонические колонки которой были вмонтированы не только в стены, но и в потолок. Высокий чернокожий диджей сидел за стойкой на вращающемся стуле и бубнил что-то в микрофон сквозь музыку. Он был тощий, в черной шелковой рубашке, расстегнутой до пупка, с толстой золотой цепью на шее, стучавшей по эбонитовым ребрам.

Комната — или, уместнее сказать, зал — была освещена рядами ламп скрытой подсветки, проходившей вдоль потолка, и несколько хрустальных люстр «тиффани» и «уотерфорд» различных форм и размеров отбрасывали свет на пуфики и канапе. Справа располагался бар, облицованный под камень, с длинной дубовой стойкой. Вдоль нее точно грибы выстроились высокие барные табуреты на длинных ножках, с черными шляпками сидений. За стойкой ловко трудилась пара барменов, тряся шейкерами и удваиваясь в зеркалах, что создавало иллюзию запаздывания движений. Над ними висели разнокалиберные бокалы, свет играл в них, как в весенних сосульках.

Сразу слева от входа мистер Милтон устроил миниатюрный танцпол, покрытый алым стеклом с подсветкой. Над ним мелькал прерывистый свет стробоскопа, рассыпая дождь сине-зелено-красных пятен на гостей, так лихо крутившихся и изгибавшихся в такт музыке, точно их черти поджаривали. Танцпол был окружен стеной зеркал,

так что трудно было угадать число танцоров, смотревшихся, когда им этого хотелось, в свои отражения. Некоторые заворуженно смотрели на свои облитые разноцветным светом силуэты, державшиеся в такт пульсации стробоскопа.

На вечеринке присутствовало не меньше трех десятков гостей. Кевин увидел секретарш с сопровождавшими их лицами — мужьями, любовниками или братьями. Точнее он знать не мог, поскольку был знаком с девушками только по работе. Венди приветливо помахала рукой из танцпола, где трудилась, не жалея каблучков. Диана махнула рукой, сидя на кушетке рядом со своим спутником.

— Это наши секретари, — тут же объяснил Кевин.

— Секретари? — Мириам перевела взгляд с Венди на Диану. Первая была в светло-голубом брючном костюме, с вырезом на спине: причем вырез был настолько глубок, что спина обнажилась аж до верхней части ягодиц. Диана была в чем-то черном, обтягивающе-трикотажном, больше напоминающем купальник, и джинсах. Грудь без лифчика вызывающе проступала под тонкой тканью.

— Неудивительно, что ты так торопишься каждое утро на работу, — заметила Мириам. Кевин ответил лукавой улыбкой.

Впрочем, здесь и кроме секретарей хватало полуголых женщин, окруженных мужчинами в кос-

тюмах и модных куртках. Между ними сновали официанты в черных фраках и официантки в белых блузках с подносами горячих деликатесов, закусок, коктейлей, бокалов с шампанским.

Диана откинулась на кушетке, и двое мужчин стали кормить ее виноградом, дразня всякий раз — поднося гроздь к губам, а потом убирая. Наконец она поймала ртом пальцы одного из них, вместе с виноградной кистью. Слева раздался взрыв женского смеха: обернувшись, Кевин увидел, что их отнесло к танцующим. Мужчины и женщины извивались и тряслись, словно испытывая оргазм. В самом центре комнаты пышная рыжеволосая женщина босиком, в чем-то более всего похожем на комбинацию, плывущей походкой продвигалась к бару. Все, включая женщин, оглядывались на нее. В ярком свете грудь ее практически просвечивала наружу — она с таким же успехом может ходить «топлесс», подумалось Кевину. Странная особа присоединилась к двум мужчинам за стойкой бара, которые тут же прилипли к ней точно намагниченные.

Кажется, они с Мириам попали на какую-то древнеримскую оргию, перенесенную в наши дни. Он был возбужден, очарован и смущен одновременно. Теперь ему стало понятно, отчего коллеги так бурно радовались вечеринке в пентхаузе — когда еще предоставится случай оторваться по полной программе — так, как у мистера Милтона!

На заднем плане у самых окон стоял мистер Милтон с партнерами, каждый держал бокал шампанского. На Милтоне было нечто вроде алого смокинга и брюки такого же оттенка. Едва увидев Кевина и Мириам в дверях лифта, он сказал что-то Полу Сколфилду. Тот сделал знак диджею за пультом, и музыка мгновенно смолкла.

Все притихли. Мистер Милтон выступил вперед.

— Леди и джентльмены, позвольте вам представить нашего нового партнера и его жену, Кевин и Мириам Тейлор.

Зал взорвался аплодисментами. Кевин смущенно посмотрел на Мириам и увидел, что она просияла. Глаза ее возбужденно сверкали. Он никогда еще не видел ее такой. Она взволнованно сжала его руку.

— Благодарю вас, — отозвался Кевин, кланяясь, точно именинник, принимающий поздравления.

Мистер Милтон направился к ним, и музыка снова наполнила зал. Все вернулись к своим развлечениям. Мириам огляделась в поисках Нормы и Джин и увидела, что те машут ей с дальнего конца танцпола. В углу одиноко маячила Хелен Сколфилд с бокалом белого вина. Она сидела так неподвижно, что напоминала одну из гипсовых статуй.

— Добро пожаловать, — приветствовал их мистер Милтон.

— Мириам, разреши наконец представить тебе нашего благодетеля мистера Милтона.

Джон Милтон принял протянутую руку Мириам и прикрыл второй ладонью. Он улыбался.

Мириам зарделась.

— Спасибо вам за все. Я так хотела с вами встретиться, что теперь растерялась и не могу найти слов. Все о вас только и говорят.

— Надеюсь, говорят хорошее. — Он шутливо кинул хмурый взгляд на Кевина.

Кевин торжественно поднял руку, словно присягая на суде:

— «Правду — и ничего, кроме правды».

Джон Милтон рассмеялся.

— А теперь позвольте предложить вам выпить — и сейчас я вас кое-с кем познакомлю. Связи и знакомства в наше время — первое дело.

— А вскоре после этого, — немного погодя продолжал он, по-прежнему не выпуская руки Мириам, — посмотрим, не согласится ли Мириам сыграть нам что-нибудь.

— Ах, это они вам, наверное, проговорились. — Мириам погрозила подружкам пальцем. Те довольно заулыбались.

— Они здесь ни при чем. Ваша репутация опережает ваше появление.

Мириам ответила сдержанным смехом.

— Пожалуй, в самом деле неплохо бы промочить горло, — заметила она.

И мистер Милтон, выпустив ее руку, величественным жестом остановил официанта с коктейлями.

На Кевина произвел впечатление круг профессионалов, приглашенных мистером Милтоном на вечеринку. Здесь были и адвокаты из других фирм, о которых Кевину доводилось слышать еще в колледже, когда студенты-юристы обсуждали перспективы работы. Их с Мириам представили двум медицинским светилам-кардиологам. Он узнал довольно известного актера с Бродвея, исполнителя комических ролей. Они встретились с обозревателем из «Нью-Йорк Пост» и попутно познакомились с помощником прокурора Бобом Маккензи.

— Бобу нравится время от времени посещать лагерь противника, — заметил мистер Милтон и далее продолжал шутливо-серьезным тоном: — Особенно, когда появляется новая звезда.

— Пока еще не звезда, — обронил Кевин, пожимая длинную руку Маккензи, которую тот протянул ему как-то издалека. Помощник прокурора чем-то напоминал Линкольна, при двухметровом росте и худощавости — довольно крепкого телосложения, что можно было оце-

нить по силе рукопожатия. У него было узкое желчное лицо с заостренными чертами и глубоко посаженными глазами, в которых застыла печаль.

— Проблема в том, — посоветовал Маккензи, — что все, кто работает на мистера Милтона, рано или поздно становятся звездами первой величины. И оттого работать в прокуратуре становится все сложнее.

— Ладно, ладно, Боб, — рассмеялся Джон Милтон, — мы не усложняем вам работу, а только заставляем напрягаться, чтобы вы тоже всегда оставались на высоте. Так что вы еще должны благодарить нас.

— Только прислушайтесь к этой железной логике, — покачал головой Маккензи. — Теперь вам понятно, отчего этого человека и его адвокатов так боятся в суде? Приятно было познакомиться, Кевин. Насколько я понял, дело Ротберга поручено вам?

— Да.

— Как говорится, до встречи в суде. — Маккензи кивнул Мириам и направился беседовать с другими гостями.

— Серьезный парень, — отметил Кевин. — Он когда-нибудь улыбается?

— Вообще-то, ему не до шуток, особенно в последнее время, — ответил Джон Милтон, и в глазах его что-то замерцало. — А теперь давайте я

покажу вам другие помещения пентхауза... — и взял Мириам под руку. Он повел их куда-то влево, через дверь, выходившую в коридор, где оказались три гостевые спальни, кабинет, три ванны и спальня самого Джона Милтона.

Все комнаты были огромными. Роскошные ванны выложены кафельной плиткой, в каждой по джакузи, как и описывали коллеги.

— Не по душе мне эта казенная обстановка, — признался Джон Милтон, пока они проходили по коридору, — но нет сил на переделку.

— Ах, что вы, здесь просто прекрасно! — воскликнула Мириам в искреннем порыве, после посещения одной из ванн комнат.

Джон Милтон на миг остановил на ней взгляд и затем подмигнул Кевину:

— Потом, если захотите, приходите сюда в любое время. У всех помещений вход через коридор, так что никто никому не мешает, не стесняйтесь.

Когда они дошли до спальни хозяина и, в свою очередь, осмотрели и ее, до Кевина дошло, отчего Пол и остальные беспрерывно твердили о роскоши и гедонизме пентхауза. Монументальная дубовая кровать посреди комнаты напоминала постель Генриха VIII, который мог бы здесь спать со всеми женами одновременно. Над постелью возвышался балдахин на резных столбах, покрытых мифологическими фигурами единорогов, сатиров

и циклопов. Кевину вспомнилась мебель в кабинете Джона Милтона. Возможно, она изготавливалась в той же мастерской.

Покрывало и исполинских размеров подушки были выполнены в белых и алых тонах, в тон остальному декору: шторам, абажурам торшеров и белым обоям с закрученными алыми спиралями, точно взрывы сверхновых звезд. Такой же белый пушистый ковер, как в гостиной, устилал пол.

Над кроватью был зеркальный потолок. Взглянув туда, они увидели свои расплывающиеся фигуры. Вогнуто-выпуклые зеркала, подумалось Кевину, могли создавать интересный эротический эффект при постельных сценах.

— Видимо, красный — ваш любимый цвет, — сказал он, заметив, как Джон Милтон понимающе улыбается его задумчивости.

— Да, мне нравятся резкие чистые цвета — красный, белый, угольно-черный. Я люблю ясность и определенность во всем. Терпеть не могу, когда люди не могут выбрать: белое или черное, добро или зло. Жизнь становится намного проще, когда мы занимаем в ней определенную позицию, не правда ли? — спросил он, на сей раз обращаясь к Мириам.

— Что? Ах да, конечно, — поторопилась ответить она, возможно, даже не расслышав вопроса. Сейчас она больше была увлечена осмотром

обстановки. Ее интересовали мебель, спальные шкафчики, тумбочки, резьба, узоры и, конечно грандиозная кровать.

В стену напротив кровати был вмонтирован гигантский телевизионный экран.

— Ну, пожалуй, я и так уже достаточно оторвал вас от праздника. Пойдем, повеселимся? — С этими словами Милтон выключил свет и они вернулись в круг друзей.

Кевин с Мириам были в восторге от вечеринок. Всюду велись оживленные и увлекательные дискуссии. Обсуждали новые шоу на Бродвее и за его пределами. Кевин вступил в жаркую политическую дискуссию с какими-то адвокатами и государственным верховным судьей. Потом они с Мириам присоединились к танцующим, сначала парой, потом меняя партнеров, преимущественно соседей по этажу.

Хелен Сколфилд за все это время так и не сдвинулась с места. И всякий раз, когда Кевин бросал взор в ее сторону, он встречал ее взгляд. Казалось, она не отрываясь смотрит на него. Наконец, он подошел к ней. Пол был рядом с мистером Милтоном, оба пристально смотрели в его сторону. Очевидно, беспокоятся за Хелен, подумал Кевин.

— По вам не скажешь, что вы хорошо проводите время. Может, принести вам чего-нибудь выпить-закусить? — предложил Кевин.

— Спасибо, не надо.

— Разрешите в таком случае пригласить на танец.

— И за это спасибо, но этого тоже не надо. Благодарю за заботу, но побеспокойтесь лучше о себе и своей жене, — сказала она, без тени сарказма и злобы.

— Простите?

— А вы хорошо проводите время, Кевин Тейлор?

Он рассмеялся:

— Называйте меня просто Кевин. Да, пожалуй. Вечеринка, на мой взгляд, удалась.

— Это лишь начало. Настоящая вечеринка еще даже не начиналась.

— Да? — оглянулся он. Она подняла глаза, пронзив его, как тогда, у лифта, отрешенным взором. Ему стало неловко. — Скажите... а здесь есть ваши картины?

— Да, но это ранние. Я рисовала их по заказу хозяина. Ту картину, которую я принесла вам, он бы здесь не повесил. Кстати, вы еще не спрятали ее куда-нибудь в чулан?

— Ну что вы. Приходите, убедитесь сами.

— Посматривайте на нее, хотя бы время от времени, Кевин Тейлор. Это ваша единственная надежда, — торопливо сказала она, увидев приближающегося Пола.

— Хелен, как ты себя чувствуешь, дорогая?

— Я устала, Пол. Если ты не возражаешь, я уйду?

Пол инстинктивно взглянул в сторону мистера Милтона.

— Ему все равно, — быстро добавила она. — У него сейчас другие дела. — И снова со значением посмотрела на Кевина.

Кевин перевел смущенный взгляд на Пола, но тот лишь покачал головой.

— Никаких проблем, дорогая. Спускайся и ступай домой. Я немного задержусь.

— Не больше, чем обычно задерживаешься, — сухо обронила она и встала. — Доброй ночи, Кевин Тейлор, — сказала Хелен и направилась к лифту. Но через пару шагов остановилась и, склонив голову набок, произнесла: — Вам ведь все это нравится, не так ли?

Кевин с улыбкой развел руками.

— Разве здесь может не нравиться?

Она кивнула, как бы в подтверждение собственных мыслей:

— Он умеет выбирать.

— Иди, Хелен, — оборвал ее Пол. Хелен покорно повернулась и пошла к лифту. — Простите, — сквозь зубы пробормотал Пол, поглядывая на нее. — Я думал, на вечеринке она немного придет в чувство, но получилось только хуже. У нее сильная депрессия. Она приняла то, что ей

прописал доктор, но не помогло. Придется поговорить с ним завтра.

— Плохо дело. Может быть, мы с Мириам можем чем-нибудь помочь?

— Спасибо, — вздохнул Пол. — Развлекайтесь, ребята. Не заражайтесь чужим унынием. Зайдем в кабинет мистера Милтона? Тед в Дейвом уже там. — Пол проследил за женой глазами и утвердительно кивнул, когда она зашла в кабину. Она стояла там точно статуя, с загадочной улыбкой Мона Лизы, пока закрывались двери.

Кевин отыскал глазами Мириам. Она под руку с мистером Милтоном шла к танцполу. Он подождал, пока они начнут.

— Только посмотри на босса. Отсюда он кажется на два десятка лет моложе.

— Да, — напряжение спало с лица Пола, наконец на нем появилась более-менее естественная улыбка. — Парень что надо. Ну, пойдем?

Пол повел его через гостиную. Перед самым коридором он оглянулся. Мириам извивалась, пританцовывая на сцене настолько вызывающе, что его посетило недоумение: что с ней творится? Такой он ее еще никогда не видел на публике.

— Ну, пошли, что ли? — снова позвал Пол, и Кевин пошел за ним по коридору в рабочий кабинет, где уже дожидались новые друзья.

По улыбкам на их лицах он понял, что встреча была не случайной и не носила спонтанный характер. После того как Тед налил ему бокал шампанского — второй за вечер, на этот раз «Дом Периньон», Дейв прокашлялся, начиная.

— Мы хотели уединиться, чтобы провести несколько минут с глазу на глаз. С тобой, Кевин. — Он поднял свой бокал. — Но сперва о главном. — Мы, трое, рады приветствовать нового члена семьи. Семьи юристов. Надеемся, что его таланты, сообразительность и знания расцветут в полную силу в предстоящих судебных сражениях.

— За здоровье, за здоровье, — загомонили Тед с Полом.

— За Кевина, — договорил Дейв.

— За Кевина, — присоединились остальные и выпили до дна.

— Спасибо, ребята. Хочу выразить признательность вам лично и вашим женам, за то, что вы так помогаете нам с Мириам. Я и правда ничего другого не желаю, как стать частью вашей семьи. Единственное, чего я опасаюсь, — это не оправдать ваших ожиданий.

— Не сомневайся, приятель, справишься, — сказал Пол.

— Мы все начинали с этого чувства, — поддержал Тед. — Ты удивишься, до чего быстро оно проходит.

Они расселись. Дейв стал рассказывать новый анекдот. По его завершении их смех раскатился до конца коридора. Снова было разлито шампанское, наступил черед новых анекдотов. Кевин уже утратил ощущение времени, когда все вдруг замолчали: из гостиной донеслись звуки рояля.

— Должно быть, твоя жена, — заметил Дейв. — Мы уже наслышаны о ее музыкальных талантах.

Все тут же вскочили и присоединились к публике, обступившей инструмент в гостиной. Слева от Мириам стоял Милтон, положив руку на крышку рояля и поглядывая на присутствующих с такой гордостью, будто Мириам была его дочерью или даже... его женой.

Кевин протиснулся поближе. Пальцы Мириам порхали над клавишами с невиданной легкостью и проворством. Так она еще никогда не играла, Кевин был тому свидетелем. Выражение ее лица было серьезным, осанка прямой, движения уверенными. Никаких колебаний, напряженности, сомнений. Она выглядела профессиональной пианисткой.

И музыка. Она была чудесна. Кевин не узнавал этой пьесы — неужели она приготовила сюрприз, разучила ее специально для этого случая, если ее попросят сыграть в гостях? Вот только вид у нее был не такой, словно ее долго уговаривали. Скорее, она походила на концертирующую

пианистку. Обводя взором толпу, он везде встречал восхищение и благоговение. Люди переглядывались, делая большие глаза. Словно Мириам была очередной «находкой» мистера Милтона.

Странно, подумал Кевин. Он ощутил раскаяние, что как-то незаметно перебрал шампанского. Уже потеряв счет бокалам, он тем не менее посматривал на играющий в его руке напиток с neodолжимым желанием выпить. У него на глазах розоватый напиток наливался кровью.

Он заметил, что на него поглядывает Диана, и слабо улыбнулся в ответ. Она кивнула на Мириам и подняла брови. Гостиная внезапно закружилась. Он схватился за высокую спинку кресла. Зажмурившись, Кевин потряс головой, отгоняя хмель. Однако стоило ему открыть их, как ноги стали отрываться от пола, который полплыл куда-то в сторону. Зажмурившись, он снова затряс головой. Когда он открыл глаза, Диана стояла рядом.

— С вами все в порядке? — шепотом спросила она.

— Голова немного кружится. Всею виной шампанское, полагаю.

— Все в порядке. Никто не обращает на вас внимания. Всем вскружила голову Мириам. Обопритесь на меня, я помогу добраться до кабинета.

— Да, в самом деле.

Он послушно оперся на нее и дал себя отвести, стараясь не открывать глаз, потому что всякий раз при этом все начинало вращаться. Она усадила его на кожаный диван и вскоре вернулась с мокрым полотенцем. Подложив руку под голову, он попытался открыть глаза. Потолок закрутился как в водовороте, и появилось жуткое чувство, будто он падает туда, так что заново пришлось зажмуриться, пока на лоб не легло холодное полотенце.

— Через несколько минут придете в себя, — сказала Диана.

— Спасибо.

— Хотите, чтобы я осталась с вами?

— Нет, все в порядке. Только немного отдохну. Когда Мириам закончит играть, скажите ей, где я, и что со мной все в порядке, пусть не волнуется.

— Обязательно.

— Спасибо, — выдохнул он, опуская веки. Через несколько секунд он уснул. Он понятия не имел, сколько времени проспал и когда проснулся, поначалу не мог сообразить, где он и что происходит. Он растер лицо ладонями и осмотрелся. Чей это кабинет? Тут память наконец вернулась к нему, и он поразился тишине вокруг. Звуки музыки, шум вечеринки — все исчезло.

Кевин встал на подгибающихся ногах, но вскоре ему удалось обрести равновесие. Он добрал до

двери и выглянул в коридор. Здесь горел яркий свет, в гостиной же царил полумрак. Фонтан по-прежнему работал, но с выключенной подсветкой. Какая-то лампочка одиноко горела в баре. Шторы на высоких окнах были плотно задернуты. Пульт диджея больше не светился многоцветными лампочками, да и сам он исчез, растворился как негр в ночи. В гостиную пробивался свет из распахнутого лифта.

— Что за черт...

Он яростно потер лицо, будто это могло вернуть все на свои места. Тщетно. Все осталось прежним.

— Эй, есть тут кто-нибудь? — позвал он. Голос его одиноко блуждал в огромной комнате. — Мистер Милтон?

Он повернулся и посмотрел в длинный коридор:

— Мириам?

Ни звука — кроме журчания фонтана.

«Но Мириам не могла уйти без меня. Это какое-то безумие. Куда все подевались? Может, это розыгрыш — и сейчас все спрятались где-нибудь и давятся от смеха, решив подшутить над перебравшим шампанского?»

Иных объяснений просто не приходило на ум.

Посмеиваясь, он тряхнул головой и пошел в глубь коридора. Вот мерзавцы — решили его разыграть! Хватаясь руками за стенки, он ждал, что

вот-вот откуда-нибудь выскочат Дейв или Тед. Но, заглянув за первую дверь, он встретил там непроницаемую темень. То же самое поджидало его за дверьми второй и третьей спален и всех ваннных комнат. Кабинет он даже не стал проверять, поскольку помнил, что вышел оттуда.

Остановившись перед дверью спальни мистера Милтона, он прислушался. Тихо. Он постучал в дверь и выждал.

— Мистер Милтон?

Ответа не последовало. Может, постучать громче?

«Должно быть, он спит. Вечеринка закончилась, гости разошлись, и он лег в постель. Мириам ушла домой одна. Может, рассердилась на то, что он так опозорился в гостях? Диана ей все передала. Наверное, она приходила, но не смогла растормошить меня и не знала, что делать. Мистер Милтон посоветовал оставить меня отоспаться. Как только я проснусь, заверил он ее, он тут же меня выпустит. Вот такое, вполне разумное объяснение. Что еще могло случиться?»

Еще раз прильнув ухом к двери спальни, откуда не доносилось ни звука, он отправился в обратный путь к лифту.

— Что за ночь, — простонал он, нажимая кнопку, и двери лифта закрылись.

Двери открылись в пустой коридор. Он топорливо направился к дверям своей квартиры,

роясь в кармане в поисках ключа. Странно: свет был повсюду выключен. Она его не ждала? Черт, наверное, сердится. Первый раз, насколько он себя помнит, так нализался. Он прошел прихожую и остановился возле закрытой спальни. Снизу пробивался свет. Значит, она оставила ему лампу, рассчитывая, что он вернется. Но, уже потянувшись к ручке двери, он замер: из спальни донеслись приглушенные стоны. Он прислушался. Стон становился громче. Это был эротический стон, и он вонзился в него точно ледяной меч. Он схватился за дверную ручку, но в тот момент, когда он коснулся ее, пальцы окоченели. Ручка обожгла кончики пальцев, словно кусок сухого льда. Он попытался отдернуть руку, но кожа прилипла к металлу. Пальцы больше не подчинялись ему. Они повернули рукоять, и рука сама отворяла дверь, медленно, дюйм за дюймом, пока перед ним не предстала ужасная картина.

Два голых тела на кровати. Затылок мужчины казался жутко знакомым. Он шагнул в комнату. Это Мириам? Он приблизился к изножью. Тело мужчины остановилось, его толчки замерли. Женщина под ним сдвинулась вправо и приподнялась, так что он мог разглядеть ее лицо. Это была Мириам!

— Нет! — кричал он.

Мужчина оторвал от нее губы, но замер в прежнем положении, не сводя с нее взгляда. Ми-

риам изогнулась, привлекая его к себе и дотягиваясь до его губ. Еще миг — и они снова ритмично задвигались, Мириам постанывала, пальцы ее вцепились в его ягодицы, толкая его в себя, требуя страстных, глубоких толчков. Она обвила ногами его поясницу. Кровать под ними сотрясалась от этой ликующей любовной сцены, и пружины матраца скрипели.

— Нет! — завопил Кевин.

Он бросился вперед, хватая мужчину за плечи, пытаясь оттащить его. Но тот словно приклеился к ней, их было не расцепить. Кевин бил его кулаками по спине, вкладывая в каждый удар всю силу, но мужчина словно ничего не чувствовал. Он продолжал ритмично дергаться над телом Мириам. Кевин схватил его за поясницу, но тут его руки словно приклеились — он оттягивал мужчину назад, а тот совершал очередное неукротимое движение вперед, так что Кевин как будто помогал им, и уже входил в ритм, сливаясь и становясь частью этого процесса. Он пытался вырваться, но руки его были словно зажаты в клещи. Стоны Мириам становились все громче. Она достигла оргазма и закричала.

— Мириам! — И тут его руки освободились.

В полном отчаянии он схватил мужчину за волосы и рванул на себя, чуть не вырывая их с корнями. Наконец мужчина оторвался от тела Мириам и стал медленно поворачиваться к нему.

Кевин ослабил хватку и занес кулак, целясь в лицо. Но когда человек повернулся полностью, кулак его разжался, и Кевин схватился за голову, будто хотел раздавить ее.

— Нет! — прокричал он в третий раз. — Этого не может быть!

Он смотрел на самого себя! И это потрясение отправило его обратно, в глубокую черную пропасть забвения.

— Нет! — простонал Кевин, вскидываясь в крошечной тьме.

— Кевин? — Мириам перегнулась через него, включая ночник на тумбочке. Кевин заворочался в постели, на лице его были страх и смущение.

— Что такое? Где... — взгляд его остановился на Мириам, которая оперлась на подушку и смотрела на него с изумлением.

— Мм... как же я попал в постель? Где же... — Он стал озираться в поисках... В поисках кого? Самого себя?

Мириам встряхнула головой, усаживаясь к кровати.

— Где — кто?

Он уставился на нее. Она казалась искренне озадаченной.

— Как я попал в постель?

— Кевин Тейлор, ты что, ничего не помнишь?

— Я... — Он судорожно вздохнул и потер глаза ладонями. — Последнее, что я помню, как я сидел в кабинете, а когда очнулся, все исчезли. Тогда я спустился на наш этаж и...

— Ты никуда не спускался. Это тебя спустили.

— Меня?

— Ребята нашли тебя в стельку пьяного на полу в кабинете мистера Милтона. Ты что-то лепетал, ни слова было не разобрать. Они вынесли тебя оттуда и притащили домой, как ребенка. Пол Сколфилд подошел ко мне, когда я отыграла еще один этюд, и сказал, где ты и что с тобой. Он сказал, что ты отключился, так что я спешить не стала. Я оставалась на вечеринке, пока гости не стали расходиться. Тогда я пожелала мистеру Милтону спокойной ночи и поехала домой. Не успела я лечь в постель, как ты очнулся, и мы...

— Что?

— Занимались любовью. Ты был просто чудо, такого у нас еще не было. И ты хочешь сказать, что был настолько пьян, что даже не помнишь, что делал? Ты хоть что-нибудь помнишь?

— Мы — занимались любовью? — Тут до него дошло сказанное. Он пытался как-то соотнести то, что утверждает она, и то, что думает он по этому поводу. — Значит, это был только сон. — Он облегченно рассмеялся. — Так это был только сон, — повторил он.

— Какой еще сон? Что значит — просто сон?

— Да так, ерунда. Я... о, прости, Мириам, мне очень жаль. Наверное, я не рассчитал и перебрал с выпивкой. Я даже не помню, сколько влил в себя. Так я пропустил остальную часть вечеринки?

— Да все в порядке. Никто ничего не заметил. Ребята вынесли тебя на руках.

— А мистер Милтон?

— Никаких проблем. Он, в самом деле, любит тебя. Я чудесно провела время, помнишь ты об этом или нет... — она сделала многозначительную паузу. — Может, тебе просто нужно пить почаще, чтобы привыкнуть, — высказала она предположение.

На миг он задумался. Значит, он не может вспомнить, как спал с собственной женой?

— ...Я был на высоте?

— Все, что я могу сказать, — это то, что ты ко мне еще никогда так не прикасался. Как будто бы ты...

— Как будто бы я — что? — Он увидел, как она краснеет при одном воспоминании. — Продолжай, рассказывай.

— Ты как будто рос и рос во мне, пока я целиком не наполнилась тобой. Если уж и сегодня ночью мы не сделали ребенка, то не знаю, когда у нас это получится. — Склонившись, она нежно поцеловала его в губы. — Прости, если я вела себя... немного дико, — шепнула она. Одеяло сползло с ее обнаженной груди.

— Дико?

— По-моему, я слишком сильно впиалась в тебя ногтями. Наверное, поцарапала — но ничего не поделаешь, это цена, которую приходится

платить за страстность. Не надо было налетать на меня таким... таким зверем. — Она запечатала его рот поцелуем и проникла языком в рот так, что он чуть не задохнулся. — Я этого никогда не забуду, — прошептала она после поцелуя. — Даже если ты уже забыл.

— Нет, я просто... Я еще ни разу не напивался до такой степени, чтобы не помнить, где был и что делал. А уж тем более забыть, как занимался с тобой любовью. Прости. Давай забудем об этом.

— Ты самый лучший, — выдохнула она, откидываясь на подушки. Она улыбалась, разглядывая его, и воспоминания ночи возвращались к нему. Он отогнал их, помотав головой.

— Что такое? — ласково спросила она.

— Голова немного кружится. Пожалуй, схожу, сполоснусь холодной водой. Вау, что за ночь!

Он выбрался из постели и отправился в ванную. Там, посмотрев в зеркало, увидел свои налившиеся кровью глаза. Он ополоснул лицо холодной водой и отлил в унитаз. Перед тем как покинуть санузел, он оглянулся и посмотрел в зеркало на свои ягодицы. Там не было ни единой царапины. Никаких «следов страсти».

«Расцарапала меня? — он недоуменно пожал плечами. — Вероятно, она была в таком возбуждении, что просто ничего не помнит. Я был пьян, она — перевозбуждена. Слава богу, мне всего лишь привиделся кошмар. Жаль, правда, что

провел такой бурный секс в бессознательном состоянии. Судя по тому, что она рассказывает, это были незабываемые ощущения. Я был на высоте. Надо же».

Кевин довольно рассмеялся и отправился в постель. Мириам обняла его, и они занялись тем же, чем занимались, судя по ее словам, первую половину ночи, но в этот раз по окончании Мириам казалась разочарованной.

— Что-то не так? Я не на высоте, как прежде?

— Наверное, ты устал, — вздохнула она. — Но вообще ничего, — добавила она, заметив его выражение лица. — Правда, совсем не похоже на то, что было в первый раз. Но, думаю, у нас все будет.

— Слушай, я больше не хочу так напиваться. Даже не думай.

Она посмотрела на него как-то подозрительно:

— А когда это ты ушел с вечеринки в кабинет?

— Ты была за роялем. Ты играла... просто волшебю. Никогда не слышал, чтобы ты так играла, Мириам. К тому же мелодия была чудная. Когда ты успела разучить ее?

— Я ничего нового не играла, Кевин. Этот этюд я всегда и играю.

— В самом деле? Забавно. Не могу припомнить такой мелодии. — Он потряс головой.

— Видимо, шампанское так вскружило тебе голову, что ты уже не помнишь, что я играла, — саркастически заметила Мириам.

— Прости. Просто я... Я думаю мне нужно поспать.

— Неплохая мысль, Кевин.

С этими словами она повернулась на бок, спиной к нему.

Он лежал на спине и думал. Как такое возможно — заниматься любовью на пике своих возможностей и потом забыть все начисто? Бессмыслица какая-то.

«Если только тот кошмар не был явью», — обожгла его мысль. Но как такое могло быть? Два Кевина взаимоисключают друг друга... Где же он был на самом деле? Это что, раздвоение личности? Устав от этих размышлений, он закрыл глаза и провалился в сон.

Утром были звонки от Теда и Дейва. Они осведомлялись, как он пришел в себя, и спрашивали о самочувствии. Пол даже зашел, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

— Должен поблагодарить вас, ребята. Если бы не вы, — отозвался признательный Кевин. — Только вот я не помню ни черта, после того как отключился.

— Ну, ты вообще-то редко открывал глаза, когда мы тебя грузили в лифт и волокли по лестничной площадке, так что с памятью у тебя должны быть серьезные проблемы. — Пол хитро подмигнул Мириам. — Но как ты вчера играла...

— Спасибо, — отозвалась она и посмотрела на Кевина с таким самодовольством и гордостью, что у него поползли вверх брови.

Оставшаяся часть выходных прошла прекрасно. В субботу все три супружеские пары и одинокий Пол отправились на бродвейское шоу. Благодаря связям мистера Милтона они достали билеты на престижные места в передних рядах. Пол вскоре отпросился, сказав, что Хелен надо свозить к доктору. Он обещал присоединиться к обеду, если получится, но так и не появился. Позже он рассказал, что Хелен так и не удалось расшевелить, и он пробыл с ней весь день дома, потому что не хотел оставлять ее в одиночестве.

В воскресенье все собрались в пентхаузе смотреть футбол. Появился Пол, но без Хелен, оставшейся в апартаментах. Она продолжала отдыхать от вечеринки. Он сказал, что ей выписали новые, более сильные транквилизаторы.

— Придется нанять ей сиделку, — обреченно сказал Пол. — По счастью, сиделка Ричарда Джеффи, мисс Лончем свободна. Так что не удивляйтесь, если скоро увидите ее у нас на лестнице. Если не наступит улучшений в ближайшее время, — предупредил он всех, — придется отправить ее в санаторий.

— Ты делаешь для нее все возможное, Пол, — заверил его мистер Милтон и отвел в сторону для разговора. Норма с Джин принесли горячего

маслянистого попкорна, приготовленного на кухне мистера Милтона, и всеобщее внимание обратилось к игре.

На следующей неделе работы в фирме был непочатый край. Дело Пола пошло в суд, а Дейв с Тедом взяли новых клиентов. Дейв защищал сына доктора, который, как утверждало обвинение, таскал наркотики у отца и торговал ими в колледже. Теду достался рутинный грабеж со взломом: взломщик оказался старым клиентом фирмы, вышедшим сухим из воды на прошлом процессе. Теперь у Дейва была лишь неделя на то, чтобы договориться на четверть срока, которые получит клиент, когда дело попадет в суд.

Дело Пола также развивалось согласно плану. Решимость окружного прокурора доказать во что бы то ни стало вину Филипа Галана в убийстве младшего брата оказалось стратегической оплошностью. Несмотря на отсутствие раскаяния со стороны малолетнего убийцы, Полу удалось привлечь к делу психиатров-экспертов, подтвердивших возрастные и индивидуальные расстройства его психики. Как и предполагал Пол, ему удалось доказать, что большая часть вины лежит на родителях. В результате Филип был отправлен на принудительное лечение в психиатрическую клинику.

В четверг у Кевина была встреча с Беверли Морган, сиделкой Максин Ротберг. Она уволи-

лась сразу после смерти подопечной и проживала у своей сестры в Мидлтауне, Нью-Йорк, в небольшом городке в полутора часах езды от Манхэттена. Для поездки Кевин взял лимузин Харона.

Сестра Беверли Морган владела небольшим особнячком на одной из улиц, на окраине. Соседями ее были люди с низким доходом, улочка была узкой, дома старыми и обветшалыми, с прогнувшимися козырьками подъездов и выбоинами на растрескавшемся тротуаре. В пригороде мело куда больше, чем в Нью-Йорке, и улочка утонула в сугробах, не убранных со времени последнего снегопада. Обстановка была, прямо сказать, угнетающая, как будто он вернулся в прошлый век.

Беверли Морган оказалась дома одна. Полная невысокая негритянка, лет под шестьдесят (по документам — пятьдесят два), с копной курчавых черных волос с проседью. Подстрижена она была кое-как, скорее всего, ножницами сестры или местного дилетанта-парикмахера.

Она уставилась на него большими черными маслинами глаз, с яркими голубоватыми белками, — и Кевину стало не по себе. На ней был ярко-зеленый свитер с желтоватым отливом, надетый поверх короткого зеленого халата — перекрашенной униформы сиделки. Еще не ответив на приветствие, она с опаской и любопытством посмотрела на лимузин. Таких машин здесь не видывали. Харон, стоявший у дверцы с водительской стороны, спокойно встретил ее взгляд.

— Так вы адвокат? — переспросила Беверли Морган, по-прежнему глядя в сторону Харона.

— Да, мадам. Кевин Тейлор.

Кивнув, она отступила, впуская его в дом, замешкавшись только для того, чтобы еще раз взглянуть на Харона, захлопнувшего за собой дверцу. Тесная прихожая была устлана протертой ковровой дорожкой, выцветшей и в пятнах. Здесь его встретила потемневшая вешалка с рогами для шляп и крючками для пальто, некогда сделанная из белой сосны, и квадратное метровое зеркало на стене, в раме из того же материала.

— Можете оставить пальто здесь, — сказала Беверли, кивнув на вешалку.

— Спасибо. — Кевин скинул замшевую куртку и вместе с шерстяным пальто пристроил на деревянной рогульке. По всему дому растеклся непередаваемый аромат — где-то жарились цыплята. Рот его наполнился слюной. — Пахнет приятно.

— Гм, — неопределенно сказала она, с каким-то колебанием, и повела его в гостиную, небольшую комнатку с раскаленной угольной печкой. Кевин ослабил узел галстука и огляделся. Мебель была как будто из комиссионного магазина, старомодная и подержанная, диванные подушки протерты на швах. Единственным привлекательным предметом были старинные часы.

— Какие у вас замечательные часы, — заметил он.

— Они мне достались от отца. Я с ними пережила трудные времена, но никогда не расставалась. Присаживайтесь. Хотите чаю?

— Нет, нет, спасибо.

— Ну, тогда давайте к делу. Мне уже приходилось иметь дело с адвокатами, — сказала она, опускаясь в кресло цвета кофе с молоком, стоявшее как раз напротив дивана. Здесь все было расставлено так, чтобы не приходилось далеко ходить. Закинув ногу на ногу, она усмехнулась со значением, давая понять, что опыт общения с адвокатами был не из приятных.

— Это дело крайней важности.

— Еще бы, как все у богатых людей.

Кевин попытался улыбнуться. Он заметил бутылку бурбона в нижней части книжной этажерки, и рядом стаканчик. На дне осталось еще немного виски, что говорило о том, что в ожидании его приезда хозяйка неплохо коротала время. Кевин открыл свой «дипломат», извлекая оттуда продолговатый блокнот. Затем достал ручку и изготавился писать.

— Что вы можете рассказать об обстоятельствах смерти миссис Ротберг?

— То же самое, что уже рассказывала окружному прокурору, — монотонно отвечала она. Видимо, расспросы по этому делу уже порядком ей надоели. — Я зашла в комнату и увидела, что она лежит на кровати, как-то странно раскинув руки, —

она никогда так не спала. Сперва я подумала, что у нее был сердечный приступ. Я сразу побежала к телефону, вызвала «скорую», до ее приезда пробовала делать массаж сердца, потом дозванивалась в отель мистери Ротбергу.

— Когда вы последний раз видели ее в сознании?

— Сразу после обеда. Я немного посидела возле нее, потом она сказала, что устала, но попросила не выключать телевизор. Тогда я пошла смотреть телевизор к себе в комнату. Когда я вернулась, она была мертва.

— И в этот день вы дали ей обычную дозу инсулина?

— Само собой.

— Вы уверены, что дали ей точную дозу?

— Еще бы, — твердо сказала негритянка.

— Понятно. — Кевин сделал вид, что записывает что-то в блокнот. На самом деле все, что он там написал, было словосочетание «Глухая оборона». Хотя в ее положении ничего другого не оставалось.

— Давайте прямо к делу, Беверли. Ничего, что я вас так называю?

— Меня так и зовут.

— Да. Так вот, позвольте задать вам прямой вопрос, чтобы я не отнимал ваше время понапрасну.

Она согласно кивнула, но глаза ее подозрительно сощурились.

— Вы знаете, в чем обвиняется мистер Ротберг? Вы видели его в спальне жены, после того как вышли оттуда?

— Нет. Я сразу пошла к себе. Я же сказала.

— Та-ак. — Он сделал паузу и опять зачертил в блокноте. После некоторого колебания он продолжал: — А как насчет коробки с ампулами, найденной в спальне мистера Ротберга? У вас есть какие-нибудь предположения, как она могла туда попасть?

Она покачала головой.

— Беверли, вам, должно быть, известно, что мистер Ротберг встречался с кем-то на стороне.

— Еще бы. Об этом кто только не знал. Такое в секрете не удержишь, работая в отеле.

— И миссис Ротберг тоже знала об этом?

— Само собой.

— Она когда-нибудь говорила с вами об этом?

— Нет. Она же была леди до кончиков ногтей.

Это Беверли сказала с явной гордостью за прежнюю хозяйку.

— Откуда же вы знаете, что ей было известно об измене мужа? — тут же спросил он, невольно переходя на тон и манеры перекрестного допроса.

— Она должна была знать. Ее же навещали, рассказывали новости.

— И вы слышали, как кто-то сообщил ей об измене мужа?

Она колебалась.

— Нет, я не имею в виду, что вы подслушивали, но, постоянно присутствуя рядом...

— Ну да, слышала кое-что.

— Ясно. И точно так же, по чистой случайности, вы услышали разговор, который состоялся между мистером и миссис Ротберг по этому поводу?

— Хотите спросить: поругались ли они? Я не слышала, что именно там между ними разгорелось, но после его ухода она здорово разозлилась.

Кевин многозначительно хмыкнул, задержав на ней взгляд.

— А не скажете, в каком состоянии она была после его ухода? Видимо, в депрессии, в подавленном состоянии?

— Да уж, конечно, радоваться ей было нечего. Она же инвалид, а муженек ходит на сторону. Но, хоть ей и несладко приходилось, эта женщина всегда держала себя в руках и умела сохранять присутствие духа. И такой была до самого конца. Настоящей леди, понимаете? — с неожиданным жаром воскликнула Беверли.

— Да, конечно. — Он откинулся на диванную подушку, чтоб не затекла нога. — Но и вам, Беверли, тоже ведь несладко приходилось в жизни, не так ли? — спросил он самым дружелюбным и располагающим тоном.

— Мне? Что вы имеете в виду?

— Вашу жизнь, вашу семью.

— Ну да, и меня потрепало.

Кевин повел глазами в сторону бутылки с бурбоном.

— Пьете, Беверли?

Она тут же вся подобралась, выпрямилась. Как бывает у алкоголиков, когда их уличают в тайном пороке.

— В отеле вы тоже предавались этой привычке?

— Я иногда выпиваю, для тонуса.

— И сколько раз в течение дня вы... поддерживаете тонус? Должен предупредить вас, об этом известно многим, — он подался вперед, переходя в атаку.

— Это никогда не мешало моей работе, мистер Тейлор. Свою работу я исполняю добросовестно.

— Но, как медсестре, вам должно быть известно, что люди, злоупотребляющие спиртным, не отдают себе отчета, много они пьют или мало, и не оценивают здраво влияние алкоголя на их сознание.

— Я не алкоголичка. И не собираюсь признавать этого. Видно, хотите свалить все на меня, будто я спьяну сделала передозировку.

— Я ознакомился с записями лечащего врача миссис Ротберг. Он весьма критично отзывается о вас, Беверли.

— Он сразу меня невзлюбил. Потому что он был доктором, которого выбрал мистер Ротберг. У матери миссис Ротберг был другой врач, — добавила она.

— Вас назначили делать миссис Ротберг инсулиновые уколы, а он знал, что вы пьете. С чего бы ему к вам хорошо относиться? — парировал Кевин, игнорируя скрытый смысл ее слов.

— Миссис Ротберг умерла не по моей вине.

— Я понимаю. Мистер Ротберг рассказал мне, что у них была размолвка с женой из-за его любовной истории, и она угрожала ему самоубийством, причем устроенным так, чтобы обратить все улики против него. Он считает, что это и есть истинная причина, отчего упаковка с инсулином оказалась в его шкафу. Есть сильное подозрение, что смертельная доза была взята именно из этой коробки. Вы не могли бы вспомнить все, что имеет отношение к этой упаковке, найденной в его спальне?

Она уставилась на него.

— Случайно не вы положили ее туда?

— Нет.

— Но там сохранились ваши отпечатки пальцев.

— В самом деле? Мои отпечатки могли сохраниться где угодно, если уж на то пошло. По всей комнате миссис Ротберг. Слушайте, какого черта я стала бы заходить в спальню к этому уроду? — сказала она срывающимся голосом.

— Ну, может быть, миссис Ротберг вас попросила.

— Ничего она не просила, и никуда я не заходила.

— А вы не видели, чтобы она сама заходила туда... ну, то есть закатывалась на инвалидной коляске?

— Когда?

— Ну, допустим, когда-нибудь.

— Ага, и с упаковкой инсулина на коленях, наверное?

— Это лишь предположение — и только. Так она закатывалась... туда?

— Нет. На коробке тогда бы остались ее отпечатки.

— Она могла надеть резиновые перчатки.

— Что за чушь вы несете, мистер Тейлор. Миссис Ротберг в жизни бы не надела резиновых перчаток. Я же вам говорю: она была леди! И если надевала перчатки, то лишь нитяные.

Кевин улыбнулся про себя. Ну вот, ему уже удалось вывести ее из себя. В сущности, он на верном пути. Психологическая атака прошла успешно, счет в его пользу. Теперь он знает, как расшевелить эту негритянку в зале суда и как добиться от нее нужных ответов. И все же она определенно не глупа, несмотря на неліцеприятную характеристику доктора.

Бeverли Морган скрестила руки на груди и вызывающе на него посмотрела.

— Ладно, ладно, отложим эти вопросы до суда, когда вы ответите на них под присягой.

Жаль было занимать такую позицию в отношении добродушной и, в общем-то, симпатичной женщины. Впрочем, он и сам несколько перегнул палку. Замнем для ясности. С этой мыслью он спрятал блокнот в портфель.

— Когда дело дойдет до суда, вы будете рассматриваться в качестве соучастника преступления.

Немного шантажа тоже не помешает.

— Вы будете рассматриваться как соучастник убийства. Вы это понимаете?

— Я тут ни при чем.

— Но, если вы не знали ее истинных намерений, — сказал он, вставая, — никто не станет ни в чем вас обвинять.

— Я не заносила инсулин Ротбергу, — упрямо повторила Бeverли Морган.

Кевин кивнул.

— Ничего. Есть показания других свидетелей, другие факты, которые будет рассматривать и сравнивать суд.

Он двинулся к выходу. Бeverли засеменила за ним в прихожую и встала там, глядя, как он надевает пальто. Кевин оглянулся.

Вот она перед ним, черная женщина, достигшая осени своей жизни. Она пыталась получить профессию и одна, без мужа, поднять на ноги двух сыновей. Во многом именно эти обстоятельства и вызвали те несчастья, что обрушились на семью. Она запила, но держалась на работе. А потом становилось все хуже, все ужасней. День ото дня все с большим предубеждением смотрела она на окружающий мир и все меньше солнечного света видела. Словно родили ее в светлое утро, а потом все дальше вносили в темный тоннель, где стены сужались. Кевин раскаивался, что выбрал такой тон разговора с этой несчастной женщиной. Безусловно, Ротберг того не стоил, чтобы ради его белых одежд обижать таких людей.

— Должен вам сказать, вы отлично готовите, судя по запаху из вашей кухни.

Окаменевшие черты Бeverли ничуть не смягчились от похвалы. Она лишь настороженно глядела, ожидая очередного подвоха. Глаза ее были исполнены недоверия к нему и прочим судебным крючкотворам. И он не мог винить ее. В последнее время все, что он говорил и делал, затевалось недаром, подчиняясь задуманной цели. С чего же она должна верить в его искренность?

— До свидания и спасибо за все, — сказал Кевин, открывая дверь. Она встала на пороге, глядя,

как он удаляется по тропке в снегу, по узкой полоске тротуара к лимузину. Харон с готовностью выскочил навстречу и распахнул перед ним дверь, затем развернулся и посмотрел в ее сторону. Кевин заметил, как на лице Беверли меняется гамма чувств: от озлобления и недоверия до ужаса и страха. Она поспешно захлопнула дверь, и спустя мгновения они уже были на пути домой.

Как только они достигли города и зоны действия сети, Кевин позвонил по мобильному в офис, узнать, не поступало ли сообщений на его имя. По пути он сообразил, что к моменту его возвращения секретари разойдутся по домам.

— У вас назначена встреча с Трейси Кейсвелл, «подругой» мистера Ротберга, завтра в два, — сообщила его Венди. — В остальном затишье.

— Ладно, тогда я сразу домой.

— Да, чуть не забыла, мистер Милтон хотел с вами поговорить. Минутку.

Кевин надеялся, что беседу с Джоном Милтоном можно отложить до завтра. После разговора с Беверли Морган он находился в подавленном состоянии и не был готов к разговору с шефом. Хотя ему не в чем было упрекнуть себя, но в присутствии мистера Милтона пораженческие раз-

говоры были недопустимы: все в этом человеке настраивало на успех.

— Кевин?

— Да, сэр.

— Как продвигается дело?

— Туго, — откликнулся Кевин. Хотя он знал, что Харон не мог слышать их разговор, он увидел, что водитель при этих словах посмотрел на него в зеркале заднего обзора.

— В чем сложности?

— Она терпеть не может Ротберга, считает его эгоистом и не может объяснить, как инсулин оказался в шкафу. Я спросил, не стала ли она невольной свидетельницей ссоры между супругами, описывая все в точности, как рассказал Ротберг, но она уперлась. Это было однозначное «нет».

— Понятно. Что ж, не расстраивайтесь. Обсудим завтра, посмотрим, что тут можно сделать. Забудьте на время обо всем. Расслабляйтесь с вашей чудесной женой.

— Спасибо вам. Простите.

— Тут не за что извиняться, Кевин. Все будет в порядке. Я уверен.

— Хорошо. До свидания.

Он отключил аппарат, перевел его в режим интеркома и велел Харону ехать напрямик домой. Шофер ответил едва заметным кивком. Кевин вспомнил, как Мириам показалось забавным,

что Харон едва улыбнулся, когда она спрашивала его о золотом ключе от лифта. Ему была вполне понятна такая реакция, ведь этот человек был практически нем. Он редко с кем перебрасывался словом, никогда не задавал вопросов, и, когда ему говорили, куда нужно подъехать и где забрать сотрудников, казалось, что ему уже заранее было об этом известно. Стекло между кабиной и задними сиденьями было постоянно поднято. Все переговоры между ним и пассажирами велись через интерком.

Харон интересовал Кевина, мысли его все время возвращались к этому молчаливому шоферу. Откуда он? Где живет? И давно он работает водителем у мистера Милтона? Судя по всему, вряд ли он всю жизнь провел за баранкой, у него должно быть какое-то иное, таинственное прошлое. Он случайно не бывший работник спецслужб? Интересная интригующая внешность. Должно быть, немало поездил по свету. Но почему о нем никто ничего не рассказывает? Коллеги с таким ажиотажем рассказывали о шефе, но ни разу — о его личном водителе. А ведь Харон, в первую очередь — личный водитель мистера Милтона. Но коллеги просто не обращали на него внимания, как будто его совсем недавно приняли на работу в фирму. Только: «Харон, подбрось нас туда», «Харон, забери нас отсюда». Они редко перебрасывались с ним хотя бы словом, помимо указания маршру-

та. Интересно, у этого человека есть семья? И вообще, женат ли он?

Когда они подъехали к многоэтажке апартаментов и Харон распахнул перед ним дверцу автомобиля, Кевин вышел нарочито неторопливо.

— Ну, Харон, похоже, ваш рабочий день тоже закончился?

— Да, сэр.

— Теперь вернетесь и будете ждать мистера Милтона, чтобы отвезти домой?

— Такая работа.

— Ну, конечно. Живете тоже в городе?

— Я живу здесь, мистер Тейлор.

— Вот в этих апартаментах?

— Да. В гараже.

— Я и не знал. А вы женаты, Харон?

— Нет, сэр.

— Ну да, ну да... я так и знал, что вы не коренной житель Нью-Йорка. А откуда вы родом? У вас хорошее произношение. Так что не угадаешь.

— Я местный, мистер Тейлор.

— Так вы родом из Нью-Йорка?

При этих словах Кевин улыбнулся, давая понять, что в его вопросе нет никакого подвоха, но Харон не дрогнул ни единой чертой лица и не улыбнулся в ответ.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, мистер Тейлор?

«Этот человек не проявляет никаких эмоций. Точно киборг», — подумалось Кевину.

— О нет, Харон. Вы можете ехать, куда вам надо. Приятного вечера.

— И вам, мистер Тейлор.

Он посмотрел, как гигант возвращается в лимузин и уезжает. Затем вошел в вестибюль.

— Как прошел день, мистер Тейлор? — подал голос Филип из-за стойки охраны, под которой у него стоял портативный телевизор, отбрасывавший сизые тени на лицо. Охранник поднялся и вышел ему навстречу.

— День был тяжелый, Филип. Трудно сказать, хороший или плохой, — выяснится впоследствии.

— Вас понял, сэр. — Филип нажал кнопку, вызывая Кевину лифт.

— Давно здесь служите, Филип?

— С тех пор, как мистер Милтон купил этот дом.

— Я тут узнал только что, оказывается, Харон живет в гараже. Понятия не имел, что в этом доме есть подземные квартиры. Вообще-то, Харон не очень разговорчив.

— Он всей душой предан мистеру Милтону. Он обязан ему жизнью, можно сказать.

— В самом деле? — Двери лифта раскрылись. — И как это случилось? Что за история?

— Мистер Милтон защищал его в суде и добился оправдания.

— Да? Мне об этом не рассказывали. В чем же его обвиняли?

— Убийство всех членов семьи, мистер Тейлор. Естественно, он был так подавлен тем, что произошло — погибли все его близкие, — что у него опустились руки. Он уже почти не обращал внимания на то, что с ним происходит. Ему было все равно. Однако мистер Милтон вдохнул в него новую жизнь.

— Понятно.

— Можно сказать, то же самое он сделал для меня.

— Да?

— Меня обвиняли в сделке с дилерами-наркоторговцами. Пытались засадить. Мистер Милтон вытащил меня, доказав, что это была полицейская инсценировка. Да, сэр, вы работаете на потрясающего человека. Это гений! Ну, доброй ночи, мистер Тейлор.

— И вам тоже, Филип, — сказал Кевин, пытаясь в кабину лифта. Улыбку Филипа стерли сдвигающиеся двери.

В странной задумчивости он сначала даже не заметил отсутствия Мириам. Бросив портфель и стряхнув с себя пальто, он проследовал в гостиную, где налил себе виски с содовой. Кажется, у него начали появляться новые привычки. Выпивка после работы становилась чем-то традиционным. Он снова подумал о Беверли Морган.

— Мириам? — позвал он, решив, что она в ванной или на кухне. Однако ни шума воды, ни кухонных приборов слышно не было. Может, она спит или валяется в спальне с журналом?

Кевин обошел квартиру. На террасе тоже пусто. Она даже не оставила записку. Вообще-то ей давно пора находиться дома. Вернувшись в гостиную, он подождал, смакуя алкоголь. Прошло минут двадцать, прежде чем открылась входная дверь и появилась Мириам в синем махровом халате с полотенцем на шее.

— Куда ты запропастилась? — раздраженно поинтересовался он.

— Ой, Кевин, это ты. Я не знала, что ты так рано вернешься. Думала, ты придешь, самое раннее, через час.

— Разговор сорвался, свидетельница ушла в глухую оборону. Так бы я вернулся позже. С чего это ты так вырядилась?

— Я была в пентхаузе... ходила поплавать в джакузи, — ответила она как ни в чем не бывало и прошла в спальню.

— Что? — он вскочил с дивана и поспешил за ней со стаканом в руке. — Ты ходила в джакузи к мистеру Милтону?

— И уже не впервые. Странно, что это тебя так удивляет, — спокойно сказала она, сбрасывая халат, упавший к ногам.

— Нет, это мне удивительно, что тебе такое не кажется странным!

Она стояла перед ним совершенно нагая, с розовой от горячей воды кожей. Она поворачивалась, любуясь собой в зеркале. Завела плечи назад, рассматривая приподнявшуюся грудь.

— Заметно, что я хожу на занятия по аэробике? По-моему, бедра стали стройнее.

— Что значит — не впервые? Ты мне ничего не говорила.

— Разве? — Она повернулась к нему. — Как не говорила? Как это не говорила? — она шаловливо улыбнулась. — Ты просто забыл, потому что перегружен работой.

Голая, она направилась в душ.

— погоди минуту, — он перехватил ее за локоть. Она тут же вскрикнула, будто он пытался выкрутить ей руку.

— Что с тобой происходит? — досадливо бросила она, потирая руку, со слезами в глазах. — Ну вот, теперь опять будет синяк.

— Но я же едва к тебе прикоснулся, Мириам.

— Что за мужланское обращение, Кевин! То ты нежный и романтичный, то ведешь себя совершенно по-хамски. Что за доктор Джекил и мистер Хайд? У тебя раздвоение личности? — Разгневно передернув плечами, она устремилась в ванную. Он последовал за ней.

— И все же, когда ты мне говорила, что ходишь в пентхауз?

— Не в пентхауз, а в джакузи, — подчеркнула она, включая горячую воду.

— Пусть будет так. Но когда?

— Позавчера утром, — ответила она, открывая холодный кран и регулируя температуру душа.

— Что-то ты в последнее время стала такой чистюлей. На тебя это не похоже.

— Ты хочешь сказать, раньше я была нечистоплотной?

— Нет, но ты не бегала каждый день в джакузи и не принимала душ по нескольку раз в день, будто профессиональная спортсменка.

— Мы ходим туда, потому что мистер Милтон сказал, что мы можем делать это, когда хотим. У всех есть золотые ключи. Он сказал: пользуйтесь на здоровье. Что еще тебе непонятно? Мы часто там бываем, плаваем, потом слушаем стереосистему в гостиной.

— Кто это «мы»?

— Мы с Нормой и Джин. А теперь можно я приму душ, чтобы успеть приготовить нам ужин? Я тоже проголодалась.

— А я нет. Я в недоумении. Вообще-то ты говорила, что позавчера утром мы занимались любовью.

Она уставилась на него и по истечении некоторого времени укоризненно покачала головой. Затем ступила в кабинку душа. Он не отставал.

— Мириам! — крикнул он в закрытую дверь.

— Что?

— Так занимались или не занимались? — он дернул дверь, открывая ее.

— Чем занимались?

— Занимались или не занимались любовью?

— Не знала, что ты занимаешься этим так часто, что забываешь, с кем и когда, — отрезала она, снова задвигая перегородку. Некоторое время он постоял, заглядывая в полупустой стакан. Затем резким движением влил в себя остатки виски с содовой.

Что она несет, черт возьми? И что, черт возьми, вообще происходит?

На руке Мириам расцвел синяк, такой большой и яркий, что Кевину стало по-настоящему стыдно. Он вернулся в гостиную, чтобы налить еще порцию виски с содовой, и в задумчивости опустился на диван. Через некоторое время он услышал возню на кухне. Мириам снова была в халате, но, когда она заглянула в гостиную, чтобы взять блюдо из серванта, рукав задрался, и он увидел, что натворил.

— Боже, я не знал, что в самом деле так сильно сжал твою руку, Мириам.

— Ну, а теперь будешь знать, — ответила она, не поворачиваясь.

Она стала сервировать стол.

— Может, у тебя просто дефицит витамина С или проблемы со здоровьем? У тебя слабые капилляры.

Она не отвечала.

— Прости, Мириам, мне очень жаль. Нет, правда, прости.

— Все в порядке. — Помолчав некоторое время, она посмотрела на него: — Забыла спросить, как прошел день?

Он ответил не сразу. С тех пор как он стал работать в «Джон Милтон и партнеры», она все время встречала его дежурным вопросом: «Ну, как прошел день?» Но только он начинал рассказывать, как его тут же обрывали, советуя не заикливаться на мелочах. В Блисдейле она выслушивала его всякий раз до конца, притом очень внимательно, задавая наводящие вопросы, временами давая советы. Они привыкли делиться друг с другом всем. Но, похоже, теперь у них появились новые привычки. Очевидно, эти замашки Мириам переняла от Нормы с Джин, и его это совсем не радовало. Словно между ними пролегла невидимая черта, и они идут каждый своей дорогой, встречаясь лишь для совместных развлечений.

— Ты в самом деле хочешь знать, как у меня дела на работе — или это просто формальность? И, если я начну рассказывать, ты не станешь перебивать?

— Кевин, я только пыталась...

— Знаю, помочь мне снять напряжение. Мириам, ты же не гейша. Ты моя жена. Я всегда хотел, чтобы ты разделяла со мной горести и радости, поражения и успехи. Чтобы ты была частью меня, а я — тебя.

— Я не хочу слышать о всяких неприятных вещах, Кевин, — твердо сказала она. — Просто не хочу. Мистер Милтон прав. Это как ботинки, которые оставляешь за дверью, чтобы не заносить домой грязь. Дом человека — это его персональный кусочек рая.

— О, бог ты мой.

— Да, я узнала об этом от Нормы и Джин. А что тут такого? Ты же видишь сам, как они счастливы в замужестве. Неужели ты не хочешь, чтобы у нас тоже все было хорошо? Неужели не хочешь, чтобы я была счастлива?

— Ладно, ладно. Все, что мне нужно от тебя, — сочувствие и поддержка. И еще я хочу, чтобы наши взгляды на окружающий мир как-то совпадали. Мне нужно знать твое мнение о том, чем я занимаюсь.

— Как в деле Лоис Уилсон? — оборвала она. Он смутился.

— Тогда я сделал ошибку. Признаю. Мне надо было прислушаться к твоим советам, учесть твою точку зрения и более обстоятельно — на что, правда, не было времени — объяснить свою, вместо того чтобы бросаться, как бык на красную тряпку, но...

— Оставь это, Кевин. Пожалуйста, не надо. Ты все правильно делаешь. Все тобой довольны. Тебе поручили важное дело. Мы зарабатываем кучу денег и живем в комфортных условиях. У нас появи-

лись шикарные друзья. И я не хочу, чтобы меня угнетали чужие беды, не хочу знать, что мир полон убийц, воров и мошенников.

Она брезгливо скривилась.

— А теперь, — тут же переключилась она с улыбкой, будто в ней щелкнул невидимый рычажок, — мы будем есть киевские котлеты из «Русской чайной». Тут на Шестой прекрасная кулинария. Норма ее откопала. Там та-акие заморозки! Я уже включила микроволновку, так что сейчас подам к столу. Мой руки и садись.

Кевин кивнул, сжав губы.

— Хорошо, — прошептал он. — Хорошо.

Он сделал, как она сказала, но, вымыв руки, не мог избавиться от ощущения бессмысленности происходящего. Котлеты были восхитительны, вино прекрасно. Мириам щебетала без умолку, точно весенняя птаха, рассказывала о том, как занималась «шоппингом», о занятиях в гимнастическом зале, о том, что ей рассказывали Норма и Джин, слухи о Хелен Сколфилд, которой стало хуже, о великолепном пентхаузе мистера Милтона и так далее. Она говорила и говорила без прерыва, не давая вставить ни слова. И речи быть не могло, чтобы поделиться с ней волнующими его деталями дела.

То ли из-за этой ее глухоты, то ли из-за усталости, но виски и вино вдруг ударили ему в голову, и он заснул на диване в гостиной за телевизо-

ром. Проснулся он оттого, что Мириам выключила свет.

— Как я устала, Кевин, — зевнула она.

— Что? Ах да, конечно.

Встав, он проводил ее в спальню. Вскоре Кевин скользнул в постель рядом с ней и моментально заснул. И снова был застигнут эротическим сновидением. На этот раз он проснулся в своей кровати, ощутив возню рядом с собой.

Мириам сидела верхом на мужчине, опираясь спиной на его колени. Груды ее ритмично подпрыгивали в такт скачке. Он вцепился в ее колени. Она постанывала, откидывая голову назад. Затем наклонилась вперед, так чтобы мужчина мог охватить ее груди, лаская пальцами соски.

Кевин замер. Картина привела его в возбуждение, но он не мог ни оторвать тело от кровати, ни шелохнуться. Все попытки совершить хоть какое-то движение были тщетными. Он, как и в первый раз, словно приклеился — на этот раз к кровати, а руки — к бокам.

Тем временем пара энергично двигалась, Мириам достигала оргазма за оргазмом, стонала, кричала в экстазе и, наконец, обессиленно рухнула на голого мужчину, учащенно дыша. Мужские руки скользили по ее плечам, и Кевин обратил внимание на пальцы. На мизинце красовалось золотое кольцо с монограммой «К». Он с усилием пытался повернуть голову — медленно и мучи-

тельно — пока глаза его не встретились с глазами любовника Мириам.

И снова он заглянул в свои глаза, самодовольные и бесстыжие. Двойник улыбался. Кевин зажмурился, желая одного — чтобы сон этот кончился как можно скорее. Наконец это случилось, и он впал в забытие, провалившись в беспамятство. Проснувшись утром и повернувшись к Мириам, он обнаружил, что она спит на животе, без одежды, в той же позе, как упала на грудь двойника. Только под ней не было ничего, кроме простыней.

Кевин смотрел на нее, пока глаза Мириам не раскрылись.

— Доброе утро, — протянула она. Он не ответил. Тогда она перевернулась на спину и потерла глаза. — Я так здорово выспалась после ЭТОГО, — проговорила она, нежась и потягиваясь в постели. Слово «этого» громом прозвучало в голове.

Он хотел спросить: «после чего»? Но сдержался.

Она приподнялась и застонала.

— Что такое?

— Зверь, — сказала она. Трудно было понять, чего в этом слове было больше: укора или восторга.

— Что?

— Смотри.

Привстав, он посмотрел на ее ноги.

Над коленями красовались два синяка, как раз там, где двойник хватал ее.

— Витамин С здесь ни при чем, Кевин Тейлор. Ты просто дьявол, вот ты кто.

Он ничего не ответил. Он просто бессмысленно таращил глаза. Мириам вскочила и побежала в ванную, а Кевин обессиленно рухнул на подушку, чувствуя себя таким разбитым, точно действительно всю ночь прозанимался сексом. Но почему в таком случае все это представлялось ему кошмаром?! Каким образом он мог видеть собственное тело со стороны?! Или это в самом деле душа покидает телесную оболочку? Если это будет продолжаться, придется проконсультироваться у психиатра...

Кевин встал, принял душ, оделся и сел завтракать, выслушивая планы Мириам на текущий день. Он еще не видел ее настолько поглощенной собой. Нет, конечно, как и все, она отдавала свою дань бытовой суете, но при этом всегда оставаясь умеренной и здравомыслящей. Однако, покинув дом, Кевин понял вдруг, что она за все утро так и не сказала ничего, не имеющего отношения к расширению ее художественного кругозора на галереях и выставках, к улучшению формы бедер в гимнастическом зале и к поискам новомодных нарядов. То есть с таким же успехом она могла разговаривать с зеркалом.

Сегодня ему предстояло опросить Трейси Кейсвелл по делу Ротберга. Тот позаботился о том, чтобы она вовремя прибыла в офис Кевина.

Красавицей ее не назовешь, думал Кевин, рассматривая сидевшую напротив девушку, — но фигура у нее вполне ничего. К тому же ей всего 24, так что Ротбергу она вполне годилась в дочери. В отеле у него она работала всего каких-то три года. Видимо, он давно присмотрел ее для себя, и вряд ли это можно было назвать случайно вспыхнувшим служебным романом.

Она подтвердила версию Ротберга, красочно описав, как он явился к ней после ссоры с женой, когда все всплыло, и обстоятельно посвятил в детали размолвки. Рассказ ее, целиком совпадавший с показаниями Ротберга, был чересчур точен и содержал такие подробности, которые нельзя запомнить, предварительно не выучив текст. Так что обвинителю будет нетрудно убедить присяжных, что она находится в преступном сговоре с обвиняемым.

Кевин стал быстро задавать вопросы, как мог вживаясь в роль прокурора, пытаясь показать, что она лжет, выгораживая любовника. Он поймал ее на паре незначительных противоречий, одно из них относилось ко времени, когда Ротберг предположительно рассказал ей о ссоре с женой. Она тут же поправилась, когда он указал ей на это и объяснил, что к чему.

Трейси, по всей видимости, раскаивалась, что оказалась вовлечена в такую ситуацию, и призналась, что чувствовала себя крайне неловко, находясь в интимных отношениях с мужчиной, у которого жена — инвалид. Она была знакома с Максин Ротберг еще до того, как сошлась со Стенли, и испытывала к этой женщине искреннюю симпатию. Если ему удастся купить присяжных на эту часть признания, девушка может оказаться на процессе полезным подспорьем, подумал Кевин, в чем он, впрочем, сомневался.

По мере приближения даты слушания дела в суде, Квином овладевал пессимизм. Он сохранял хорошую мину перед репортерами и обещал, что докажет несомненную невиновность мистера Ротберга, но сам чувствовал, что лучшее, чего он может добиться, — это запутать присяжных так, чтобы они ни в чем и ни в ком не чувствовали уверенности: ни в показаниях, ни в уликах. Подозрение в убийстве с Ротберга все равно снять не удастся, и в глазах общественного мнения он останется чудовищем, но дело выиграть Кевин, возможно, сумеет.

Хотя он был неприятно удивлен равнодушием Мириам к его работе, Кевин постепенно пришел к мнению, что лучше последовать совету мистера Милтона. Партнеры все равно постоянно обсу-

дали дела, по пути на работу и с работы в лимузине. Так что, может, и к лучшему, что он сможет оставлять все заботы за порогом, являясь домой.

Как минимум дважды в неделю они тремя парами ходили в ресторан. Пол присоединялся к ним только на выходных, рассказывая, что Хелен все хуже, и если она раньше не вставала с постели, то теперь практически впала в ступор. Полу не хотелось отправлять ее в стационар, но даже при сиделке, жившей в доме, он не знал, сколько это еще протянется и до каких пор можно это оттягивать. Она уже не берется за кисть, сказал Пол. А это о многом говорило всем, кто хоть немного знал Хелен.

Мириам завела разговор о том, чтобы навесить ее вместе с подругами, но Пол считал это бессмысленным — к тому же это могло вогнать Хелен в еще большую депрессию. Кевин заметил, как он все время напирал на это слово «депрессия», чтобы положить конец разговорам о поведении жены.

Терпимость Мириам ко всему невеселому или удручающему испарилась с тех пор, как они переехали в большой город. Она не шла ни на какие компромиссы. Предстоящий обед с ее родителями стал тяжелым испытанием.

— Чем толкаться взад-вперед в пробках, пусть они сами приезжают к нам. Так намного проще.

— Для нас, быть может, и проще. Но не для них, — заметил Кевин, но она пропустила это мимо ушей.

Кевин обратил внимание, что все горячие блюда они едят теперь исключительно из микроволновой печи. Ничего, кроме салатов и «заморожек», Мириам не покупала. Ее кулинарные способности, которыми она прежде так гордилась, бесследно исчезли. Теперь она была слишком занята, чтобы уделять время кухне. Стоило Кевину поинтересоваться, чем это она так занята, что даже не успевает готовить, она тут же неистово начинала перечислять: аэробика, шоппинг, концерты и выставки, обед — каждый день в новом бистро — надо же все перепробовать, чтобы узнать, где лучше, и теперь к этому плотному графику добавились еще и занятия по вокалу. Такой же распорядок дня был у всех ее соседок, за исключением, разумеется, Хелен.

Он редко заставлял ее дома, когда звонил с работы, и обычно выслушивал ее голос на автоответчике. Зачем ей понадобился автоответчик? — недоумевал он. Тем более она никогда не отвечала на оставленные им сообщения, как и на сообщения старых подруг с Айленда — и даже своих и его родителей. Потом они перезванивали еще раз поздно вечером и сетовали на то, что о них совершенно забыли, и, когда он как-то заговорил с ней об этом, Мириам просто рассмеялась и ска-

зала что-то вроде: «Ах, я так занята в последние дни. Но я скоро научусь все успевать».

На всякий его упрек у нее заранее был готов ответ: «Но ты ведь сам захотел, чтобы мы жили здесь, разве не так, Кевин? И теперь, когда у нас появились новые дела, мы все время заняты, на что ты жалуешься? Или ты сам не знаешь, чего хочешь?»

Тогда он стал задавать вопросы самому себе. Все чаще, возвращаясь в пустую квартиру, когда Мириам пропадала где-то, увлеченная очередной бурной деятельностью, он наливал себе виски с содовой и выходил смотреть на Гудзон. А не бежали ли они от своего счастья, уехав с Айленда? — задумывался он. И что ждет их, когда они наконец обзаведутся детьми? Во что превратится их жизнь тогда? Мириам уже вела разговоры насчет переезда в более просторную квартиру, предполагая нанять для их первенца круглосуточную няньку и, возможно, кормилицу, чтобы не терять форму груди.

— Норма и Джин тоже собираются так сделать, — с жаром рассказывала она ему. — В наше время дети не должны препятствовать родителям жить полноценной жизнью.

— Но ты же всегда отвергала эту идею, — напомнил он ей. — Помнишь, как ты упрекала Розенблаттов именно за то, что они обособились от собственных детей? Те чуть не на прием вынуж-

дены были записываться, чтобы увидеть собственных родителей.

— У них было совсем другое дело. Филлис Розенблатт, она же... скучная серая личность. Неспособная почувствовать разницу между Джексоном Поллоком и куском обоев.

Он не увидел тут никакой связи, но знал, что, если станет настаивать, Мириам просто развернется и уйдет. Ее привычки все больше выводили его из себя, но вечером, перед началом процесса по делу Ротберга, она вдруг внезапно кардинально изменила манеру поведения.

Когда он в очередной раз вернулся с работы, весь день проведя в офисе, выяснилось, что Мириам приготовила что-то домашнее. Это можно было угадать уже по запаху из кухни. Волосы у нее были зачесаны назад, как в прежние времена, без этих новых ухищрений и меняющихся еженедельно взлохмаченных причесок — именно так, как ему всегда нравилось. На ней было одно из старых платьев и минимум макияжа. Стол был уже сервирован: она устроила ужин при свечах.

— Ты так устаешь на работе, — она погладила его по голове. — Тебе просто необходимо отдохнуть.

— Великолепно. Чем это у нас так пахнет?

— Цыпленок в винном соусе: твоё любимое блюдо.

— По твоему рецепту?

— Ага. И еще я испекла яблочный пирог. На скорую руку, — добавила она. — Сегодня я осталась дома. Норма и Джин пошли без меня. Я решила остаться дома и прислуживать тебе как верная самоотверженная жена.

Он рассмеялся — это было так на нее непохоже, — сама возможность, что она когда-нибудь произнесет такие слова, казалась просто дикой. Поэтому в ее речи он ощутил скрытый сарказм. В этих словах было больше от Нормы и Джин, чем от настоящей Мириам.

— Люблю тебя, дорогая, — сказал он, чмокнув ее в висок.

— После ужина, — сказала она, подталкивая его к столу, — все остальное — после ужина. Садись.

Приняв душ и переодевшись в домашнее, он вышел в гостиную — и увидел, что она растопила камин и выставила на стол коктейли и закуски. Тепло домашнего очага, отменная еда, виски и вино делали свое дело. Она получила то, что хотела, если хотела именно этого: он отдыхал. Он признался Мириам, что чувствует себя так, будто вернулся в материнское лоно.

После ужина они потягивали коньяк, и она сыграла ему на пианино свадебную песню, ту самую, что исполнялась на их свадьбе. Это была старая песня, которую так любили его родители, — и она влюбилась в нее, можно сказать, с первого аккорда.

— А сейчас, — откашлялась она. — Ты увидишь результат моих вокальных уроков. «Я-а-а так люблю тебя-а-а, мой дру-уг. Ужель не скажешь ты взаимно? Ты ну-ужен мне всегда-а-а... я верно говорю-ю...»

На его глаза навернулись слезы.

— Ах, Мириам, я так выматываюсь на работе, что иногда забываю, для чего все это. А ведь это все — для тебя. Без тебя все это не имело бы смысла.

Поцеловав, он отнес ее на руках в спальню. Это было так изумительно, так прекрасно. Все вопросы, все сомнения мигом испарились, исчезли баз следа, канули в Лету. Все было замечательно — именно так, как они хотели. Жизнь дарила им то, чего они желали. Мириам была прежней Мириам, и они по-прежнему любили друг друга. Он стал раздеваться.

— Нет, погоди, — сказала она, прильнув к нему. — Давай все сделаем как тогда, в среду, ночью.

— В среду ночью?

— Как тогда, в среду, когда мы пришли после обеда с Тедом и Джин. Ты же не будешь говорить, что ты опять забыл?

Он продолжал улыбаться. Она стала расстегивать пуговицы на его рубашке.

— Я раздела тебя, а потом ты раздел меня, — шептала она, продолжая воспроизводить любовную сцену, которой он, убей бог, не помнил.

На процессе Ротберга побывали все служащие фирмы. Даже секретари несколько часов просидели в зале суда, наблюдая за ходом развернувшейся баталии. Странно только, что сам мистер Милтон пока так ни разу и не почтил процесс своим посещением. Похоже, ему приходилось отбиваться от репортеров, осаждавших фирму с первого дня процесса. Но больше всего Кевина беспокоило то, что Мириам не пришла на процесс, даже в последний день заседания. Это известие свалилось как снег на голову, после завтрака, в день начала слушаний по делу. Она объявила, что не придет смотреть на его защиту. Он до последнего дня продолжал надеяться, что она переменит решение в ходе процесса, но этого так и не случилось.

Боб Маккензи приступил к обвинению в медлительной, методичной манере, излагая факты, выдвигая улики и свидетельства очевидцев, на которых строил железный фундамент обвинения, неотвратимо убеждая присяжных в виновности Ротберга. Кевин подумал, что с его стороны было весьма мудрым и предусмотрительным поступком организовать дело, разделив его на явно выраженные начало, середину и конец, приберегая до последнего результаты медицинской экспертизы. Он производил впечатление весьма опытного государственного обвинителя. На этом фоне Кевин еще больше осознавал собственный возраст и относительную неопытность.

Но почему Джон Милтон был так уверен в нем, зная наперед, против какого матерого волка предстоит ему выступить? Милтон ни на миг не усомнился в его опыте и способностях и не ожидал ничего другого, кроме того что Кевину удастся выгородить Ротберга. Кевину не давала покоя мысль, зачем ему поручили дело, где и более опытному адвокату пришлось бы туго. Или же Милтон сделал это намеренно, желая увидеть падение и позор Кевина, проучив таким образом зарвавшегося юнца?

— Вы увидите, леди и джентльмены, господа присяжные, — начал Маккензи, — что семя этого изощренного убийства было посеяно еще многие годы назад, как появился мотив к убийству, как у подсудимого вызрел замысел его исполнения, как появился благоприятный повод и стечение обстоятельств, и как он совершил немыслимое злодеяние, расчетливо и хладнокровно, уверенный, что ему все сойдет с рук.

С этими словами он повернулся к Ротбергу и указал на того грозным прокурорским перстом.

— Ему осталось надеяться лишь на одно слово — «сомнение», и, будьте уверены, именно пресловутые «сомнения» будет использовать адвокат, чтобы заставить вас сомневаться в здравости вашего рассудка и удержать от вынесения приговора подсудимому, виновному в столь отвратительном поступке.

Неторопливая речь и торжественная жестикуляция прокурора добавили мрачного настроения делу, и так преисполненному напряжения. Газетчики и тележурналисты торопливо строчили в блокнотах: съемка была запрещена. Художники набрасывали портреты присяжных и невыразительную физиономию Ротберга во всех возможных ракурсах. Тот даже зевнул во время прокурорского выступления.

В первые два дня процесса Маккензи привел четверых свидетелей, чтобы продемонстрировать порочность Ротберга. Они поведали господам присяжным и почтенной публике, что Ротберг был игроком, промотавшим значительную часть семейного состояния Шапиро, и даже второй раз заложил отель, и это невзирая на его отличную репутацию и успех хлебопекарни. Особенно сильно его мотовство проявилось со времени болезни Максина, которая из-за немощи перестала играть значимую роль в управлении отелем и бизнесом.

Далее Маккензи вернулся к тем дням, когда Ротберг работал официантом, ночью проматывая в карточной игре все свои чаевые. Он тщательно прорабатывал жизнь Ротберга, не пропуская ни единого места его биографии, рисуя портрет человека из низов общества, проходимца, сумевшего втереться в доверие и найти путь к сердцу Максина Шапиро. Совершенно очевидно, что это был

брак по расчету. Когда Кевин опротестовал эту характеристику подзащитного, как не имеющую отношения к делу, Маккензи вызвал свидетеля, чтобы поддержать линию обвинения: бывшего шеф-повара ресторана, который показал под присягой, что Ротберг как-то хвастал перед ним, что однажды станет хозяином «Шапино лейк хауз», охмутив хозяйскую дочь.

Затем, после плавного перехода, демонстрирующего, что Ротберг имел множество внебрачных связей, Маккензи привел к присяге Трейси Кейсвелл. В ходе быстрого допроса он вынудил ее признаться в интимной связи со Стенли Ротбергом в то время, когда его жена была больна.

На следующий день Маккензи перешел к конкретным обстоятельствам болезни Максина Ротберга. Он вызвал доктора и получил от него точное описание недуга Максина. Маккензи не стал наводить его на свидетельства относительно сиделки Беверли Морган. Очевидно, он не хотел, чтобы у присяжных появилась хоть тень подозрения в ее преступной халатности вследствие алкоголизма. Сменив прокурора, Кевин преследовал главную цель — добиться от доктора признания, что Максина могла собственноручно делать уколы.

Затем Маккензи перешел к следственным протоколам, рассказав историю с коробкой инсулина, которая была найдена у Ротберга в шкафу,

причем спрятанной — как это ни странно, — она не стояла на видном месте, господа присяжные. Прошу обратить на это особое внимание. Зачем мужу прятать лекарство от больной жены? — вопрошал он. Затем последовал отчет патологоанатома о вскрытии и обстоятельное объяснение того, что такое превышение дозы инсулина, и к чему оно может привести. Наконец, для того, чтобы поддержать эту точку зрения, была вызвана Беверли Морган. Маккензи подвел ее к описанию сути отношений Ротберга с женой, свидетелем которых она вольно или невольно являлась каждый день. Он дотошно спрашивал, сколько именно раз Ротберг посещал больную супругу, и надолго ли задерживался у нее, часто ли осведомлялся о здоровье. Медсестра пересказала события дня, предшествующие смерти Максина Ротберга, почти слово в слово повторяя то, что услышал от нее Кевин. После чего пришел черед адвоката.

Уже собираясь приступить к перекрестному допросу свидетельницы, он почувствовал, как кто-то потрепал его сзади по плечу. Обернувшись, он увидел стоявшего за ним Теда.

— От мистера Милтона, — заговорщически шепнул он и подмигнул в сторону мест в зале, на которых он обычно видел Теда, Дейва и Пола, когда они присутствовали на процессе. И сейчас между Дейвом и Полом он увидел мистера Мил-

тона. Тот сидел как ни в чем не бывало и приветливо улыбался ему.

— Что это? — Кевин принял из рук Теда сложенный бумажный листок. Прочитав записку, он вопросительно поднял глаза на Джона Милтона. Тот утвердительно и энергично кивнул. Похлопав Кевина по плечу, Тед удалился на свое место. Кевин встал и посмотрел на Беверли Морган. Он еще раз перечитал записку, словно убеждаясь, что до него правильно дошел ее смысл. Затем он приступил к допросу, так же удивляясь ответам Беверли Морган, как и обвинение.

— Миссис Морган, вы только что подтвердили, что после визита мистера Ротберга миссис Ротберг чувствовала себя крайне несчастной. Это было единожды, или у вас сохранились другие, более свежие воспоминания?

— Еще бы, — охотно откликнулась Беверли Морган и принялась пересказывать ссору супругов, невольной свидетельницей которой оказалась. Не моргнув глазом и не дрогнув лицом, она описала, как Максин Ротберг на кресле-каталке въезжала в комнату мужа.

— У нее на коленях лежала коробка с инсулином. — Медсестра остановилась и оглядела аудиторию. — А на руках у нее были резиновые перчатки.

На миг последовало гробовое молчание — такое затишье бывает перед бурей, и затем зал взо-

рвался. Репортеры ринулись к телефонным кабинкам, оставшиеся в зале не скрывали своего крайнего изумления. Судья стучал молотком, призывая к тишине в зале правосудия, угрожая удалить всех, кроме непосредственных участников процесса. В этот момент Кевин оглянулся и увидел, что место, где только что сидел Джон Милтон, пусто. Когда порядок был восстановлен, Кевин объявил судье, что больше вопросов к свидетелю не имеет.

Маккензи еще раз допросил Беверли Морган, домогаясь от нее, почему она прежде не общала об этом факте. Она спокойно ответила, что ее никто об этом не спрашивал. Если бы прокурор поднял вопрос об алкоголизме медсестры, дабы навести присяжных на сомнения в добросовестности и вменяемости ее показаний, у Кевина был запасной ход — он мог свалить все на халатность полупьяной сиделки. В противном же случае, смолчи прокурор и в этот раз, он мог посеять в присяжных сильное сомнение в виновности Стенли Ротберга.

Однако Маккензи поступил дальновидно, закончив обвинение. Судья объявил перерыв, и Кевин, отыскав Пола, спросил, куда делся мистер Милтон. Ему не терпелось узнать, как удалось заставить Беверли Морган изменить показания.

— Помчался на встречу с новым клиентом, — ответил Пол. — Сказал, что поговорит с тобой потом, и просил передать, что доволен тобой.

— Вообще-то до последней минуты я считал, что проигрываю дело.

Пол улыбнулся и переглянулся с Тедом и Дейвом. Те ответили столь же высокомерными усмешками.

— Мы никогда не проигрываем, — сказал Пол. Кевин кивнул.

— Начинаю в это верить, — откликнулся он, переводя взгляд с одного на другого.

Когда Кевин после перерыва вошел в зал суда, в воздухе витала атмосфера ожидания. Оглядев присутствующих, репортеров и прочую шваль из СМИ, он внезапно ощутил знакомое чувство власти и превосходства над ними, как тогда, на процессе Лоис Уилсон, уверенно двигаясь к победе. Все было в его руках. Единственное, чего не хватало для полного триумфа, — присутствия Мириам, хотя бы сегодня, в последний день процесса.

Кевин начал с допроса Стенли Ротберга. После того как тот принес присягу, Кевин сел за стол и скрестил руки на груди.

— Мистер Ротберг, вы слышали нелюбезные показания свидетелей в ваш адрес. Вас характеризуют в первую очередь как игрока, пускающего на ветер изрядные суммы и часто влезающего в долги. Что вы можете сказать? Есть в этой характеристике доля правды?

— Доля правды есть, — подхватил подсказку Ротберг. — Я был игроком почти всю мою созна-

тельную жизнь. Это болезнь, и не стану отрицать, что я страдаю от этого. — При слове «болезнь» он повернулся к аудитории, как и советовал ему Кевин.

— Вы также были уличены в адюльтере, и это обвинение подтвердила Трейси Кейсвелл, женщина, которая называет себя вашей любовницей. Вы станете отрицать это?

— Нет. Я действительно люблю Трейси и встречаюсь с ней уже третий год.

— Почему же вы не подали на развод?

— Я хотел это сделать, но в последний момент остановился. Мне показалось чудовищным бросить Максина в таком состоянии. Она страдала, да и Трейси не разрешала мне этого сделать. Я пытался, как мог, сохранить благоразумие и осторожность.

— Очевидно, вы в этом не преуспели, — резко сказал Кевин.

Это была блестящая тактика. Он обращался со своим клиентом как обвинитель, а не как защитник. Это придавало его вопросам особую значимость в глазах присяжных и публики. На лице его не было и проблеска симпатии или сочувствия к клиенту, что создавало впечатление: если клиент и врет, то не с подачи адвоката.

— Видимо, да, — горестно вздохнул, как учили, Стенли Ротберг.

— И правда ли, что известия о вашей связи, порочащей супружеские узы, дошли до вашей жены?

— Да.

— Вы слышали показания Беверли Морган, подтверждающие, что между вами произошла ссора. Она верно описала суть этого разговора?

— Да.

— И вы не восприняли угрозу жены всерьез?

— Нет.

— Но почему?

— Она была больная женщина. Я никогда бы не поверил, что она пойдет на такое.

— Мистер Ротберг, вы впрыскивали вашей жене увеличенную дозу инсулина?

— Нет, сэр. Я вообще терпеть не могу уколов и всегда отворачиваюсь, когда их делают.

— Вопросов больше нет, Ваша честь.

Маккензи медленно поднялся, но не стал выходить из-за стола.

— Мистер Ротберг, вы не видели коробку с инсулином, которая стояла в вашем шкафу?

— Да, в то утро я обратил на нее внимание, но не придавал этому значения и вскоре забыл. На меня свалилось столько дел в отеле, что я даже забыл спросить медсестру, откуда взялась эта коробка.

— И это при том, что вы слышали угрозы жены, обещавшей взвалить на вас вину в ее преждевременной смерти?

— Я об этом совершенно не подумал. Ее угроза... она показалась мне просто невероятной.

Маккензи смерил его взором и покачал головой. Большинство находившихся в зале приняли это за жест недоверия, но Кевин чувствовал, что тут другое. Прокурор был в тупике.

— У меня нет вопросов, Ваша честь, — сказал Маккензи и сел на место.

Кевин продолжал играть по плану. Он вызвал к барьеру Трейси и дал возможность суду выслушать ее показания, все как было отрететировано у него в офисе. Она описала, как Стенли Ротберг пришел к ней после ссоры с женой, и припомнила те же самые детали, добавив лишь, в каком расстроенном состоянии находился Стенли. Она казалась необыкновенно искренней, выражая раскаяние в том, что все так случилось и события приняли такой оборот. Кевин даже поймал себя на том, что начинает ей верить, когда она стала рассказывать о своих теплых чувствах к покойной.

Маккензи от вопросов отказался.

По совокупности показаний Кевин развил именно ту линию защиты, какой добивался Джон Милтон. Еще при подаче дела он наводил его на эту мысль. Только теперь все стало окончательно понятным. У Стенли Ротберга действительно скверный характер, и человек он так себе, но за это не судят. Судят за убийство, а тут он чист как стеклышко. Таким образом, они отдали Ротберга

на растерзание жаждущей острых ощущений публике и прессе, а заодно вытащили из-под обвинения в убийстве первой степени, за которое во многих штатах предусмотрен электрический стул.

Само собой разумеется, все откровения Беверли Морган перестали играть на руку Маккензи, как только он перешел к итогу. Кевина поразило, до чего жалко выглядел теперь прокурор. Он то и дело запинался, сбивался, и уже не казался карающей рукой правосудия, каким предстал в начале процесса. После того как он опустил на место, ни у кого уже не было сомнений в исходе дела.

Присяжные отреагировали в соответствии с ожиданием публики. Они вынесли вердикт «невиновен» менее чем за три часа совещания.

К тому времени как Кевин добрался до офиса, празднество было уже в самом разгаре. Его победа была отмечена в сводках теленовостей, и все же получилось не совсем то, чего он ожидал. Победа на процессе Лоис Уилсон доставила ему куда больше радости. Проанализировав свои ощущения, он пришел к выводу, что причина в том, что та победа досталась ему собственными силами, он сам расследовал, обдумывал, изучал факты, пока не нашел слабые места в обвинении.

На сей раз все было совсем по-другому. Он не собирался заниматься самообманом. Это не его победа. Дело выиграли показания Беверли Морган, которая вдруг решила пойти на сотрудничество со столь ненавидимым ею Стенли. Так что, несмотря на все похвалы и поздравления, он не ощущал особой гордости. Это все равно что выиграть в бейсбол благодаря дождю после пятой подачи. Никакого чувства удовлетворения.

— Мне просто повезло, — ответил он Теду на похвалы, которые тот расточал как из рога изобилия.

— Везение здесь ни при чем. Ты блестяще построил защиту.

— Спасибо на добром слове.

Кевин направился в кабинет к мистеру Милтону и постучал в дверь. Голос Джона Милтона пригласил его зайти, однако войдя он не увидел хозяина кабинета.

— Идите сюда, — позвали его откуда-то со стороны. Наконец он увидел, что Милтон стоит у панорамных окон. — Мои поздравления, Кевин.

— Благодарю, я искал вас в перерыве. Хотел спросить насчет Беверли Морган.

— Да, конечно.

— Как вы этого добились?

Когда Кевин приблизился, мистер Милтон возложил ему руку на плечи и повернул лицом к панораме города. Тьма уже сгушалась над столицей, и Нью-Йорк озарился морем огней.

— Потрясающе, не так ли?

— Да.

— Вся эта сила, вся энергия сконцентрирована на крошечном, в сущности, пятачке земли. Миллионы людей у наших ног, невероятное богатство, власть, решения, которые влияют на жизнь множества людей и народов. — Он простер руку вперед. — Человеческие судьбы, конфликты, эмоции, рождение, смерть, любовь и ненависть... Просто дух захватывает, когда стоишь здесь и смотришь на это.

— Действительно, — отозвался Кевин.

Внезапно он ощутил нахлынувшие на него усталость и опустошение. Мистер Милтон говорил вкрадчивым заволакивающим голосом. Глядя в мерцающее, как звездное небо, море огней, Кевин находился как будто под гипнозом.

— Но вы не просто стоите над всем этим, Кевин, — продолжал Милтон каким-то переливающимся плывущим голосом, который, как казалось Кевину, исходил из его собственного сознания. Словно Джон Милтон проник в его душу, в какой-то пустующий уголок сердца и теперь полностью завладел им. — Вы существуете над всем этим, и теперь мы знаем: все это будет вашим.

Повисла продолжительная пауза. Кевин бездумно смотрел на город. Джон Милтон не снимал своей руки с его плеча и держал, привлекая к себе.

— Теперь тебе пора домой, Кевин, — прошептал он наконец. — Езжай к жене, и устройте собственный праздник.

Кевин кивнул. Джон Милтон отпустил его и словно тень бесшумно скользнул к своему креслу за столом. Кевин уже собирался уйти, как вдруг вспомнил, зачем пришел.

— Мистер Милтон, эта записка, которую вы мне прислали на процессе... Откуда вы знали, что Беверли Морган изменит свои показания?

Джон Милтон усмехнулся. В сумеречном свете настольной лампы лицо его сейчас напоминало маску.

— Теперь, Кевин, вы хотите, чтобы я открыл вам все секреты профессии, да? И вы, молодые, начнете думать, что можете занять мое место.

— Да, но...

— Я с ней поговорил, — быстро сказал он. — Кое на что намекнул, и она смягчилась.

— Но я с ней тоже разговаривал. Эта женщина была непреклонна. Что все-таки вы ей сказали, чтобы она переменила свое мнение?

— В конечном счете, Кевин, человек выбирает лучшее, что может получить в этой жизни. Идеалы, принципы, как вы это ни называйте, в конечном счете не имеют значения. Надо усвоить лишь один урок: все имеет свою цену. Идеалисты считают это цинизмом. Практично мыслящие люди вроде нас с вами — и наших партнеров — знают,

что это ключ к силе и успеху. Наслаждайтесь победой. — Он отвернулся, взглянув на какие-то бумаги на столе. — Завтра-послезавтра я поручу вам новое дело.

Кевин нерешительно глянул на него, думая, стоит ли попробовать продолжить беседу, так как ожидал более обстоятельного ответа. Но, по всей видимости, Джон Милтон не имел желания продолжать этот разговор.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Спокойной ночи.

— Еще раз — мои поздравления. Теперь вы полноправный партнер нашей фирмы.

Кевин замер на пороге. Почему эти слова не доставили ему особой радости? Это же его мечта. Кевин задумчиво вышел, забыв поблагодарить своего наставника. Проходя по темному коридору, он вспомнил об огнях вечернего города и о том, как наблюдал за ними с высоты птичьего полета, рядом с Джоном Милтоном. Ему снова припомнились эти странные слова насчет власти над миром. Они звучали так знакомо, где-то он уже их слышал.

И тут до него дошло. Те же самые слова он слышал от Теда, который рассказывал, как его «посвящали» возле окон пентхауса Джона Милтона. Он догадывался, что это не случайное совпадение... Что за странный ритуал...

Кто же он — Джон Милтон? И кто его партнер? И кем становится он сам?

Холодный унылый дождь повис над городом. Несмотря на тепло в салоне лимузина, Кевин невольно ежился, когда они останавливались на светофорах, и смотрел на спящих взад-вперед пешеходов: многих непогода застигла без зонтов. Капли, стекавшие по стеклам машины, струились точно слезы. Он отодвинулся от окна, откинулся на сиденье и не открывал глаз, пока они не подъехали к своей многоэтажке.

— Мистер Тейлор! — воскликнул Филип, открыв перед ним дверь в вестибюль, раньше чем Кевин выбрался из лимузина. — Мои поздравления! Только что слышал выпуск новостей.

— Спасибо, Филип. — Он стряхнул ледяные капли с волос.

— Представляю, как может себя чувствовать человек, выигравший такое важное дело. Я был бы на седьмом небе от радости. Скоро все узнают ваше имя, мистер Тейлор.

— Еще не все улажено, я еще сам не осознал происшедшее, — сказал Кевин, спеша к лифту.

Но охранник не отставал:

— И все же, похоже, у мистера Милтона появился повод для новой вечеринки.

— Не удивлюсь, Филип, если так оно и будет.

Войдя в лифт, он нажал кнопку «15». Когда лифт стал подниматься, Кевин привалился к стене кабины, по-прежнему ощущая странную смесь эмоций: бурной радости и смутного раздражения. Что-то было не так: просто не так — и все. Он чувствовал себя, как человек, совершивший непоправимую ошибку, а потом попытавшийся о ней забыть. Тут он заметил, что рассеянно вертит золотое кольцо на мизинце.

Он вышел в раскрывшиеся двери, но тут же остановился: показалось, что кто-то прошептал его имя. Он резко глянул налево и столкнулся лицом к лицу с Хелен Сколфилд в ночной сорочке: привалившись к стене, она дико смотрела на него огромными глазами.

— Хелен!

— Я видела из окна, как вы с Хароном подъехали к дому, — еле слышно произнесла она. И тревожно оглянулась на свою дверь. — Я не могу долго. Она может найти меня в любую секунду.

— Что случилось?

— То же, что случилось с Глорией Джеффи, случится и с Мириам. Я отказалась в этом участвовать и пыталась предупредить вас своей картиной, но, если он сделал ее беременной, слишком поздно, уже ничего не поделаешь. Он питается ее

добротой и великодушием, высасывает из нее жизнь точно вампир. Вы должны найти способ избавиться от него, раз и навсегда. Убейте его, — потребовала она, и пальцы ее сжались в кулаки. — Иначе останутся только два пути, как у Ричарда Джеффи. Слава богу, у него хватило ума сделать хоть что-то... когда Ричард стал понимать, что происходит. — Губы ее задрожали. — Они все принадлежат ему. Пол становится все хуже. Он Вельзевул, — добавила она, наваливаясь на него плечом, так что он подумал, что Хелен теряет сознание. Безумие в ее глазах заставило его сердце учащенно забиться.

— Хелен, позвольте отвести вас домой.

— Нет! — Она вырвалась и попятилась к стене. — Поздно, как вы не понимаете! Вы уже играли одно из его дел. Теперь вы тоже принадлежите ему. Будьте вы прокляты! Будьте вы все прокляты!

— Миссис Сколфилд! — послышался голос из раскрытой двери. — О господи, — на пороге показалась благообразная розовощекая старушка с круглым личиком и аккуратно зачесанными волосами. — Пожалуйста, идите домой, миссис Сколфилд.

Хелен шарахнулась в сторону:

— Миссис Лончем! Убирайтесь! — Хелен занесла кулаки, всерьез намереваясь ударить старушку.

— Успокойтесь, миссис Сколфилд. Все будет хорошо. Просто зайдите домой.

— Могу я чем-то помочь? — спросил Кевин. — Может, вызвать доктора?

— Нет, нет. Ничего страшного. — Миссис Лончем напряженно улыбалась. — Правда ведь, миссис Сколфилд? Ничего страшного, — умиротворяюще заворковала она.

Руки Хелен затряслись мелкой дрожью. Она медленно уронила их и зарыдала.

— Все в порядке, все в порядке, — повторяла благообразная старушка. — Я отведу вас в постель. — Бережно и цепко она приобняла Хелен Сколфилд за талию и развернула в сторону квартиры. Затем оглянулась на Кевина. — Все будет хорошо, — приговаривала она и, тряся старческими буклями, потащила Хелен в прихожую. Кевин смотрел им вслед, пока дверь не закрылась. Он вытер лицо платком и лишь потом направился домой.

В тот же миг, как он открыл дверь, Мириам выбежала навстречу. Она обвила его шею руками и запечатлела горячий поцелуй на его губах.

— Ах, Кевин, я так взволнована. Только что был первый выпуск вечерних новостей. Я смотрела, как на тебя налетели журналисты. Звонили твои родители, они тоже смотрели новости! И мои. Поехали куда-нибудь, это надо отметить. Я уже заказала столик у «Ренцо». Тебе там понравится, вот

увидишь. Норма и Джин всегда там отмечают с мужьями победы на процессах.

Он стоял как вкопанный, не сводя с нее глаз.

— Что с тобой? Ты какой-то бледный.

— Там, на площадке, произошло нечто ужасное. Хелен Сколфилд...

— Что с ней?

— Она стояла там в одной рубашке. У меня такое чувство, будто она поджидала меня. Она сбежала от сиделки.

— Какой ужас! И что случилось?

— Она говорила какие-то совершенно дикие вещи, но...

— Что она говорила?

— О нас, о «Джоне Милтоне и партнерах».

— Ой, Кевин, давай сейчас не будем об этом. Только не теперь. Не надо портить праздник, — взмолилась она. — Ты же знаешь, она больной человек.

— Не знаю, я... а откуда у тебя синяки на шее?

— Нет там никакого синяка. — Она повернулась к зеркалу в прихожей. — Ой. Ну да ерунда, надо наложить побольше тональной крем-пудры, только и всего.

— Но откуда это?

— Да ты сам, наверное, оставил засос, — заделась она. — Ты, вампир, давай, собирайся, а то опоздаем. Не беспокойся, это пройдет. При-

нимай скорее душ и переодевайся. Я чертовски проголодалась.

Он не шелохнулся.

— Кевин? Ты собираешься всю ночь просто-ять в прихожей?

— Нам надо поговорить, Мириам. Не знаю, что происходит на самом деле, но я готов поклясться, что не оставлял на тебе этих отметин. Я такого за собой не помню.

— Ничего не происходит, глупенький. Ты просто забегался со своим процессом и, понятное дело, ничего не помнишь. Девчонки меня в самом начале предупреждали, что так и будет.

— Что будет?

— Что ты будешь рассеянным и забывчивым. С Тедом и Дейвом вначале было то же самое. Но это пройдет, как только ты обретишь уверенность в себе и вырастешь в собственных глазах как настоящий профессионал. Но ведь ты уже сделал первый шаг, верно? Мой адвокат, — прильнула она к нему. — Знаменитый, нью-йоркский адвокат... Ну, давай, пойдем. Остальное по дороге. — Она направилась к зеркалу. — Мне надо поправить макияж.

Посмотрев ей вслед, он медленно побрел в гостиную. У порога остановился, заново припоминая подробности сцены, разыгравшейся на лестничной площадке.

Картина. Она что-то говорила про картину.

Кевин устремился в гостиную. Но угол, где она висела, был пуст. И на полу ее тоже не было.

— Мириам!

Она не ответила. Он забеспокоился и пошел в ванную, где обнаружил ее перед зеркалом.

— Мириам, что случилось с картиной?

— Случилось? — Она обернулась от зеркала. — Я просто больше не в состоянии смотреть на нее, Кевин. Это слишком тяжелое испытание — держать у себя дома такое... с позволения сказать, произведение искусства. Девочки сказали, что мы и так проявили достаточно терпения.

— Куда ты ее засунула? В кладовку?

— Нет. Ее больше нет. — Она стала подводить брови.

Он приблизился к ее отражению в зеркале:

— Что значит «нет»? Ты ее вынесла? Выбросила?

— Нет. Никуда я ее не выносила и не выбрасывала. Это все-таки произведение искусства, и, веришь или нет, есть люди, которым нравится подобная живопись. Норма нашла галерею в Вилледж, где согласились ее взять. Представляешь, если ее кто-нибудь купит, можно будет порадовать Хелен. Ведь это неплохо, когда твое творчество востребовано.

— Что за галерея?

— Не помню точно названия, Кевин. Норма знает, — сказала она, и в голосе ее проскользнуло

раздражение. — Что ты так беспокоишься за нее? Все говорят, и моя мать, и твоя, что это просто ужас: держать такую картину в гостиной.

— Когда она ее забрала? — настойчиво продолжал допытываться он.

Мириам снова обернулась:

— Вот видишь, ты даже не заметил. А все из-за твоей занятости на работе. Уже два дня как ее здесь нет, Кевин.

— Ее продали?

Она надула губы бантиком и помотала головой, разглядывая в зеркале, как легла помада.

— Так ты пойдешь в душ или нет?

— Что? Ах да, да. — Он стал раздеваться.

— Это так восхитительно, правда? Ты будешь во всех газетах, тебя показывают по всем телеканалам. О-о, Кевин, да с тобой становится опасно ходить по ресторонам, — хихикнула она. — Еще придется отбиваться от поклонниц. Мистер Ротберг, наверное, на седьмом небе?

— Ротберг?

— Ротберг, Кевин. Человек, которого ты защищал на процессе. — Она рассмеялась. — Каким ты стал рассеянным...

— Нет, Мириам, ты не понимаешь, — признался он, стягивая брюки, — дело выиграл не я, а показания свидетельницы, которая вдруг пошла на попятный. И я до сих пор не понимаю, почему она так поступила. И до последнего момен-

та не был уверен в победе. Точнее, даже наоборот — я предчувствовал, что проиграю это дело. Мистер Милтон прислал мне записку, в которой просил задавать те вопросы, которые я наметил с самого начала. Но дело в том, что она отказалась отвечать на них так, как было нужно. И вдруг... как только он появился на процессе, она стала говорить совсем другое. Получается, он знал заранее.

— Ну и что? — улыбнулась она. — Это же мистер Милтон.

— То есть?

— Поэтому он и босс. Твой, Теда, Пола и прочих. А вы только сотрудники и партнеры.

Он с недоумением посмотрел на нее. Она говорила точно девочка.

— Впрочем, не переживай, — повернулась она к зеркалу. — Когда-нибудь ты станешь таким, как он. Разве это не чудесно? — Она замолкла, глаза сощурилась, будто бы вглядывалась не в зеркало, а в хрустальный шар, пытаясь предугадать судьбу и увидеть там будущее. — У тебя будет собственная фирма... «Кевин Тейлор и партнеры». Ты будешь посылать партнеров на поиски новых, подающих надежды адвокатов, как мистер Милтон отправил когда-то Пола к тебе, потому что к тому времени ты будешь знать, кого искать.

— Кого искать? Кто вбил тебе в голову эти глупости?

— Никто, глупенький. Хотя, Джин с Норой болтали что-то на эту тему недавно. Из меня просто иногда выскакивает. Они говорили, что мистер Милтон мечтает о дне, когда его партнеры станут самостоятельными. — Торжественно откинув голову, она зачитала воображаемые вывески: «Дейв Коутейн и партнеры», «Тед Маккарти и партнеры», «Пол Сколфилд и партнеры» и, конечно, «Кевин Тейлор и партнеры». Вы, четверо, будете править городом. Мистер Милтон начнет работать с новыми партнерами, и скоро в городе не найдется обвиняемого, который бы обратился в другую фирму, кроме ваших.

Она снова рассмеялась, легко и беззаботно, так что нельзя было понять, шутит она или всерьез. Потом обернулась к нему:

— Кевин, ты пойдешь в душ наконец?

Миг поразмыслив, он сделал решительный шаг к ней.

— Послушай, Мириам, все намного серьезнее, чем тебе кажется. Я чувствую это, пойми. Ты же всегда доверяла моему чутью, как я — твоему. Происходит что-то странное. Еще не знаю, что именно, но, вполне возможно, Хелен Сколфилд не сошла с ума, как мы думаем.

— Что? — она резко отвернулась от него. — Кевин Уингейт Тейлор, прекрати сейчас же эти издевательства и отправляйся в душ. Я тебя предупреждала, что голодна до чертиков. Жду тебя

в гостиной. Я буду играть на пианино и надеюсь, что ты появишься во всеоружии, прежде чем я успею доиграть концерт.

И с этими словами покинула его, совершенно голого, напротив зеркального трюмо.

Он оглядел себя в зеркале. Зеркальный двойник напомнил ему того, что трудился в его постели, в странных эротических сновидениях. После которых на теле Мириам оставались синяки. Впрочем, для Мириам это были не сновидения. Для нее все было реально, и даже слишком, судя по этим отметинам.

Он опять живо припомнил ту, первую ужасную ночь. Когда вернулся (как он думал) из пентхауза и увидел ее в постели с другим мужчиной... с самим собой. Что-то происходит. Или он сходит с ума... или она.

«Но если он уже оплодотворил ее, — сказала Хелен Сколфилд, — то уже слишком поздно». Он? Кого она имела в виду?

Он отвернулся от зеркала. Неужели такое возможно?

«Мы никогда не проигрываем», — сказал Пол Сколфилд. И все трое посмотрели с таким заносчивым видом.

«Ты выиграл одно из его дел. Теперь ты тоже принадлежишь ему, — прозвучали в глубинах сознания слова Хелен. — Будь ты проклят! Будьте вы все прокляты!»

И еще он вспомнил странное ощущение от слов мистера Милтона: «Теперь вы настоящий полноправный партнер Джона Милтона».

Он снова обернулся к зеркалу и оглядел себя.

О чем говорила Хелен? Что в нем изменилось? Почему он стал «другим»?

Отражение в зеркале не ответило, но даже в самих вопросах было что-то зловещее.

Он собрался с мыслями. Завтра он должен встретиться с Беверли Морган, пока она не уехала, и узнать, как мистер Милтон заставил ее поменять показания.

Он позвонил родителям — своим и Мириам, перед тем как отправиться отмечать победу на процессе. При этом ни словом не обмолвился о своих подозрениях. Единственное, что зацепило, — это фраза его матери:

— Теперь, когда ты закончил свое большое дело, Кевин, посмотрим, сможешь ли ты больше внимания уделять Мириам.

Значит, она тоже заподозрила, что с Мириам происходит что-то неладное?

— Что ты имеешь в виду, мама?

— Да голос у нее как-то странно изменился. Она все время такая возбужденная. Поверь материнскому инстинкту. Может быть, она перерабо-

талась, опекая тебя. Арлин тоже обратила на это внимание, только не хочет давить на тебя как теща.

— Но мне она говорила, что никогда еще не видела Мириам такой счастливой.

— Знаю. Я и не говорю, что она несчастлива. Просто... уделяй ей побольше внимания, ладно?

— Хорошо, мама.

— И поздравляю тебя, сынок. Я знаю, ты добился того, что хотел.

— Да. Спасибо.

Он понимал — мать говорит правду. Мириам стала другой, причем менялась так быстро, буквально на глазах, — что вселяло еще большую тревогу. Сперва он не замечал этого, глаза ему застил свет давно желанного богатства и благополучия. Он получил все, чего добивался долгие годы: деньги, роскошь, престиж. Да и у кого бы на его месте хватило здравого рассудка? Он сам привез ее сюда, сам подверг этим испытаниям. И все, что случилось — и случится, по большому счету — его вина.

В этот момент он развернулся — будто кто тронул его сзади за плечо.

— Фу. — Его взор устремился на террасу за стеклянной дверью. Снова на память пришел Ричард Джеффи, расставшийся здесь с жизнью... Что имела в виду Хелен, сказав: «Только у Ричарда хватило ума»?

— Я жду, милый, — позвала Мириам.

— Иду.

Покинув квартиру, они спустились к поджидавшему такси и отправились в «Ренцо», пятизвездный итальянский ресторан. По дороге он пытался хоть на время избавиться от нахлынувших подозрений.

В этот раз все прошло совсем по-иному, в отличие от памятного вечера в блисдейлском «Брэмбл Инн», где они праздновали защиту Лоис Уилсон. Куда-то подевалось ее беспокойство. Мириам уже не спрашивала, виновен ли клиент на самом деле? Само собой, она кое-что знала о деле из новостей, и никаких уточняющих вопросов с ее стороны не последовало.

Кевин должен был признать, что выглядит она великолепно, в новых ярко-красных брюках и свитере. Свитер был обшит полосками бисера, пересекавшимися на груди. Снова яркий макияж, к которому она привыкла последнее время, — и тут Кевину пришлось на ум, что помадой и румянами она маскирует свою необычную бледность, присущую ей в последние дни.

Обстановка в ресторане была далека от привычно-интимной: яркий свет, зеркальные стены. Несмотря на погоду, зал был полон, так что столики стояли почти вплоты.

Мириам была намного общительнее, чем тогда, в «Брэмбл Инн», и вообще, словоохотливей той, блисдейлской Мириам. Как мог он упустить столь

серьезные перемены? Он винил себя в невнимательности, в том, что слишком погрузился в работу. Он поражался тому, сколько у нее появилось новых связей, знакомых, приятельниц. Многие здесь, от метрдотеля до официантов, знали ее. Ей кивали и улыбались из-за столиков. Она объяснила, что они здесь часто обедают с Нормой и Джин, когда мужья задерживаются на работе.

Мириам ни минуты не сидела спокойно, все время смотрела на дверь, рассказывала о каждом новом вошедшем посетителе, кто с кем сядет, кто что закажет. Как это все было далеко от того ужина при свечах в «Брэмбл Инн»! Однако о Блисдейле она не упомянула ни разу.

Даже в постели, после того как они вернулись домой, Мириам была совсем другой. Она была беспокойной, требовательной и настойчивой. Она поворачивалась и выгибалась под ним, а затем взяла на себя командную роль, перекладывая его руки, чтобы он сжал ее, сдавил — и вообще, обращался более агрессивно. Он почти потерял интерес к сексу, чувствуя себя каким-то наемным жиголом, которого используют, чтобы выжать наибольшее удовольствие из полового акта. Не было ни чувства единства, ни захватывающего дух проникновения в тайну взаимности.

И, самое убийственное, — после всего этого она еще выглядела разочарованной и не добившейся цели.

— Что такое? Что с тобой? — допытывался он.

— Устала. Наверное, перебрала вина, — сказала она и повернулась к нему спиной. Он лежал, размышляя, боясь закрыть глаза, потому что, если они закроются... что-нибудь... случится... Наконец, он сам не заметил, как заснул, но проснулся в четвертом часу утра — и вдруг понял, что ее рядом нет.

Он прислушался: странный шум откуда-то из коридора. Вскочив, он набросил халат и выбежал в прихожую. Здесь и в гостиной горел свет. Очередной эротический эпизод? Он опять спит — и все это снится? Сердце тревожно билось — пока он не увидел Мириам в дверном проеме. Открыв дверь и держась за ручку, она выглядывала на лестничную площадку.

— Мириам, что случилось?

— Это Хелен, — ответила она, обернувшись.

— Что с ней?

Он выглянул из-за ее плеча. На площадке торчали Норма и Джин, тоже в халатах.

— Она взбесилась, — сказала Норма. — Ударил миссис Лончем ножницами.

— Что-о?

В этот момент дверь в квартиру Сколфилдов распахнулась, и двое санитаров выкатили Хелен, пристегнутую ремнями к носилкам. Она была плотно спеленута — как поступают с буйно помешанными. Следом шли Пол, Дейв и Тед, очевид-

но, принимавшие участие в усмирении. Хелен мотала головой из стороны в сторону, словно не желая смириться с реальностью происходящего. Кевин протиснулся мимо Мириам и подошел к Полу.

— Совсем плохо, — сказал тот. — Она поднялась с постели только для того, чтобы наброситься на сиделку. К счастью, рана незначительная, но дома держать ее больше нельзя. Они накачали ее успокоительными препаратами, но и это слабо помогает.

Двери лифта раскрылись, и санитары стали заталкивать носилки в кабину. Пол повернулся к Дейву и Теду.

— Не стоило так беспокоиться. Уже поздно. Я сам справлюсь.

— Уверен, что все в порядке? — спросил Тед.

— Никаких проблем. Спите спокойно. Утром все расскажу.

Он встал рядом с носилками. Санитары стали разворачивать тележку, чтобы освободить ему место в лифте. В этот момент Кевин увидел лицо Хелен Сколфилд. Глаза их встретились. Затем она испустила дикий вопль. Пронзительный, душераздирающий крик, от которого он содрогнулся. Даже после того как двери закрылись и лифт устремился вниз, он все еще слышал ее вопль, замиравший в глубинах этажей.

— Так и знал, что этим кончится, — пробормотал Дейв, отворачиваясь.

— Какая досада, — сокрушенно покачал головой Тед. — Джин?

— Пойдем.

Три женщины обнялись у дверей Кевина и Мириам, и все разошлись по своим квартирам. Кевин посмотрел им вслед.

— Кевин?

Он оглянулся на Мириам и затем снова посмотрел на дверь Сколфилдов. А где же сиделка? — задумался он. Санитары увезли только одни носилки. Если ее ранили, почему о ней никто не позаботился? Он направился к соседской двери.

— Кевин, куда ты? Что ты собрался делать? Кевин!

Он постучал в дверь и прислушался. Там не было слышно ни шума, ни движения. Никто не откликнулся. Он нажал кнопку звонка.

— Кевин? — позвала Мириам из прихожей.

Он по-прежнему не слышал ни звука.

Он повернулся к ней.

— Они лгут, — сказал Кевин.

— Что-о?

Он прошел мимо нее в квартиру.

— Кевин? — Она последовала за ним через коридор в спальню. Он опустился на кровать, разглядывая руки. Попробовал снять кольцо,

но то ли палец распух, то ли что еще — но оно не поддавалось и сидело на мизинце как влитое.

— Кевин, о чем ты говоришь? Ты же сам видел, в каком она состоянии.

— Они все лгут. Они знают, что она сообщила мне что-то. Им рассказала сиделка.

Мириам встряхнула головой:

— По моему, ты сам сходишь с ума, Кевин. Меня это очень пугает.

— Ладно, — он встал, сбрасывая халат. — Я и не ожидал, что ты поймешь, о чем я говорю, Мириам. Но завтра я разберусь во всем. Теперь давай спать.

— Весьма неплохая мысль, — поддержала она и пошла выключать свет.

Утром Кевин позвонил в офис и предупредил Диану, что не выйдет на работу.

— Мне нужно взять отгул, — сказал он.

— Понятное дело. Мистер Милтон сегодня тоже не появится. Там случилось что-то ужасное с женой Сколфилда?

— Ах, вы уже об этом знаете?

— Да, мистер Маккарти звонил. Хотя это, может, и к лучшему. Может быть, там ей помогут.

— О да, без сомнения, — отозвался он, не подумав, что она может заметить сарказм в его словах.

Он надел пальто, но Мириам даже не спросила, куда он уходит. Кевин не стал добровольно выдавать информацию о своих последующих передвижениях. Да и ей, по-видимому, было не особенно интересно. Когда он уже был на пороге, позвонили Норма и Джин, и они уже составляли планы на текущий день — так что им было чем развлечься, не обращая внимания на его скромную персону.

— Да и потом, — донесся голос Мириам из гостиной, — надо как-то развеяться после событий сегодняшней ночи.

— Вижу, ты переполнена сочувствием, — заметил Кевин, когда она положила трубку.

— Ну а что мы можем поделать, Кевин? Как будто что-нибудь зависит от нас. Белью не то заведение, куда можно заявиться со светским визитом, а посылать ей туда цветы или конфеты и во все не имеет смысла.

— Не имеет смысла, — повторил он, разглядывая новые чернеющие отметины на ее молочной белизны коже. На этот раз синяк красовался на левой икре.

— А на тебе опять синяк, — указал он.

— Что? — Мириам посмотрела на ноги. — И в самом деле, — сказала она, издав неловкий смешок.

— Тебя это не беспокоит? Я же говорил, тебе нужно лучше питаться. Может быть, посоветоваться с диетологом?

Посмотрев на него некоторое время, она усмехнулась.

— Кевин, не будь таким мнительным. Подумаешь, какая ерунда. У меня такое уже случалось, особенно накануне месячных.

— А у тебя месячные? — быстро спросил он.

— В завершающей стадии. — В глазах ее промелькнул озорной огонек. Однако он сохранял серьезность.

— Я позвоню, — пообещал он, выходя на площадку.

Он спустился на этот раз прямо в подземный гараж, где взял машину с парковки и выехал, направляясь в пригород, для разговора с Беверли Морган.

В это свежее зимнее утро облака застыли, точно вмерзшие в темно-синее небо. По пути Кевин прокручивал в голове события последних месяцев, размышляя о вещах, теперь не дававших ему покоя, хотя раньше, как он был вынужден сознаться, он их умышленно игнорировал.

Откуда «Джон Милтон и компания» узнали об их существовании? Откуда у них были сведения о деле Лоис Уилсон? Где они успели изучить вкусы и пристрастия молодоженов, позаботившись даже о такой мелочи, как спинет в гостиной? Слишком неестественными казались ему теперь эти совпадения и улыбки фортуны. Или Мириам права, и у него паранойя? И все

это вызвано безумным лепетом душевнобольной Хелен? А он просто переусердствовал на работе.

Должно же быть какое-то логическое обоснование тому, что Беверли Морган изменила показания. Или она не доверяла молодому адвокату? В таком случае он и сейчас ничего от нее не добьется.

Кевин въехал в Мидлтаун и остановил машину перед небольшим особняком. Окна были плотно зашторены, и света в доме не было. Худощавый чернокожий мальчик лет десяти подозрительно уставился на него с соседского крыльца, когда Кевин, выбравшись из машины, подошел к двери особняка сестры Беверли Морган. Постучав, он подождал. Стук эхом раскатился и замер в пустом доме. Он сделал еще одну попытку и заглянул в окна.

— Их нет дома, — подал голос мальчишка с крыльца. — Они уехали на «скорой».

— На «скорой помощи»? — Кевин быстро двинулся в его сторону. Мальчишка попятился, испуганный этим внезапным порывом. — А что случилось? Что-нибудь с миссис Морган?

— Она напилась и упала с лестницы, — сказал мальчишка, катая игрушечную пожарную машину по ободранному поручню подъезда.

— Понятно. Так ее повезли в больницу?

— Ага. Моя мама тоже поехала. Она повезла Черил.

Видимо, так звали сестру Беверли, приютившую ее.

— А в какую больницу, не знаешь?

Мальчишка пожал плечами.

— Впрочем, здесь, может, всего одна больница на всю округу, — пробормотал Кевин и затормозил в машину. На первом же перекрестке он нашел указатель к больнице «Хортон Мемориал» и направился туда, выжимая скорость.

Пожилая регистраторша, в розовом халате, с круглым добрым лицом, не могла дать ему информации, где находится Беверли Морган.

— Может, она еще в приемном блоке, — предположила она в качестве объяснения того, что Беверли Морган в списках не значится. Она указала ему направление, и Кевин зашагал по длинному широкому коридору.

Его поразила бурная деятельность, кипевшая вокруг. Маленький городок или не маленький, а в приемном покое везде творится одно и то же, подумал он. Медсестры носились от одной смотровой палаты к другой. Затурканный ординатор, молодой специалист, просматривал карточки, слушая медсестру, перечислявшую симптомы. Никто даже не обратил внимания на появление постороннего. Он заметил двух чернокожих женщин возле смотровой палаты напротив пожарного выхода. Они о чем-то беседовали. Кевин направился к ним.

— Прошу прощения...

Они удивленно повернулись к незнакомому молодому человеку.

— Вы не скажете, Беверли Морган сюда привезли?

— Конечно. А кто вы?

— Кевин Тейлор, адвокат. Я защищал Стенли Ротберга.

— А-а, ну, конечно, чего же вы еще хотите от моей сестры? Она же все рассказала вам в суде, правда?

— Как ее состояние?

— Будет жить, — усмехнулась сестра. — Но только не в моем доме, если не откажется от своих привычек.

Он кивнул и перевел взгляд на вторую женщину, которая уставилась на него точно на сумасшедшего.

— Вы не против, если я поговорю с ней пару минут?

— Она еще не прочухалась, хотя после падения с лестницы вроде немного протрезвела, — сказала сестра.

Кевин, не раздумывая, устремился в смотровую палату.

Беверли Морган лежала на складных носилках, на которых ее доставила сюда карета «скорой помощи», укрытая тонким одеялом. Голова ее была перебинтована, и сквозь марлю проступало

кровавое пятно. Она неподвижно смотрела в потолок. Сестра и соседка вошли следом, остановившись на пороге. Он медленно приблизился к потерпевшей.

— Беверли? — окликнул ее Кевин. — Как вы себя чувствуете?

Она сморгнула, но не шелохнулась и не повернула головы в его сторону.

— Я — Кевин Тейлор. Мне нужно спросить вас кое о чем. Беверли, вы меня слышите?

Она чуть повернула голову.

— Она пьяна и не слышит вас, мистер. Она даже не понимает, где находится. Вниз головой по всем ступенькам. Счастье еще, что жива.

— Беверли, — продолжал он, не обращая внимания на сестру. — Вы же видите меня. Или хотя бы слышите. Вы знаете, кто я. Процесс закончился, но вы должны ответить мне на один вопрос, это очень важно.

Она еще немного пошевелила головой.

— Это он вас прислал? — спросила она хриплым шепотом.

— Кто? Джон Милтон?

— Он прислал вас? — снова спросила она. — Зачем? Чего ему еще надо от меня?

— Никто меня не присылал, Беверли. Я сам пришел. Ответьте мне, пожалуйста, почему вы изменили показания на суде? Это была правда? Или все-таки правда то, что вы мне рассказывали, когда я навещал вас в доме сестры?

Она уставилась на него, и в этот момент он понял, что эта поездка была бесполезной затеей.

— Так это не он вас прислал? — вдруг спросила она несколько изменившимся голосом.

— Нет, я же говорю, я приехал сам, по собственной инициативе. Я хочу знать правду, и только правду. Это уже никак не скажется на результатах процесса, и все же мне совершенно необходимо узнать, как все было на самом деле. Вы помогли мне выиграть дело, но это не имеет значения, мне нужна правда. Ведь вы солгали тогда, в зале суда?

Слезы покатались из воспаленных глаз негритянки.

— Эй, мистер, чего вы пристали к моей сестре?

— Ничего, — огрызнулся он. И обернулся к ним. — Мне нужно получить от нее определенный ответ. Это крайне важно. Беверли, так вы говорили неправду? Говорили? — не отставал он.

Беверли кивнула.

— Я так и знал. Но почему? Вас подкупили? Вам что-то обещали?

— Он знает, — прошептала она.

— Знает что?

— Мистер, вам лучше оставить ее в покое!

— Что он знает? — настаивал он.

Ее пухлые губы зашевелились. Кевин наклонил голову. И она прошептала ему все на ухо, как на исповеди священнику. После чего отвернулась.

— Но откуда он мог все это знать? — поразился Кевин.

Она не отвечала — да ему и не нужно было ответа. В глубине души он знал его.

Станным было это возвращение в город. Он так погрузился в мысли, что не замечал дороги. Внезапно перед ним вырос мост Джорджа Вашингтона. Он содрогнулся. Показалось, будто его кто-то перенес сюда, в один миг. Может, так оно и было. Последнее время реальность и иллюзия странным образом перепутывались в сознании. Нечто магическое присутствовало во всех событиях. Кто он такой — мистер Милтон: необычайно проницательный человек со сверхъестественными способностями или же... нечто большее? И человек ли он?

Иначе как он мог узнать о грехах Беверли Морган, таившихся в ее душе до этого самого дня? Откуда он мог знать, что она обкрадывала мать Максин Шапиро, ухаживая за престарелой леди после того, как ту постиг удар? А потом продолжала воровать у ее дочери: деньги, украшения. Она не постеснялась снять драгоценности с мертвого тела. Она была не просто воровкой, но еще и мародером. Зная об этом, Джон Милтон запросто мог добиться от нее любых признаний, намекнув, что, если ее темные делишки будут вскрыты

на суде, подозрения в убийстве падут прежде всего на нее. Причем не в убийстве по небрежности, вызванной алкоголизмом, а в преднамеренном, спланированном убийстве. Оттого она так боялась процесса. Тем более, оказывается, Максин знала про воровство, так же как и то, что она сделала с матушкой Шапиро, да простит ее Господь.

Увеличив дозу сердечно-сосудистой настойки из наперстянки, можно добиться летального исхода, причем смерть будет выглядеть совершенно естественной для «сердечника», если у патологоанатома не появится причин для дополнительных исследований. Так что Беверли слегка подтолкнула старую леди на небеса, как только у той появились подозрения.

Кевин выслушал ее признание, но, в отличие от исповедника, не мог дать ей отпущения грехов, поскольку сам не имел надежды, что ему когда-либо простится все, что он сделал.

Но сейчас у него не было времени думать о себе. Предупреждение Хелен касалось прежде всего Мириам — это ей грозила смертельная опасность. Хелен сказала, что с ней будет то же самое, что произошло с женой Ричарда Джеффи. Как много из того, что он чувствовал и знал сейчас, знал Ричард Джеффи?

Теперь, когда его сомнения насчет фирмы и партнеров достигли апогея, он решил заглянуть в контору и провести собственное расследование.

Уже имея представление, где искать, он понимал, что нужны конкретные улики, чтобы убедить Мириам, чтобы вообще объяснить кому-нибудь, что здесь происходит.

Диана была удивлена его появлением.

— А сегодня никого нет, мистер Тейлор, — сказала она. — Вот и мистер Маккарти только что вышел.

Кевин и сам прекрасно знал об этом: приметив Теда на выходе, он спрятался за угол, чтобы избежать встречи.

— Ничего страшного. Я просто хотел навести кое-какие справки по делу.

Ответив улыбкой, она сокрушенно покачала головой:

— Слышали последние известия о миссис Сколфилд?

— Нет. Я был за городом. А что случилось?

— Она в коме. Уже никого не узнает. Собираются применить электрошок — это последняя надежда, — по секрету сообщила она.

— Мда, — произнес он. — Плохо дело. Мистер Сколфилд по-прежнему в больнице?

— Да. Вам чем-нибудь помочь, мистер Тейлор? Венди сегодня ушла пораньше.

— Нет, спасибо, я справлюсь, — ответил он, направляясь к себе в кабинет, где на столе обнаружил новую папку с приколотой запиской: «Кевин, это новое дело, для вас. Обсудим сегодня».

Само собой, мистер Милтон не собирался обсуждать дело до завтрашнего дня — папка была приготовлена заранее, никто не ждал, что он появится сегодня на работе. Открыв ее, он проглядел первую страницу.

Элизабет Портер, сорока восьми лет, хозяйка меблированных комнат для престарелых, и Барри Мартин, ее помощник, были арестованы по обвинению в убийстве четырех стариков. Мотивом преступления послужили чеки социального страхования, которые получали пенсионеры. Все четыре жертвы были найдены зарытыми в подвале того же самого дома, где они проживали. Кевину предстояло защищать пособника, который, очевидно, решил все свалить на бывшую любовницу, чтобы спасти свою шею.

Материал в папке содержал подробные психологические портреты убийц, сведения о жертвах и пестрые биографии владелицы дома и ее подручного. И снова было очевидно, что материал был подготовлен заранее. Это раздуло его подозрения, и он тут же, не мешкая, направился в компьютеризованную служебную библиотеку. Войдя, Кевин щелкнул выключателем. Неоновые лампы замерцали и озарили вытянутую узкую комнату с книжными стеллажами. Выдвинув стул, он сел за клавиатуру. Экран подмигнул и вспыхнул.

Секретари оставляли образец запроса перед клавиатурой для быстрого поиска источников

и ссылок. Разобравшись, что к чему, Кевин выбрал нужное сочетание клавиш и вывел на экран меню файлов, находившихся на жестком диске компьютера. Он хотел просмотреть последние дела и историю фирмы. Тут он увидел, что дела подшиты по субдиректориям — именам адвокатов, которые ими занимались. Поскольку Пол первым вступил в контору Милтона, он запросил сначала его дела.

Он быстро пролистывал дела, обращая внимание лишь на имена клиентов и результаты. Затем он перешел к архиву Теда и закончил Дейвом. Чем дальше, тем больше его подозрения усиливались. И тем больше крепла его уверенность, посевная в сердце словами пожилой негритянки Беверли. Каждый клиент, за дело которого брались «Джон Милтон и партнеры», или подпадал под минимальный срок и ответственность, или оправдывался в результате юридических ухищрений. Никто не мог упрекнуть «Джона Милтона и партнеров» в том, что они не приложили всех усилий для оправдания своих клиентов.

Неудивительно, что эти трое так заносчиво утверждали: «Мы никогда не проигрываем». Они все знали наперед. Они просто не могли проиграть. И не проигрывали.

Тут Кевин увидел свое имя и запросил свою папку. Открыв ее, он был ошарашен. Первым там стояло дело Лоис Уилсон. Какое оно имело

отношение к конторе Джона Милтона? За ним, само собой, уже шло дело Ротберга, и даже введен исходный материал по новому делу о трупах в подвале — которое он, по идее, должен был получить только завтра.

Но больше всего его потрясло другое. Кровь хлынула к вискам, когда Кевин увидел оправдательный вердикт. Он еще не приступал к делу, а подсудимый был уже оправдан. Откуда такая уверенность? Ведь он может просто запороть процесс. Или обвинитель неожиданно представит факты, с которыми они незнакомы. Разве это исключено? Прежде чем дело дойдет до суда, может произойти все, что угодно. Как это могло пасть сюда?

Он отодвинулся от компьютера, задумчиво грызя ноготь. Затем снова запросил главное меню файлов. Одна из папок привлекла его внимание. На ней было написано «Будущее».

Он запросил ее и в нетерпении ждал появления на экране. Сердце учащенно билось, когда он открыл первую страницу. Затем медленно перечитал, отмечая даты. Он не мог поверить.

Фирма «Джон Милтон и партнеры» имела составленное на два года вперед расписание будущих процессов, основанных на еще не совершенных преступлениях!

— Я ухожу, мистер Тейлор, — раздался голос Дианы.

Он вздрогнул и нервно оглянулся на дверь библиотеки. Она появилась внезапно и незаметно — или он так увлекся, что не заметил ее появления. Он даже не слышал ее шагов по коридору. Красотка секретарша улыбнулась ему невинной улыбкой. По-видимому, ей дела не было до того, чем он занимается и что ищет. Возможно, она не знала. А может, и никто из них не знал.

— Ах да, конечно, Диана. Я тоже скоро уйду. Посижу еще пару минут.

— Можете не торопиться, мистер Тейлор. Просто захлопните дверь, когда будете уходить.

— Спасибо. Кстати, а где сегодня мистер Милтон?

— У него были назначены встречи по всему городу, но он в курсе всего, что случилось за сегодняшний день. Про жену мистера Сколфилда он тоже знает. Завтра он обязательно будет на месте. Ну, до утра, — попрощалась она.

— Спокойной ночи.

Он подождал, пока она выйдет, прежде чем вернуться к экрану монитора. Никто не поверит, если не увидит это собственными глазами. Он попытался распечатать файл «Будущее», однако компьютер ответил однозначным: «Файл не отформатирован для принтера». Пока он стал разбираться, в чем дело, экран внезапно опустел. Он снова вывел на экран список файлов и хотел открыть «Будущее», но в этот раз компьютер потребовал пароль.

Странно. Как же он смог первый раз открыть файл без пароля? А теперь, значит, никак нельзя? Кто мог поставить пароль — в конторе никого нет! Может быть, это компьютерная система среагировала на проникновение? Может быть, этот файл просто никто никогда не открывал? Похоже, компьютер либо издевался над ним, либо был частью этой... дьявольщины.

Он отдернул пальцы от клавиатуры, опасаясь каких-то действий со стороны компьютера. Однако экран продолжал невинно мерцать. Он pokrutil головой. Безумие, вот как это называется. Охватившая его параноя в последнее время резко усиливалась. Поспешно выключив компьютер, он направился в свой кабинет, чтобы позвонить Мириам.

На четвертом сигнале откликнулся автоответчик. Каким-то приторно-неузнаваемым голосом

она просила звонившего оставить имя, номер и сообщение. Затем, издав короткий смешок, сказала «спасибо», после чего прозвучал сигнал записи. Он сжал трубку в руке, прислушиваясь к шипению пленки на кассете. Почему этот так хорошо знакомый голос кажется ему теперь чужим и далеким? Или прежде он находился под влиянием неведомых чар, не замечая в нем изменений? Чары, которые мгновенно перестали действовать, едва он ощутил вину за то, что творит?!

Его прошиб холодный пот, и капли попали за воротник. Он тупо держал трубку в руке, не решаясь говорить, — он не хотел оставлять никакого сообщения. Ему нужна была живая Мириам. Где она? Снова отправилась париться в пентхауз? Может быть, с «ним»? Что за власть у него над женщинами, и почему остальные партнеры не замечают этого, или, если они знают, то почему ничего не предпринимают? Три умных, сообразительных адвоката — неужели они совершенно слепы и не видят того, что видит он? Им нельзя доверять, решил он. Никому из них, особенно Полу, потому что это Пол привел его сюда, и Пол позволил упечь собственную жену в Бельвию.

Что ему теперь делать со всем тем, что он узнал? Немного подумав, он посмотрел на часы и затем стал листать справочник, в поисках служебного телефона окружного прокурора. Как только на другом конце провода откликнулся

голос секретаря в приемной, он попросил соединить его с Бобом Маккензи. Его переключили на секретаря Маккензи.

— Он только что ушел, — ответила ему секретарша. — Оставьте номер, и он непременно позвонит вам завтра утром.

— Нет! — он чуть не закричал. — Мне нужно поговорить с ним немедленно, девушка, понимаете, прямо сейчас. Дело крайней важности. Пожалуйста...

— Минуту. — Судя по всему, она зажала трубку ладонью и разговаривала с самим Бобом Маккензи, который еще не ушел, а, видимо, стоял в приемной, у ее стола. — Хорошо, — откликнулась она. — Мистер Маккензи сейчас будет на линии.

Секунду спустя Боб Маккензи в самом деле взял трубку.

— Кевин, что случилось?

— Знаю, что вы уже собирались домой, но, поверьте, Боб, я бы не стал звонить, не будь положение столь критическим.

— Да, я в самом деле уходил. А в чем дело?

— Оно касается всех уголовных дел, проходивших через контору Джона Милтона, в которых принимали участие не только вы, но и прочие помощники окружного прокурора, — торопливо зашептал Кевин в трубку, не сводя глаз с двери.

Последовала продолжительная пауза.

— Заверяю вас, вы не пожалеете, если встретитесь со мной, чтобы выслушать подробности.

— Как скоро вы доберетесь? Я должен быть дома вечером.

— Дайте мне двадцать минут.

После еще одной паузы Маккензи отозвался:

— Хорошо, Кевин. К этому времени все уже уйдут, так что заходите прямо ко мне в кабинет. Третья дверь слева.

— Бегу. Спасибо.

Бросив трубку, он заторопился к выходу, выключая по дороге свет. Уже приближаясь к двери приемной, он оглянулся на темный коридор. Может быть, с ним сыграли злую шутку перевозбуждение и усталость, но в этот миг ему показалось, что из щели под дверью библиотеки пробивается голубое свечение монитора. Но он точно помнил, что выключил его, и потому не стал задерживаться.

Говоря Маккензи про двадцать минут, он не учел пробки в конце рабочего дня. Прошло почти сорок минут, пока он припарковался в гараже, обслуживающем прокурорский офис. Выскочив из машины, он почти побежал по вестибюлю к лифту. Поглощенный желанием встретиться с Маккензи как можно скорее, он даже не подумал по дороге, как будет излагать свои странные откры-

тия. И вот, уже у самой двери, рука его замерла над ручкой. Его переполняло желание высказаться, но он совершенно не представлял, как это все подать, чтобы его рассказ показался хоть маломальски достоверным.

«Он решит, что я сбрендил, — подумал Кевин. — Он не поверит ни единому слову. И я бы тоже на его месте не поверил, если бы все это не приключилось со мной. Но я должен рассказать хоть кому-нибудь, хоть с кем-то поделиться этой страшной правдой. Лучше всего — с тем, кто может предпринять дальнейшее расследование».

И лучше всего на эту роль подходил человек, которого «Милтон и партнеры» не раз тыкали лицом в грязь и подвергали публичному позору. Он решительно распахнул дверь и вошел. Свет в приемной прокурора по-прежнему горел, но секретаря за столом не было. Кевин поспешил к третьей двери и открыл ее.

Маккензи стоял у окна, глядя на потемневший сумеречный город, заложив руки за спину. Высокая худощавая фигура резко обернулась: Маккензи вскинул брови. Кевину показалось, что лицо прокурора вытянулось, стало более мрачным, чем обычно, глаза как-то запали и потускнели.

— Простите. Застрял в пробках.

— Я это предвидел. — Прокурор посмотрел на часы. — Ладно приступим прямо к делу. Я позвонил жене, но совсем забыл, что у нас сегодня гости.

— Еще раз извините, Боб. Я бы не стал отвлекать...

— Садитесь, Кевин. Точнее, присаживайтесь. Я вас слушаю. Что вы там такое откопали? — Он приблизился к своему креслу.

Кевин занял место напротив и откинулся, чтобы перевести дыхание. Он запыхался, преодолев весь путь от гаража почти бегом.

— Не знаю, с чего начать. Не придумал, как вам изложить все это, уж больно странная история. Вам может показаться...

— Переходите прямо к сути, Кевин. Детали обсудим потом.

Кевин кивнул, сглотнул ком в горле и подался вперед.

— Все, чего я прошу, — дайте мне шанс, — поднял он руку жестом уличного полицейского. — И ничего не упускайте из моего рассказа, хорошо?

— Слушаю вас очень внимательно, — сухо откликнулся Маккензи, снова поглядывая на часы.

— Боб, в одном я уверен окончательно: я пришел к заключению, что Джон Милтон — злонамеренный, порочный человек со сверхъестественными способностями. Возможно, он даже не человек, или, если это не смутит вас, — он больше, чем человек. Возможно — он олицетворение падшего ангела, самого Сатаны.

Маккензи бесстрастно смотрел на него, ни дрогнув ни единым лицевым мускулом. Отсут-

ствие пренебрежения или смеха воодушевило Кевина.

— Сегодня я был у Беверли Морган. Видите ли, я был не меньше вас поражен ее свидетельскими показаниями. Беседуя с ней накануне суда, я выяснил, что она отвергает версию Ротберга, целиком и полностью. Она выказала глубокую неприязнь к этому человеку и не желала принимать участие в том, что могло бы ему помочь.

— Да, но, вполне возможно... она испытывала угрызения совести... Вы не хуже меня знаете, что такое часто случается, уже на процессе. Свидетели упираются до последнего момента, но вдруг на них воздействует то ли атмосфера зала суда, то ли страх перед законом — для того и существуют процессы. Большинство раскаяний в преступлениях происходит именно в зале суда. — Маккензи пожал плечами. — Так что она просто могла не устоять.

— Мистер Милтон переслал мне записку, тогда, перед последним допросом свидетеля. Он заранее знал, что она скажет. Он знал, что она переменит показания.

— И вы приписываете это неким сверхъестественным способностям?

— Это еще не все. Сегодня я был у нее. Беверли Морган чуть не сломала себе шею, свалившись с лестницы... в подпитии, разумеется, но тут тоже есть нечто загадочное — это произошло как раз пе-

ред моим приездом. Она пересчитала головой ступени и была доставлена в приемный покой. Так что дома я ее не застал... Возможно, считая, что ее смертный час близок, а может, оттого, что, как вы говорите, ее посетило раскаяние, она призналась мне во всем. Да, это была исповедь: человек, тем более в таком состоянии, не станет возводить на себя напраслину.

— Возможно, и станет: если вы говорите, что она ударилась головой...

— Нет, Боб, поверьте. Я видел ее глаза. Я слышал этот голос. Она раскрыла мне свое преступное прошлое. Боб, — Кевин подался к нему через стол, — она призналась, что убила мать Максина Шапиро, когда та открыла, что сиделка обворовывает ее. Она дала ей избыточную дозу настоя наперстянки, которая может оказаться смертельной для сердечника. Никто ничего не знал: она была вне подозрений. Потом она точно так же грабила Максина, прихватывая у той то деньги, то драгоценности.

— Так она и ее убила?

— Нет, Максина ни в чем ее не подозревала или, во всяком случае, не придавала этому значения. Стенли Ротберг убил свою жену. Я в этом убежден, как и в том, что мистер Милтон знал это. Более того — он знал об этом заранее.

— То есть как — заранее?

— Он знал, что это убийство произойдет.

— Что вы такое говорите? — Маккензи отодвинулся, — Джон Милтон замешан во всем этом?

— В некотором смысле, я подозреваю, что так оно и есть. Не хотелось бы говорить о мистике с вами, представителем государственного обвинения, но... Ему ведом потенциал зла в наших душах. — Кевин задумался. Затем он быстро вскинул глаза на прокурора. — Сначала я решил, что это опечатка, когда впервые взял в руки папку с материалами по Ротбергу... Дело в том, что Джон Милтон уже заранее собрал информацию по этому убийству — убийству, которое еще не случилось. Максин Ротберг была еще жива — а материал уже готов. Как вам такое? Он знал, что она будет убита и что Стенли обвинят в ее смерти.

— Либо вы оказались правы, когда думали, что это опечатка, — сказал прокурор мягко.

— Нет, я скажу вам, почему я в этом уверен. Он не просто знает наперед злые дела, которые свершатся, ему ведомо зло, которое сделано и таится в наших сердцах. Он шантажировал Беверли Морган. Он знал, что она сделала, — и она понимала, что противостоит ужасной дьявольской силе. Поэтому она подчинилась и сделала то, что он хотел.

— И все это она рассказала вам сегодня в больнице?

— Да.

— Кевин, вы же сами сказали, что она была подшофе, и к тому же разбила голову о лестницу.

Я уже был готов тогда, на процессе, поставить под сомнение ее показания, на основании того, что она ограниченно дееспособная алкоголичка, но тогда встал бы вопрос — для чего я ее вызывал? К тому же я предчувствовал, что вы сможете использовать это в своих целях, чтобы вызвать подозрения, будто это она по неосторожности всадила Максина Шапиро смертельную дозу инсулина. Но что она может свидетельствовать против такой фигуры, как Джон Милтон?

— Боб, «Джон Милтон и партнеры» выигрывают каждое дело, за которое берутся, — возразил Кевин. — Если вы просмотрите криминальный архив, то сами убедитесь в этом. И обратите внимание на клиентов этой фирмы: на многих из них лежит несомненная вина, однако обвинения были сняты либо...

— Но это же ваша работа, Кевин. Любой адвокат стремится всеми силами защитить, если не оправдать клиента.

— ...либо они изыскивают способы избавиться от нежелательных свидетелей.

— Это лишь говорит о блестящей адвокатской работе и высоком профессионализме. Видите ли, Кевин, прокуратура и адвокатура — это как два ножа, которые беспрерывно точатся друг о друга. Чем изощреннее адвокаты, тем изощреннее — со временем — становятся прокуроры. Это их работа. И мы понимаем это. И ценим. Точно так же

и я наступаю на хвост сыску, не давая им расслабиться и указывая на ошибки, — и они ненавидят меня за это.

— Я все прекрасно понимаю. Я понимаю, — нетерпеливо сказал Кевин. — Но здесь гораздо большее, Боб. Все они — и особенно он — испытывают особое удовольствие, избавляя виновных от наказания. Он самый настоящий защитник зла, адвокат дьявола. Если не дьявол собственной персоной.

Маккензи кивнул и придвинулся к столу.

— Что вы еще можете сказать в подтверждение этой невероятной истории, Кевин?

— Я только что из офиса. Заходил туда посмотреть компьютерный архив. Как я уже говорил, ни одного проигранного дела. Я тоже внесен туда, но не только в связи с процессом Ротберга. Они записали на меня первое уголовное дело, которым я занимался еще на Лонг-Айленде.

— Защита школьной учительницы, обвиненной в сексуальных домогательствах в отношении несовершеннолетних. — Кевин уколол помощника прокурора взглядом. — Я дал своим работникам задание составить на вас досье, Кевин. Мне надо было знать, с каким адвокатом предстоит столкнуться на процессе.

— Странная получается картина — как будто уже на том процессе я работал на фирму Джона Милтона. Вам это разве не кажется странным?

С чего бы им вносить в свои списки дело, которое фактически не имеет к ним никакого отношения? Объяснение тут может быть только одно.

— Не понимаю.

— Просто я в глубине души осознавал ее виновность. Я был уверен, что она совращает девочек, однако намеренно проигнорировал внутренний голос, чтобы разбить линию обвинения в том месте, где чувствовал ее слабость.

— За то вам и платят, — сухо изрек Маккензи.

— Да, но тогда мне было еще невдомек, что мне уже присмотрели место в конторе Джона Милтона, фирме, что занимается поиском адвокатов, которые в глубине души переступили барьер. Но дело даже не в этом. Что меня потрясло более всего — это папка с названием «Будущее». Она содержит список преступлений, которые будут совершены в ближайшие пару лет, с именами клиентов, которые к нам обратятся.

— Прогнозы?

— Это не просто прогнозы — это предсказания всех грядущих грабежей, изнасилований, убийств, вымогательств, растрат — полный набор. Это смотрится как план учебных занятий в Адском Университете.

— То есть в самом деле имена — и обвинения?!

— Вот именно.

— Вы сняли копию?

— Пытался, но компьютер тут же заглохло, а потом, как я ни старался, файл невозможно было вывести на экран, но, если вы этим займетесь...

— Полегче, Кевин. Вы что, хотите, чтобы я появился в контору Джона Милтона с повесткой, для того чтобы просмотреть на компьютере список преступлений, которые еще не совершены? Да и вообще, если он располагает такими силами, о которых вы тут говорите, он уничтожит все улики еще до того, как я войду, разве не так?

Кевин кивнул с возрастающим отчаянием.

— Жена Пола Сколфида в Бельвю, — вдруг вырвалось у него. — Она тоже говорила накануне вечером, что Джон Милтон — персонификация зла и что все находится под его чарами, включая жен сотрудников. И еще она сказала, что это он погубил Ричарда Джеффи.

— Она сказала, что он столкнул Ричарда Джеффи с балкона?

— Не буквально, нет. Ричард не мог пережить смерти жены, которая случилась, как он считал, по его вине. К тому же он не мог пережить раскаяния по поводу своей работы в конторе Джона Милтона. Хелен высказалась в том смысле, что Ричард — единственный, кто сохранил разум. Это его и погубило.

— И все это вам рассказала Хелен Сколфилд?

— Именно.

Маккензи утвердительно кивнул и снова подался вперед, сложив на столе ладони.

— Милт Краммер рассказывал о ней сегодня. В нашей среде «законников» новости распространяются быстро. У нее был нервный срыв?

— Это просто маскировка. Они решили ее убрать с глаз долой.

— Значит, утверждаете, замешаны все: Дейв Коутейн, Тед Маккарти и Пол Сколфилд?

Кевин кивнул:

— Я убежден.

— И их жены?

— Насчет жен не уверен.

— Особенно насчет жены Пола, не так ли?

— Понимаете, она специально нарисовала картину, которая...

Он осекся. По виду Маккензи, по его участливому покачиванию головой он понял, что проиграл.

— Давайте не горячиться, Кевин. Успокойтесь и давайте обсудим, что вы мне тут рассказали. Ладно?

— Боб, вы должны выслушать меня.

— Я слушал и даже не смеялся над вами, не говоря уже о том, чтобы вызвать людей в белых халатах, не так ли?

— Да.

— Вот и хорошо. Вы все выяснили. Беверли Морган, очевидно, лгала под присягой, чтобы

спасти свою шкуру. Джон Милтон знал о ее преступлениях. Пользовался ли он при этом какими-то сверхъестественными способностями, остается под вопросом. Он мог провести частное расследование, для этого существуют детективы, которые работают на его контору. Это я узнаю.

Просмотрите историю фирмы, и вы поймете, что это весьма успешное предприятие. Но ни одно из дел не выиграно благодаря какой-то сверхъестественной силе. Они при первой возможности пользуются ошибками следственных процедур, договариваются, где только можно, и выигрывают дела, как только появляется сомнение в косвенных уликах. Остановите меня, если считаете, что я допустил ошибку в рассуждениях.

— Нет, я знаю, как все это выглядит со стороны, но...

— Но вы видели компьютерный файл, который невозможно вызвать или воспроизвести. Этот перечень гипотетических преступлений.

— Не гипотетических, а вполне конкретных.

— Вы считаете их конкретными потому, что уверены, что Джон Милтон занялся делом Ротберга еще до убийства Максина Ротберг, но также признаете, что сперва сочли это опечаткой. И при этом ссылаетесь на свидетельства женщины, которая находится в Бельвю с диагнозом нервного расстройства, и алкоголички, которая сама состоит под подозрением как в убийстве, так и в воров-

стве. Кевин, — сказал Маккензи, подаваясь вперед, — почему бы вам просто не уйти из фирмы, раз уж это вас так беспокоит? Почему не вернуться к прежней практике на Айленде?

— Сколько дел вы пытались вести против клиентов Джона Милтона? — из всех сил сохраняя спокойствие, спросил Кевин.

— Лично? Пять, включая ваше.

— И все проиграли, не так ли?

— Я не имею претензий по этому поводу. Причины весьма логичные. Ничего сверхъестественного тут не было. Видите ли, я несколько лучше вас знаю Джона Милтона. Его вечеринки посещают многие юристы. Даже мой начальник. И никто при этом не ощущал присутствия дьявольской силы, и поверьте, никому даже в голову не приходило назвать его дьяволом или адвокатом дьявола, хотя, признаю, некоторые из этих вечеринок были весьма рискованны.

Кевин кивнул, чувствуя горечь поражения. Внезапно он ощутил себя уставшим и очень старым.

— Извините, Боб. Мне очень хотелось бы найти способ убедить вас.

— Если вы в самом деле считаете, что вы и ваша супруга находитесь в опасности, вам лучше всего просто уехать.

— Именно это я и собираюсь сделать... потом. Я должен остановить это, потому что сам внес вклад в это зло.

Маккензи впервые улыбнулся.

— Хотелось бы, чтобы все адвокаты были столь совестливы. Нам было бы куда легче работать.

Минуту они смотрели друг другу в глаза.

— Не должен бы этого делать, — добавил Маккензи, — но вижу, вы серьезно относитесь к тому, что рассказали мне. У меня есть знакомый, который мог бы вам помочь. Во всяком случае, прояснить для вас ситуацию, объяснить кое-что из того, что вы видели или испытали.

— В самом деле? И кто это?

— Мой друг, скорее даже друг моего отца, бывший священник отец Винсент. Сейчас он занимается трудами в области оккультизма, в особенности культом дьявола. Нет, не подумайте, он не из этих сумасбродов, помешанных на мистике. Он хорошо известен в научных кругах, поскольку является и профессиональным психиатром. Он по-прежнему время от времени принимает пациентов, несмотря на то что ему перевалило за семьдесят.

— Хотите сказать, я нуждаюсь в услугах психиатра? — спросил Кевин. — Что ж, я понимаю.

— Я не говорю, что вы сумасшедший, Кевин. Просто отец Винсент — человек весьма сведущий в таких вопросах. Он может дать вам дельный совет, как вам подтвердить или развенчать ваши теории — и в конечном счете обрести мир в душе.

Разве это плохо? — вопросительно приподнял брови Маккензи.

— Нет.

— Так что будьте благоразумны. — Маккензи в очередной раз бросил взгляд на часы. — Мне в самом деле надо поторапливаться.

— Да, конечно. Спасибо, что выслушали. — Кевин протянул руку.

Маккензи выпрямился, и они обменялись рукопожатием.

— Кевин, поймите меня правильно. Самому хотелось бы припереть к стенке «Джона Милтона и партнеров». Слишком уж гладко у них все выходит, и, совершенно с вами согласен, немало истинных преступников сумели благодаря им уйти от ответственности, но такова система, а сейчас это лучшая система в городе. Вероятно, вы наткнулись на нечто такое, к чему еще не готовы. Такое случается. — Маккензи пожал плечами. — Может, вам стоит подумать о том, чтобы перейти на нашу сторону. Платят здесь не так здорово, зато будете лучше спать по ночам.

— Возможно, — откликнулся Кевин и двинулся к выходу.

— Погодите. Я провожу вас.

Маккензи надел пальто и взял портфель. Он погасил свет в офисе, и снова Кевин ощутил знакомое чувство человека, уходящего последним, когда темно и двери закрыты.

— А где найти этого отца Винсента? — спросил он уже в лифте.

— Он живет в Вилледж, — с улыбкой ответил Маккензи. — Пятый дом на Кристофер-стрит. Его прежнее имя Робен. Если что, ссылайтесь на меня без стеснения.

— Именно это я и собирался сделать, — сказал Кевин, хотя не испытывал особого желания встречаться еще с кем-то.

Но, вернувшись к себе в квартиру и открыв дверь, он понял, что все изменилось.

Мириам ждала его в прихожей.

— Я слышала, как ты вставил ключ, — сказала она, — и сразу побежала навстречу.

Она вся так и сияла, лицо ее покраснелось, глаза блестели как бриллианты.

— В чем дело?

— Не хотела говорить тебе, пока не была уверена, но сегодня тесты подтвердились. Я беременна, — сказала она и обняла его, прежде чем он успел что-либо ответить.

— О чем ты говоришь? — Мириам вскочила, не дослушав до конца. Высвободившись из ее объятий, Кевин отвел ее в гостиную, но едва он начал говорить, как она сжала кулаки и вдавила их костяшками в виски. — Аборт!

— Не думаю, что это мой ребенок, — сказал Кевин со всем возможным в данной ситуации хладнокровием. — И, если Хелен права, а я все больше в этом убеждаюсь, ребенок убьет тебя.

— Хелен? Хелен Сколфилд? Господи, да ты сумасшедший. Ты сошел с ума, Кевин, пойми ты это. Ты позволил Хелен Сколфилд свести себя с ума, понимаешь? — горячо заговорила она. — Что она сказала тебе прошлой ночью? Как это ребенок может быть не твоим? С кем я, по-твоему, спала? Или тебе Хелен рассказала, что я встречаюсь с другим мужчиной? И ты поверил этой сумасшедшей? Которая сейчас в смиренной рубашке в Бельвю?

Лицо ее даже посинело от злости.

— Может, сядешь, дослушаешь до конца, что я хочу тебе сказать. Ты будешь слушать?

— Нет, и еще раз нет, если это касается аборта. Мы так хотели этого ребенка; мы собирались обзавестись семьей. Я уже решила устраивать детскую — и теперь ты говоришь такое... — она яростно замотала головой. — Я не хочу этого слышать. Не хочу, — еще категоричнее повторила она и внезапно выскочила из гостиной.

Минуту он посидел, затем встал и пошел за ней в спальню. Она лежала на кровати, лицом вниз, и рыдала.

— Мириам. — Он присел рядом и осторожно погладил ее по волосам. — Ты не виновата. Я не

имел в виду, что ты с кем-то изменяла мне. Но все мы находились во власти чар. Ты была зачарована, когда занималась любовью, так же, как и я. Я наблюдал все это со стороны. Я дважды видел это, и всякий раз даже не был в состоянии вмешаться.

Она медленно повернулась и посмотрела на него заплаканными глазами:

— Кто же, в таком случае, занимался со мной любовью?

— Мистер Милтон.

— Мистер Милтон?

Он кивнул.

— Ты хочешь сказать, что это был мистер Милтон? — Недоверчивая улыбка расплзлась по ее лицу, и она разразилась откровенным смехом.

— Нет, надо же — мистер Милтон! — Вскочив, она села на кровати: — Да ты хоть знаешь, сколько ему лет? Я недавно выяснила. Ему ровно семь-десять четы-ре! Да, для своих лет он великолепно сохранился, но секс с пенсионером! Может быть, если тебе так хочется ревновать, лучше заподозришь меня в связи с кем-нибудь из партнеров?

— От кого ты узнала его возраст?

— От доктора Стерна.

— А кто такой доктор Стерн?

— Врач, обслуживающий фирму, — сказала она, вытирая слезы смеха и печали со щек. — Нор-

ма и Джин водили меня к нему, сперва из-за этих синяков, которые не давали тебе покоя, а второй раз — для теста на беременность. Ты можешь гордиться — он согласился с твоим диагнозом и прописал мне курс витаминов. Скорее всего, авитаминоз связан с беременностью. Теперь мне нужно есть за двоих, — добавила она с довольной улыбкой.

— Ох, Мириам...

— Он такой душка, этот доктор. Мы поговорили с ним о фирме, о тебе и мистере Милтоне. Тогда я и узнала его истинный возраст.

— Это случайно не тот доктор, к которому ходила Глория Джеффи? — спросил Кевин, уже заранее зная ответ.

— Конечно, он. Ну все, все знаю, что ты сейчас скажешь, — торопливо добавила она. — Только он тут ни при чем. Мы с девчонками завели разговор на эту тему, и он сам все объяснил, не дожидаясь вопросов. Всему виной ее слабое сердце. Врожденный порок, ничего не поделаешь. Никто не ожидал, что так выйдет.

— Да, это была сердечная недостаточность, но вовсе не неожиданная. Не знаю точно, как это случилось, но ребенок убил ее, а супруг Глории знал это, и знал, почему.

— Отчего же никто, кроме тебя, об этом не знает: ни Норма с Джин, ни их мужа? Они-то намного дольше работают на Джона Милтона.

Почему же они, приходя домой, не рассказывают женам, что он — исчадие ада? Или ты знаешь больше других, Кевин? — пренебрежительным тоном спросила она.

— Знают, — твердо ответил он. Тут ему в голову пришла мысль. — А Норма с Джин всегда рассказывают про своих мужей?

— Конечно.

— То есть и о прошлом, и о своей семейной жизни?

— Иногда. А что?

— Не приходилось тебе слышать что-нибудь необычное о Теде или Дейве? То, что неизвестно мне?

Она пожала плечами.

— Ну, ты, наверное, знаешь, что у Теда приемные родители...

— Впервые слышу. Он никогда не заводил разговор на эту тему. По тому, как он рассказывал про отцовскую фирму, можно было понять, что это его настоящий отец, да и о матери он ничего такого не говорил. — Он посмотрел на нее. — Дейв вообще не особенно словоохотлив, когда речь идет о родителях. Если он что и говорил, так только об отце. — Он качнул головой, подтверждая свои подозрения. — А мать его, должно быть, умерла при родах?

— Так ты все знаешь.

— И, ручаюсь, что Пол... — тут глаза его изумленно раскрылись, когда до него начало доходить. — Неужели ты не понимаешь?

Он вскочил. Страшная правда поразила в самое сердце, как электрический разряд.

— Что я должна понять, Кевин? Ты пугаешь меня.

— Вот почему они всегда говорили, что фирма — это семья. Так оно и есть. Здесь все связаны кровными узами. Он их отец, их настоящий отец!

— Что-о? — недоуменно скривилась она.

— Я должен был догадаться... по тому, как они говорили о нем. Однажды Пол сказал: «Он мне как отец». И, по-моему, у всех у них время от времени вырывалось что-то такое.

— Правильно. Только они говорили в переносном смысле.

— Нет, нет, теперь я вижу. Когда-нибудь и сын Глории Джеффи вступит в фирму, у него тоже опекун — адвокат. И то же самое... — он перевел взгляд на нее. — То же самое ждет твоего сына, если он появится на свет.

— Ребенок Джеффи... четверть века пройдет, прежде чем он сможет это сделать. И он будет работать в фирме мистера Милтона? погоди, дай подумать, — сказала она, вычисляя... — К тому времени мистер Милтон будет совсем старой развалиной — ему исполнится сто десять лет.

— Он намного старше, чем ты думаешь, Мириам. Он стар как мир.

— Ну ладно тебе, Кевин, хватит, — она затрясла головой. — Откуда у тебя эти дикие идеи? Тоже от Хелен Сколфилд?

— Нет.

— Тогда откуда?

— Во-первых, меня никогда не обманывала интуиция, которой, — похоже, у них у всех нет. — Он помолчал и, сделав глубокий вдох, признался: — Мириам, ты была права насчет Лоис Уилсон.

— Что ты хочешь этим сказать?

— На самом деле я знал, что она виновна в соращении Барбары Стенли. Девочка просто боялась, что на процессе все вскроется. Сначала она разрешала учительнице ласкать ее, а потом впутала в это дело других девочек, чтобы они выступили ее союзницами на процессе. Одна она никогда бы не решилась открыть правду. Я сразу угадал эту мелкую ложь и воспользовался ею, чтобы защитить зло, куда более крупное. Я пошел на это ради победы. Ради чести, славы, денег, нашего благополучия. Тогда, все, что мне нужно было — это победа.

— Но ты делал то, чему тебя учили и за что тебе платили, — напумнила Мириам.

— Что? Что с тобой произошло, Мириам? С каких это пор ты стала верить в это? Или ты забыла, как отговаривала меня защищать лесбиянку?

— Мы уже обговорили это с Нормой и Джин. Мне повезло, что рядом есть жены адвокатов, которые знакомы с такими проблемами, и есть с кем поделиться и посоветоваться. И, знаешь, они помогли мне, Кевин. И я рада, что благодаря тому самому процессу мы оказались в обществе более интеллигентных и утонченных людей.

— Нет, Мириам, ты ошибаешься, мы оказались в обществе более коварных и злобных людей, более коварных, чем ты можешь себе представить.

— Слушай, Кевин, я в самом деле тебя не понимаю.

Установилась пауза.

— Особенно, — продолжила она, не глядя ему в глаза, — когда ты завел разговор об аборте. — Она сдержанно всхлипнула, и ее нижняя губа задрожала. — Наш первый ребенок...

— Я собирался рассказать тебе все, надеясь, что после этого ты согласишься на аборт, Мириам. Да, я тоже хочу, чтобы у нас был ребенок, хочу его видеть, воспитывать, тискать, учить, как жить на этом свете. Но сейчас ты должна мне поверить.

Он решительно подошел к телефону и позвонил в справочную. Как только откликнулся оператор, Кевин попросил дать ему номер телефона Винсента Робена. Мириам с интересом посмотрела на него, пока он торопливо записывал и затем набирал номер.

— Кто это такой? — спросила она. Кевин сделал знак рукой: «подожди».

— Отец Винсент? Добрый вечер. Мое имя Тейлор, Кевин Тейлор. Мне порекомендовал обратиться к вам Боб Маккензи. Ничего, что я звоню так поздно? Прекрасно. Меня очень интересует то, чем вы занимаетесь, и, кажется, я вынужден просить о помощи. Вы сможете принять меня? Да, сегодня, если это возможно. Я смогу подъехать примерно через полчаса. Да. Спасибо вам огромное. До встречи.

Повесив трубку, он обернулся к Мириам.

— Кто это был?

— Человек, который может помочь.

— Помочь? В чем?

— В борьбе с дьяволом, — сказал он и вышел, оставив ее сидящей на кровати, в полном изумлении.

И прежде в его жизни бывали моменты, когда Кевин чувствовал себя так, словно двигается во сне, замечая, что в самый напряженный момент он видит себя как бы со стороны, как посторонний наблюдатель — примерно так же, как в тех постельных сценах с Мириам. Почти то же происходило с ним и сейчас.

Попав в пробку на Седьмой авеню, он заметил, что кто-то стоит на углу, глядя в его сторону. Мужчина в пальто с поднятым воротником, руки в карманах, лицо неразлично в сумерках, чем-то напоминал его самого, и в этот миг Кевин увидел себя глазами этого человека: ссутулившегося за рулем, с взлохмаченными волосами, диким взглядом и безумным выражением лица.

Светофор переменился, и, когда за ним раздалась сердитые сигналы, Кевин надавил педаль газа. Но, когда машина понеслась вперед, пронзая ночь, он еще раз отметил в зеркале заднего вида сумрачную фигуру, поспешно пересекав-

шую улицу, будто уходя от погони. Он поехал дальше, преследуемый этим образом, застывшим на сетчатке внезапной вспышкой, подобно сигналу светофора.

Кевин хорошо изучил этот район Вилледжа. Сюда он часто заезжал пообедать в одном из окрестных ресторанчиков. Он зарулил прямо на стоянку рядом с домом отца Винсента, опоздав всего на пару минут, нажал кнопку звонка и затем вошел в дверь, открывшуюся с жужжанием автоматического замка.

Отец Винсент отворил дверь своей квартиры, когда Кевин только выходил из лифта.

— Пожалуйте сюда, — сказал он глубоким, хорошо поставленным голосом проповедника.

Кевин поспешил в его сторону.

Невысокий, крепкого сложения человек, с облысевшей головой, в свежей белой сорочке и черных домашних брюках, отступил, пропуская его.

Из волос у отца Винсента остались два седых клочка возле ушей. Они сходились на затылке, оттеняя глянцевою лысину с пигментными старческими пятнами. Седые кустистые брови вопросительно приподняты над васильковыми глазами, живыми и молодыми, открывавшими истинный дух и интеллектуальную энергию этого человека. Лицо приятно-округлое, и весь он — клубок энергии и мышц.

«В этом коротышке и росту всего пять футов, и ладонь у него как у карлика», — подумал Кевин. Однако в быстром рукопожатии Кевин ощутил силу и тепло этих коротких пальцев.

Улыбка вызвала ямочки в уголках рта. Кевин нашел его приятным и проникательным человеком — безбородая уменьшенная версия Криса Крингла.

— Чертовски холодно сегодня, — заметил отец Винсент, сочувственно потирая короткопалые ладони, словно бы часть холода передалась ему через рукопожатие.

— Да, сегодня погода разошлась не на шутку, — в тон ему отвечал Кевин, перед которым в этот момент вновь встала тень на перекрестке, с поднятым от ветра воротником пальто.

— Пройдемте в гостиную, к камину. Располагайтесь, — сказал отец Винсент, закрывая дверь. — Как насчет выпить чего погорячее — или, может, покрепче?

— Думаю... покрепче было бы лучше.

— Бренди?

— Прекрасно. Спасибо.

Кевин проследовал за ним в уютную маленькую гостиную, где вся мебель состояла из гарнитура: диван и два кресла с парой приставных деревянных столиков со стеклянной столешницей. В углу сосновое кресло-качалка соседствовало с торшером на высокой стойке. Стены были

заставлены книжными полками. Напротив кресел пылал фальшивым огнем вмонтированный в стену мраморный камин. Электрическое пламя плясало над искусственными дровами. Синтетический, с виду старый, но не потертый светло-голубой ковер устилал пол.

Отец Винсент подошел к небольшому бару и наполнил две рюмки коньяком.

Кевин поблагодарил, принимая рюмку.

— Присаживайтесь, пожалуйста. — Отец Винсент показал на гарнитур, и Кевин сел на диван, расстегнув две верхние пуговицы пальто.

— Полагаю, вам нужно согреться, прежде чем снять пальто.

— Да, спасибо, — откликнулся Кевин. — Это поможет, — добавил он, указывая на рюмку.

Бренди был чудный: он обжег нёбо, деликатно скользнув в желудок. Кевин прикрыл глаза, чувствуя жаркое дыхание искусственного камина.

— Судя по вашему виду, вы влипли в неприятности, молодой человек, — завел разговор отец Винсент. Он сел напротив Кевина и изучал его лицо, потягивая бренди.

— Преподобный отец, все дело в непонимании.

— К сожалению, мне часто приходится слышать такое. — Он улыбнулся. — Люди приходят

к священникам и психиатрам как к последней надежде. Так, значит, вы друг Боба Маккензи.

— Не совсем друг. Я адвокат защиты. Недавно мне пришлось выступать против него на судебном процессе.

— Да?

— Отец Винсент, — сказал Кевин, решив, что лучше сразу приступить к сути, — Боб разъяснил мне, что вы занимаетесь исследованиями того, что мы называем сверхъестественным.

— Да, это одно из моих увлечений.

— И он сказал, что вы не только священник, но еще и практикующий врач-психиатр.

— Ну, не то чтобы практикующий. Время от времени я принимаю пациентов. А что касается сана священника, то он, наверное, рассказывал, что я больше не служу в церкви.

— Да, он говорил. Честно говоря, я полагаю, Боб хотел, чтобы я встретился с вами как со священником, так и с врачом.

— Понятно. Что вас беспокоит в первую очередь?

— Отец Винсент, — начал Кевин, остановив глаза на этом маленьком человеке. — У меня есть веские причины считать, что я столкнулся с самим олицетворением дьявола. С адвокатом дьявола. Как ни называй, — это человек, или другое существо, сверхъестественных возможностей, и он пользуется силами зла в нашем мире. — Выпа-

лив это, Кевин перевел дыхание. — Боб Маккензи говорил, что вы ведете исследования в оккультной сфере, и уверил, что не поднимете меня на смех, если я стану рассказывать вам такое. Он прав? — Кевин замолчал, дожидаясь ответной реакции.

Винсент Робен задумался, не меня выражения лица, и затем кивнул:

— Вы говорите все это в буквальном смысле, полагаю?

— Конечно.

— Нет, я не собираюсь поднимать вас на смех, как и принимать ваше утверждение, как сделали бы на моем месте многие, как я их называю, религиозные фанатики, пока они не будут соответствовать моим собственным критериям. Я верю в существование дьявола, хотя не убежден, что он являет себя в человеческом облике, с тех пор как был низвергнут из рая. Думаю, он выбрал для себя свое предназначение, так же, как Бог избрал Свое.

Отец Винсент благоговейно сложил перед собой ладони и чуть качнулся вперед, как бы в поклоне, между тем его глаза были прикованы к Кевину. В этот миг Кевина посетили сомнения: как может этот миниатюрный человек противостоять Джону Милтону?

— Однако, — продолжал тот, подаваясь всем телом к Кевину и прищурив глаза, — не вызывает

никаких сомнений, что дьявол всегда с нами. Некая часть его сущности всегда проявляется в нас самих, так же, как и черты Господа. Многие видят в этом результат грехопадения Адама и Евы. Не знаю, подписался бы лично я под такой теорией, поскольку считаю, что в каждом из нас есть потенциал добра и зла. Либо того, либо другого.

— Так что, чтобы дать полный и окончательный ответ на ваш вопрос, я должен признать, что верю в дьявола и в то, что он живет в нас, ожидая своего часа. То есть первой удобной возможности. Иногда, искушая нас, он принимает человеческое обличье, чтобы таким образом завоевать наше доверие и расположение.

Отец Винсент откинулся назад, улыбаясь.

— И что же навело вас на мысль, что вы работаете на самого дьявола?

Кевин стал рассказывать с самого начала — то есть с дела Лоис Уилсон, со своего решения взяться за безнадежное, на первый взгляд, дело и появления на суде Пола Сколфилда. Он проследил ход событий: изменения в характере Мириам, загадочные предупреждения Хелен Сколфилд, суд над Ротбергом, — и плавно подошел к истории о том, что ему открылось в компьютере в офисе.

Отец Винсент внимательно слушал, иногда закрывая глаза, словно в подтверждение, что слышит нечто хорошо знакомое, с чем ему уже приходилось сталкиваться. Когда Кевин закон-

чил, старик некоторое время никак не реагировал. Вместо ответа он подошел к окну. Казалось, он размышляет.

Кевин терпеливо ждал. Наконец отец Винсент повернулся к нему и кивнул.

— То, что вы рассказываете, очень знакомо. Рассказы, анекдоты, истории и философские трактаты, с которыми мне довелось ознакомиться, достаточно давно привели меня к убеждению, что дьявол хранит верность своим последователям. Вероятно, вы помните величайшее литературное произведение о добре и зле, «Потерянный рай» английского поэта Джона Милтона?

— Джон Милтон? Как же я сразу не догадался! — вскричал Кевин, вскакивая. Нервная мучительная улыбка перерезала его лицо. Затем он сел и рассмеялся.

— Шутить изволите?

— Это его шутка. Он большой шутник. Такого его извращенное чувство юмора. Отец Винсент, Джон Милтон — имя человека, на которого я работаю.

— В самом деле? — В глазах патера что-то промелькнуло. — Становится интересно. Очевидно, вам прежде не приходило на ум это поэтическое повествование.

— Должно быть, это одно из тех произведений, которые я изучал в колледже в сокращенном варианте.

— Да, читать Милтона — занятие не из легких... Латинский синтаксис, уйма отсылок и комментариев, метафоры, основанные на метафорах, — сказал он, жестом дирижера изобразив в воздухе волнистую черту. — Ну так смею напомнить вам, что, согласно поэту Джону Милтону, после того как Люцифер был низвергнут с небес за борьбу против Бога, он обнаружил себя и своих приспешников в аду и был опечален их судьбой. Милтон описал его как классического лидера, понимаете? Он обладает предвидением, харизмой, его предназначение в том, чтобы поддерживать своих последователей и заботиться о них.

— Джон Милтон в самом деле заботится о своих партнерах, предоставляя им все: жилье, деньги, медицинское обслуживание...

— Да, да. То, что вы мне рассказываете, очень интересно. Он постигает зло, что таится в человеческом сердце. Он вычисляет его заранее, возможно, даже вдохновляет на преступление, и затем, как истинный вождь, становится во главе своих войск: поддерживает и защищает.

— Каким бы мерзким ни было преступление и какой бы жестокой ни была расплата за него, — добавил Кевин, словно бы они с отцом Винсентом разрешали великую загадку.

Сжав губы, старик сцепил руки за спиной, продолжая:

— Интересно. Значит, в этот раз он решил предстать адвокатом. Хотя, конечно, — необыкновенные возможности, которые открывает эта профессия... — Он покачал головой, лицо его просветлело от возбуждением. — Тут надо подумать, провести некоторые наблюдения...

— Нет, отец Винсент, вы не знаете еще всей правды. Нет времени наблюдать. Я пришел к вам потому, что оказался в отчаянном положении. В этом замешана моя жена. Сейчас она в страшной опасности, ей необходим аборт, но я не знаю, как ее убедить, чтобы она поверила.

— Аборт? — воскликнул отец Винсент.

Кевин торопливо поведал ему обстоятельства смерти Глории Джеффи и самоубийства Ричарда. После чего описал ему то, что несколько раз посещало его как эротическое наваждение. Он пересказал предупреждения Хелен Сколфилд по поводу Мириам и закончил сообщением жены о том, что она в положении.

— И, как только я это услышал, отец Винсент, я понял, что нуждаюсь в вашей помощи. Тянуть больше нельзя. Она собирается сохранить это дитя.

— Дети дьявола, — пробормотал отец Винсент, рухнув в кресло, точно придавленный тяжестью свалившейся на него информации. — Его семья, его суть. Способные на невыносимое зло.

Гитлер, Сталин, Джек Потрошитель — кто знает, что может выйти из них?

— Это просвещенные дети, — сказал Кевин, чувствуя необходимость внести свой вклад в сценарий отца Винсента. — Сообразительные, прекрасно отдающие себе отчет в происходящем людях, которые работают в системе, исполняя приказы дьявола.

— Да, — в глазах отца Винсента вспыхнула догадка. — И это не только адвокаты, но и политики, доктора, учителя, как вы и подозревали: все, кто работает в системе, разлагая человеческие души и выступая против Самого Творца.

Кевин перевел дух. Неужели он раскрыл мировую заговор? Но кто он такой, и почему избран орудием в борьбе против самого Сатаны? Нет, он, конечно, готов сразиться с сонмом демонов и чертей, чтобы защитить Мириам. Особенно после того, как сам завел ее в сети дьявола, как некогда Ричард Джеффи — свою Глорию. Только он не станет сигать с балкона. Хелен Сколфилд сказала, что у Джеффи было два выхода. Теперь их было три: присоединиться к Милтону, покончить с собой или уничтожить его. Спасение Мириам было первостепенным делом.

— Связь, которую вы заметили — между слабостью тела и слабостью духа, может быть еще теснее, чем вы думаете. Мириам тает на глазах, —

поведал он патеру. — И еще эти отметины... — и Кевин рассказал отцу Винсенту о черных сляках, появившихся на ее теле.

— Зло питается добром, выкачивая из него энергию и лишая последних жизненных сил. Не удивлюсь, если этот ребенок доконает ее.

— Именно об этом я и думал.

Кевина потрясло, как быстро отец Винсент пришел к тому же заключению.

— И что же мне остается? — выдавил он.

— Я не сомневаюсь в том, что вы мне рассказали. Выход следует из ваших собственных слов и сомнений, — сказал ему отец Винсент так, словно он был убежден в этом с самого начала. — Вам остается одно — уничтожить его, умертвить телесную оболочку, в которой заключен дьявол.

— Но сперва, — сурово продолжал патер, — вы должны провести испытания, чтобы убедиться в том, кто перед вами. Чтобы не оставалось ни малейших сомнений — ошибка тут недопустима.

Он потянулся к книжной полке, достав оттуда кожаный том с выдавленными золотыми буквами: «Святое Писание». Несмотря на порыжевшую обложку, эти слова сияли ярким пламенем в вечернем сумраке.

Кевин принял из рук патера Библию и выжидательно взглянул на него.

— Дьявол не может прикоснуться к этой книге, она обожжет его огнем. Слово Божие опалает его оскверненную душу. Как только его рука коснется этой книги, он вззоет, как оборотень.

— Но, если он увидит эту книгу, он никогда к ней не прикоснется.

— Вручите ее под видом подарка.

Поискав в столе, патер вытащил коричневый бумажный пакет.

— Положите Библию сюда. И, если он в самом деле тот, о ком мы думаем, он окажется в пламени и вззоет от боли.

— Понятно. — Кожаный том скользнул в пакет. Кевин осторожно сунул его под мышку, будто там была взрывчатка. — И что мне делать дальше, если так и будет?

Отец Винсент пристально посмотрел ему в глаза и затем повернулся к полкам, доставая из-за книг золотой крест с прибитой к нему серебряной фигуркой распятого Христа. Крест был около восьми дюймов длиной. Отец Винсент держал его за основание, крепко сжав кулак.

— Поднесите это к его лицу. Если это подлинный диавол, для него это будет то же, что для глаз человеческих взглянуть на солнце. В этот миг он ослепнет — и окажется просто дряхлым стариком, лишившись всех своих сверхъестественных сил.

— И что потом? — спросил Кевин.

— Потом, — отец Винсент разжал кулак. Нижняя часть креста заострялась клинком. — Потом вы пронзите его тлетворное сердце. Не колеблясь, ибо в противном случае вы с женой погибли. — Он доверительно склонился к Кевину. — Вы будете обречены на вечные муки — вместе с ним.

У Кевина перехватило дыхание. Сердце бешено стучало в груди, когда он принял клинок-распятие из рук отца Винсента. Выражение лица Спасителя было не всепрощающим, как обычно. Это было лицо солдата, воина Господа. Крест оказался увесистым, и клинок — очень острым.

— Как только этот клинок войдет в его сердце, он падет, и с ним будет покончено.

— Но что же будет с нами... с моей женой, с этим... ребенком?

— Когда дьявол убит в одном из своих человеческих воплощений, дьяволово отродье погибнет вместе с ним. Аборт произойдет естественным путем, — убежденно сказал отец Винсент. — Только так вы можете спасти жену.

— Но не делайте ничего, — предупредил отец Винсент, — если первые два испытания не подтвердятся. Тогда немедленно возвращайтесь, и попробуем еще что-нибудь придумать. Поняли?

— Да, — сказал Кевин. — Спасибо вам.

Он поднялся с дивана, взял коричневый пакет с Библией и засунул распятие за пояс.

Отец Винсент напутственно кивнул.

— Вот и хорошо. Идите, сын мой, и да поможет вам Бог.

Опустив ему руку на плечо, он едва слышно забормотал молитву.

— Спасибо, отец, — прошептал Кевин.

Многоквартирный дом встретил его необыкновенной тишиной. Сменщик Филипа охранник Лоусон встал в стеклянных дверях, наблюдая за его приближением. Кевин свернул в подземный гараж, нажав кнопку на брелоке. Стенка гаража поползла вверх, впуская машину. Здесь царила тишина. В сумраке смутно виднелась дверь. Не та ли это квартира, где живет Харон? Харон... только теперь ему пришла в голову ассоциация... И не тот ли самый это мифологический Харон, мрачный старец в рубище, перевозящий души умерших по водам подземных рек? Еще одна шутка Джона Милтона. Лодочник на лимузине фирмы «Джон Милтон и партнеры». Ежедневно отвозящий их в Аид. Каждый раз спускаясь все ниже по кругам ада. «Над нами посмеялись», — подумал он.

Кевин вступил в лифт. Сперва он поедет к Мириам и расскажет ей все, что узнал, он заставит ее понять и увидеть грозящую ей опасность. Если будет необходимо, подумал он,

то позовет отца Винсента, чтобы тот поговорил с ней. Но когда Кевин поднялся наверх, Мириам не оказалось дома. На кухонном столе — записка:

«Прости, совсем забыла, у нас с девчонками билеты на балет. Не жди меня. Мы перекусим где-нибудь по дороге. В морозилке лазанья. Только поставь в микроволновку, согласно инструкции на обертке. Люблю, Мириам».

«Она что, окончательно спятила? После такого разговора, после всех его предупреждений она как ни в чем не бывало пошла с ними развлекаться, не дождавшись меня?»

Она погибла. С ней бесполезно что-то обсуждать. Ему больше не на кого положиться. Взгляд Кевина упал на телефонный столик. Вот удача — истинный подарок судьбы. Золотой ключ был там. Сейчас он поднимется в пентхауз, встретится лицом к лицу с Джоном Милтоном и положит конец всему этому. Схватив ключ, с пакетом под мышкой и золотым распятием-кинжалом, заткнутым за пояс, Кевин устремился в лифт.

Вставив ключ, он нажал кнопку с литерой «П», поднимаясь в пентхауз. Двери сдвинулись, навсегда отсекая от него привычный мир. Кабина поднималась, а ему казалось, будто он спускается в пекло. Он был как Орфей, пытающийся спасти душу своей Эвридики из ада.

Двери медленно разъехались в стороны. В огромной гостиной царил полумрак, лишь несколько свечей в канделябре, поставленном на черный

рояль, отбрасывали на стены пляшущие тени, напоминавшие трепещущие силуэты.

Внезапно он услышал мелодию, до боли знакомую — ту самую, что играла Мириам на вечеринке. Однако за роялем никого не было. Кевин вздрогнул: на миг ему показалось, что он увидел Мириам, сидящую за роялем и играющую знакомые мелодии.

Кевин вышел из лифта и прислушался. Ни один звук не выдавал постороннего присутствия. И тут, ступив в глубину гостиной, он обнаружил сидевшего там Джона Милтона. Его силуэт, словно вытканный из сумерек. Он сидел на кушетке, потягивая вино, в своей кроваво-пурпурной бархатной куртке.

— Кевин, какой сюрприз! Проходите, не стесняйтесь. Как раз только что вспоминал о вас.

— В самом деле?

— Взяли сегодня выходной? — продолжал Милтон, не отвечая на вопрос. — Надеюсь, отдохнули, набрались сил для нового раунда?

— Пожалуй.

— Очень хорошо. Да, еще раз мои поздравления по случаю заслуженной победы.

— Думаю, здесь нет моей заслуги, — отозвался Кевин, приближаясь. — Победа была отдана мне в руки вами — вместе с запиской.

— Ах, вот вы про что. Все еще думаете об этом, не так ли?

— Нет.

— Нет? Хорошо. Как говорил мой дед, дареному коню в зубы не смотрят.

— О боже.

— Что такое?

— Ваш дед? Эту присказку постоянно повторял мой дед.

— Ну так и что? — шире заулыбался Джон Милтон. — Все деды так говорят. И вы когда-нибудь состаритесь и будете молоть подобную чепуху. — Джон Милтон отставил бокал с вином на столик. — Да проходите же, что вы торчите там, как посыльный? Не желаете винца? — Он качнул бокалом, вино рубиново заискрилось в свете восковых свечей.

— Благодарю вас. Но я не стану пить.

— Нет? — лукаво подмигнул Джон Милтон. И кивнул на пакет. — Что это у вас там?

— Подарок. Для вас.

— О! Как любезно с вашей стороны. И по какому поводу?

— Считайте это знаком благодарности за все, что вы сделали для нас с Мириам.

— Я уже получил сегодня от вас подарок — там, в зале суда.

— Тем не менее я хочу, чтобы вы приняли этот маленький знак нашего... расположения.

Кевин медленно приблизился к Милтону и протянул ему коричневый пакет.

— Кажется, это книга.

Кевин запустил руку под пиджак, нащупывая золотой крест.

— Да, причем одна из лучших.

— В самом деле? В таком случае чрезвычайно вам признателен. — Джон Милтон запустил руку в пакет, извлекая Библию. Но, как только сверкнула надпись на обложке, глаза его выкатились из орбит. Он завопил, как и предсказывал отец Винсент, — взвыл так, точно в этот миг был брошен в центр огненного озера. Библия упала на пол.

Кевин вытащил крест из-за пояса и выставил перед собой так, что лик распятого Спасителя оказался как раз перед глазами Джона Милтона. Тот завопил еще страшнее прежнего, закрывая лицо ладонями и падая навзничь на диван.

Кевин поднял крест, держа его перед собой как кинжал, и после мгновенного колебания вонзил в сердце Джона Милтона. Клинок прошел сквозь одежду и вошел в плоть, точно нож в масло. Пальцы Кевина обагрились кровью, но он не отступил, вонзая клинок до упора.

Джон Милтон так и не отнял от глаз ладоней. Он перевернулся, умирая на роскошной кушетке, закрыв глаза от света. Кевин отошел. Распятие торчало из груди — и Кевин подумал, что лик изменился. Теперь Спаситель смотрел скорбно и удовлетворенно.

Кевин простоял так некоторое время, пытаясь унять охватившую его дрожь. Вот и все, подумал он. Он спас свою душу и жизнь жены. Кевин направился к телефону и набрал номер отца Винсента. После долгих звонков наконец откликнулся старческий голос:

— Я здесь, — сказал Кевин. — У него дома. Все произошло в точности, как вы и говорили.

— Простите?

— Я все сделал, преподобный отец. Едва он коснулся Библии, как его охватила агония. Распятие ослепило его, и я вонзил ему клинок в сердце, как вы велели.

В трубке воцарилась тишина.

— Разве я не сделал то, что вы говорили? Или я что-то упустил?

— Ну, конечно, все в порядке, мой мальчик. — Отец Винсент рассмеялся механическим, выхолощенным смехом. — Ты все сделал, как надо. Больше ничего не надо. Оставайся там. Я вызову полицию.

— Полицию?

— Просто дождись, — повторил он и положил трубку.

Кевин бессмысленно посмотрел на трубку, прислушиваясь к коротким гудкам. Затем опустил ее на аппарат.

И перевел взгляд на кушетку, где покоилось тело Джона Милтона. Что-то изменилось. Мед-

ленно и нерешительно он приблизился и осмотрел труп. Сердце яростно застучало, и его от макушки до пят окатило холодом, как будто он провалился в подземный колодец.

Джон Милтон был по-прежнему мертв. Клинок прочно вошел в его сердце.

Но теперь он убрал руки с лица.

И он улыбался!

— Лучше защитника не найти, — взмолилась Мириам. — Почему ты не прислушаешься к доводам рассудка? Ты благодарить их должен, что они хотят защищать тебя после всего, что ты натворил.

Кевин не ответил. Он сидел в тюремной комнате для посетителей, глядя перед собой. В голове была полная каша. Неужели он впал в безумие? Неужели вот так сходят с ума?

Полиция прибыла на место убийства, следом за ней явились и остальные партнеры, потом Мириам с подругами. Он ни слова никому не сказал, даже Мириам, с которой случилась истерика, и Норма с Джин приводили ее в чувство. Бывшие соратники расценили это как предусмотрительный профессиональный шаг — не давать никаких показаний до назначения адвоката, но близилось начало процесса, а он так и не изъявил желания говорить, несмотря на все мольбы Мириам.

Она все еще была беременна. И до сих пор не отказалась от идеи рожать этого ребенка. Странно — все, что предсказал отец Винсент, сбылось. Кроме этого, последнего, шага. Эта мысль вернула его к действительности. Он внимательно посмотрел на нее.

Мириам выглядела цветущей, как всякая беременная женщина. Она плакала, и слезы отразились на состоянии макияжа, но внешне она казалась вполне здоровой. Даже прежняя бледность на лице исчезла. Быть может, зловещий плод умирал, таял в ее утробе, утратив свою власть над ней? Оставалось только надеяться.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно. Что ты имеешь в виду? Как можно об этом спрашивать теперь?

— Эти черные синяки... они больше не появляются?

— Нет, все в порядке. Я регулярно показываюсь доктору, он говорит, что все хорошо.

Долгое время он не сводил с нее глаз, пристально изучая выражение лица, глаза. Как она изменилась. Практически стала другой женщиной. Вся близость между ними канула в Лету. Ушла, бессмысленно расточилась. Они больше не являлись частью друг друга. Они стали чужими. Он покачал головой. Просто поразительно, она стала совершенно незнакомой. Из глаз исчезло

прежнее тепло. Это он, ребенок, зловещее наследие, точил ее изнутри, питаясь ее любовью.

И доктор — он из того же стана врагов. Это он пытается сохранить жизнь ребенка.

— Мириам, перестань ходить к этому доктору, — потребовал он.

— Боже мой, Кевин, что с тобой происходит! Ты сошел с ума?

— Я не сошел с ума, Мириам. И ты это видишь сама.

Она посмотрела на него: ни жалости, ни сочувствия уже не было в этом взгляде. Он чувствовал только отвращение и страх.

— Кевин, зачем ты это сделал? Ради бога, ответь, почему из всех людей в мире ты решил убить именно мистера Милтона?

Охранник у двери вскинул брови и тут же отвел глаза в сторону.

— Ты не поверила мне с самого начала, не веришь и теперь, но все раскроется на суде.

— На суде? — Она усмехнулась. Как все это было на нее непохоже: вся мимика, жесты. Словно бы ее телом и душой уже овладел кто-то изнутри. Так же, наверное, обстояло с Глорией Джеффи. — Какого суда ты ждешь? Тебя признают виновным в убийстве, и ты лишаешь себя последней надежды — защиты таких адвокатов, как Пол, Тед или Дейв. Лучших адвокатов в городе и, быть может, во всей стране.

— Я сделал запрос на адвоката.

— Кто же это?

— Он почти неизвестен на уголовных процессах. Он мало кому известен, не богат и, самое главное, не связан с этим отребьем.

«Впрочем, — прибавил он про себя, — если я проиграю, он запросто может стать одним из них».

— Но, Кевин, разве благоразумно поступать так?

— Более чем благоразумно. У меня появится шанс открыть правду на процессе.

— Пол говорит, что тебя может спасти только медицинское освидетельствование. Обвинение выдвигает убийство первой степени. Если это будет прокурорская экспертиза, тебя признают находившимся в полном сознании. Пол говорит, что это заблокирует линию защиты — единственная надежда для тебя будет потеряна.

— Еще бы. Уж он-то найдет тебе любых медицинских экспертов. И меня признают окончательно безумным.

— О да! Он предлагает замечательного доктора, к которому фирма уже раньше обращалась.

Намек понятен, подумал он. С каждой минутой было все яснее — она становится одной из них. Бесплезно говорить с ней до окончания процесса.

— Доктора сказали однозначно: я психически здоров и способен отвечать за свои поступки. Если же меня признают невменяемым, правды не узнает никто.

Он подался вперед, осторожно, стараясь не привлечь внимания надзирателя.

— Но этого никогда не случится, Мириам. Мы не станем обращаться за повторной экспертизой. Никогда. — И решительно рубанул ладонью по столу, так, что она даже привскочила.

Мириам пискнула и закрыла рот ладонью. Глаза ее остекленели, наливаясь влагой. Она покачала головой.

— Все просто убиты тем, что случилось — наши родители, коллеги, Норма и Джин.

— А как же Хелен? — он скривился в безумной усмешке. — Вы, поди, про нее уже забыли, в этой суматохе? И ты, и все остальные.

— Я не забыла про нее. И никто не забыл. В том, что случилось с тобой, есть и ее вина, но она была очень больна и не отвечала за то, что делала и говорила.

Открыв ридикюль, Мириам достала оттуда дамский платочек, чтобы промокнуть слезы на щеках. Затем она выудила маленькое зеркальце и стала поправлять косметику — тот урон, что был нанесен ей слезами.

— Слава богу, она пошла на поправку.

— В самом деле? — Он сдвинулся в сторону. — И как именно? Она умерла?

— Кевин, что ты такое говоришь. Если я говорю — пошла на поправку — это значит, что ей стало лучше. Лечение помогло. Она вышла из комы. Появился аппетит, она уже может говорить вполне вразумительно. Пол надеется, что через неделю ее можно будет забрать домой.

— Вот как? Домой? Она никогда не изъявляла желания туда возвращаться.

— А вот теперь, представь себе, постоянно только об этом и спрашивает — когда мы заберем ее туда. Норма и Джин постоянно ее навещают. Говорят, это прямо чудо.

— Вот как? — усмехнулся он откровенно.

— Теперь ты понимаешь, что может сделать медицина. Если бы тобой некоторое время занялись психиатры.

— Нет уж, спасибо, — он встал и покачал головой.

— Кевин!

— Ты лучше иди, Мириам, я в самом деле устал и должен подготовиться к разговору с адвокатом. Главное — держи меня в курсе дела, если с тобой что-то произойдет.

— То есть?

— Скоро это случится.

— Что случится? Кевин, ты снова пугаешь меня.

— Увидишь, — лаконично отозвался он, поднимаясь.

Скрестив руки за спиной, он повернулся к решетке. Странно, подумалось ему вдруг. Если Хелен в самом деле пошла на поправку, то с чего это ее потянуло обратно? Или ее чем-то напичкали в амбулатории — стерли память и все остальное? А вдруг ей сделали лоботомию?

И почему Мириам беременна? Отец Винсент ведь сказал, что, как только дьявол окажется умерщвлен — в его телесном обличье, то и его потомство в людях исчезнет. Почему все затягивается? И сколько это еще будет продолжаться? Или он не знал про этого доктора, который работает на фирму? Надо поговорить с ним. Почему священник так ни разу и не явился повидаться с ним? И почему он вызвал полицию? Это было неотъемлемой частью ритуала?

Много непонятного ... слишком много. Ему предстоит защищаться на процессе самостоятельно. Он докажет, что совершил убийство в пределах необходимой самообороны. Это будет пик его юридической карьеры: он будет отстаивать свои интересы, свою правду один, без адвоката со стороны, и докажет всем, что он спас человечество, убив дьявола.

— Мы запросили на освидетельствование данные с компьютера, — пробормотал он, — и показания Беверли Морган. А потом еще есть

Маккензи, который может рассказать об их последней встрече, отец Винсент... человек духовного сана, к тому же психиатр, который верит в существование дьявола.

— Со мной все в порядке, — твердил он, по пути в камеру.

— Само собой, — откликнулся надзиратель. — Пока ты в наших руках.

Кевин не услышал его. Когда за ним закрылась железная дверь, он бросился к койке и через несколько секунд уже лихорадочно строчил в блокноте, вытащенном из-под подушки.

Имя адвоката было Уильям Самсон. Двадцатисемилетний юрист походил больше всего на молодого Ван Джонсона — типичный американец, юный, свеженький, как кусок яблочного пирога. Самсон отказывался верить своей удаче. Такое громкое дело плыло прямо в руки. Прежде у него была всего одна уголовная защита: оправдание девятнадцатилетнего ученика колледжа, обвиненного в ограблении винно-водочной лавки, неподалеку от университета, с применением оружия. Грабитель был в лыжной маске, и полиция по горячим следам обнаружила у парня такую же дома, при отсутствии прочего горнолыжного снаряжения. Лыжником он не был. К тому же подходил под внешнее описание, соответ-

ствуя ростом и телосложением, и были весьма серьезные свидетельские показания, что у него карточные долги. И все же были сомнения в его виновности, поскольку полиция так и не обнаружила пистолета, и, к тому же, подруга подтверждала его алиби, свидетельствуя, что в тот вечер подозреваемый был у нее.

Однако Самсон ничуть не сомневался в том, что она лжет. У него была слабая вера в свидетельские показания, пусть даже под присягой. Узнав об этом, подруга тут же впала в панику. За день до суда он посоветовал клиенту пойти на переговоры. Он убедил прокурора ограничиться только невооруженным нападением. Поскольку это была первая судимость, сошлись на шести месяцах заключения плюс пять лет условно.

Кевин не был посвящен в детали преступления. Да ему и дела не было. Ему был нужен по возможности честный юрист, не подверженный дьявольскому растлению, вот и все. На первой встрече Кевин объяснил адвокату, что он намерен отстаивать убийство в целях самозащиты. Самсон терпеливо выслушал, делая пометки, но чем дальше говорил Кевин, тем яснее становилось, что помощи ждать неоткуда. Самсон уже составил мнение о клиенте: сумасброд, типичный случай истерической паранойи. С особенным воодушевлением он порекомендовал повторно медэкспертизу.

Кевин отказался.

— Именно этого они и добиваются, — сказал он. — Хотят, чтобы моя речь на процессе прозвучала как слова безумца.

— В таком случае вынужден признать, что не смогу защищать вас, — с чистой совестью заявил Уильям Самсон. — Никто не поверит подобным мотивам преступления. Так что простите, мистер Тейлор...

Кевина разочаровала его реакция, однако он не подал виду. Уильям Самсон, быть может, был подающим надежды молодым адвокатом, но и он действовал в рамках системы, являясь, по сути, ее рабом. Он тоже в свое время был тружеником системы. Неожиданно это чувство придало ему новые силы.

— В таком случае я буду сам себя защищать, — заявил он. — Но, все равно, приходите. Быть может, удивитесь.

Уильям Самсон уже и без того успел удивиться, узнав, что психиатры признали его предполагаемого подзащитного полностью дееспособным. Этот молодой человек готов был из кожи вон лезть ради оправдания своих подзащитных, как это часто бывает с ретивыми начинающими адвокатами. Конечно, он подозревал, что Кевин Тейлор темнит, скрывая настоящие мотивы преступления, прикрывая их идеей о проделках Сатаны и его приспешников.

Когда Кевин прочел заключение психиатрической комиссии, первое, что он подумал: это — шанс. Теперь он получил возможность выступить на процессе, как человек, находящийся в здравом уме и трезвой памяти. Люди должны это услышать. Неужели сан отца Винсента не убедит дюжину присяжных?

Однако все обернулось крахом.

Во-первых, никаких файлов «Будущее» в конторе Джона Милтона не оказалось. Они просто исчезли. Назначенная комиссия не отыскала равным счетом ничего и близко похожего на описываемые им документы. Файлы просто исчезли. Они не числились в списке меню.

— Они уничтожили их, — убежденно заявил Кевин. — Я мог это предполагать.

Само собой, никто не прислушался к его словам, и тем не менее он считал, что игра еще не проиграна.

В первый день процесса Тодд Ланген, очередной помощник окружного прокурора, чуть старше Боба Маккензи, но с более внушительным и располагающим видом, развернул на процессе линию обвинения. Ланген напомнил Кевину его самого. Он, помнится, в свое время был таким же самоуверенным и самодовольным. Прокурор заверил присутствующих, что перед ними — вполне обычное дело, замешенное на ревности. Ланген объявил Кевина хладнокровным убийцей, сочинившим

в свое оправдание смехотворную историю в надежде на снисходительность медицинской комиссии. Стало быть, и речи не может идти о том, что он умертвил Джона Милтона в целях самообороны. Это было хладнокровно и расчетливо подготовленное убийство. Норма и Джин также предстали перед судом, подтвердив то, что Кевин рассказывал Мириам о Джоне Милтоне, по сути, из ревности клевета на него. Они — с удивлением в глазах — рассказали, что он требовал аборта, заподозрив ее в том, что она беременна от шефа. Мириам, по их словам, была совершенно убита подобным отношением супруга к первенцу.

На перекрестном допросе Кевин пытался вывести обеих на разговор о судьбе Глории и Ричарда Джеффи, однако не получил ни слова в поддержку своей версии. Тогда он перешел к показаниям Хелен Сколфилд, отсутствующей на процессе. Однако подруги отказались признать, что слышали от Хелен что-либо подобное. После чего Ланген вторично опросил их: и Джин показала лишь то, что Хелен по-прежнему находится на излечении.

— Едва ли можно признать, что данная особа находится в здравом уме и твердой памяти, — заключил Ланген. После чего обернулся к жюри присяжных: — И, само собой, мистер Тейлор, в прошлом блестящий и подающий надежды молодой адвокат, недавно выигравший дело в суде, не мог не отдавать себе в этом отчета.

Затем к присяге были приведены Пол, Дейв и Тед. Все они подтвердили благородный характер мистера Милтона и лучшие намерения покойного. Они рассказывали о его преданности правосудию и о тех благодеяниях, которые он успел сделать для них и их близких. Снова пошли разговоры о преданности семейной фирме и полное отрицание того, что Джон Милтон был бабником и когда-либо покушался на их жен.

Кевин довольно скоро понял, что дальнейший опрос свидетелей — дело совершенно бесполезное. Они были детьми Джона Милтона, готовыми солгать и под присягой. Судья поднял молоток, утихомиривая шум в зале.

Затем обвинение выставило вещественное доказательство — окровавленный клинок в виде распятия. На нем были отпечатки пальцев, освидетельствованные экспертом. Впрочем, Кевин ничего не отрицал.

Ланген уверенно завершил линию обвинения.

Кевин собирался выйти к барьеру, чтобы изложить свою версию, но решил, что сначала лучше выпустить последних свидетелей. Он собирался начать с Беверли Морган. Однако она не смогла явиться на процесс. Бывшая медсестра-сиделка семейства Ротбергов ныне находилась в госпитале, в состоянии тяжелого алкогольного отравления. Присутствующий лечащий врач заверил со-

став суда: весьма маловероятно, что она появится на процессе.

Тогда Кевин вызвал Боба Маккензи. Однако его воспоминания об их последней встрече сильно отличались от того, что помнил Кевин. Маккензи признал, что Кевина Тейлора беспокоили дела фирмы, и в особенности то, что любому из ее клиентов удастся выйти сухим из воды, но Маккензи объяснил ему, что дело здесь в профессионализме, и лично ему такое положение вещей не кажется подозрительным.

— Очевидным мотивом, — продолжал Маккензи, — была месть. Обвиняемый был уверен, что его жена находится в любовной связи с директором фирмы.

Кевин не верил собственным ушам:

— Лжец! — вскричал он. — Я никогда не говорил ничего подобного!

Ланген опротестовал вспышку негодования, и судья поддержал его.

— Продолжайте задавать конкретные вопросы свидетелю или возвращайтесь на место.

— Ваша честь, но он лжет.

— Это решать присяжным. Будут у вас еще вопросы к мистеру Маккензи?

— Да. Скажите, вы советовали мне обратиться к отцу Винсенту?

— Да, советовал, — признал Маккензи.

— Хорошо. В таком случае разъясните суду, чем было мотивировано это предложение.

— Я считал, что мой добрый знакомый, отец Винсент, сможет помочь обвиняемому. Он лицензированный психиатр. Он мог проконсультировать и указать другие выходы для агрессии.

— Что-о?

Маккензи, не дрогнув лицом, обернулся и посмотрел в зал.

Проследив за его взглядом, Кевин обнаружил там улыбающихся Пола Сколфилда, Теда Маккарти и Дейва Коутейна. Рядом с ними сидели женщины: Норма с Джин успокаивали Мириам. Она посмотрела на него тем же убитым взглядом, как на процессе Лоис Уилсон, отирая тыльной стороной ладони слезы со щек.

В этот миг ему показалось, что он снова очутился на том процессе. Как раз в тот момент, когда он еще только собирался приступить к перекрестному допросу свидетельницы: маленькой десятилетней девочки. Когда еще не совершил своего непоправимого поступка. Перед ним был выбор. Что это — сон? Или он в самом деле может повернуть время вспять?

Голос судьи вернул его к реальности.

— Мистер Тейлор?

Он снова посмотрел на Маккензи, хранившего ту же улыбку на лице, что и остальные «партнеры».

Конечно, подумал Кевин. Конечно.

— Как же я не предусмотрел, — рассмеялся он. — Я должен был это предвидеть. Какая глупость. Я был совершенным глупцом, не так ли? Да? — обратился он к Маккензи.

Тот забросил ногу на ногу и обернулся к судье в поисках поддержки.

— Мистер Тейлор? — повысил голос судья.

— Ваша честь, — откликнулся Кевин, приближаясь к месту свидетеля и грозно трясая пальцем. — Мистер Маккензи является частью этого... заговора. И недаром он проигрывает все дела, за которые берется фирма «Джон Милтон и партнеры».

Ланген вскочил:

— Протестую, Ваша честь.

— Протест принят. Мистер Тейлор, я вас предупреждал. Говорите по существу. А все остальное оставьте для последнего слова обвиняемого.

Кевин оглянулся на присяжных. Там его встретили по большей части растерянные и непонимающие лица. Некоторые смотрели на него с нескрываемой неприязнью. Он склонил голову. Волна непонимания обрушилась на него, точно океанский вал. Отец Винсент, священник... Он его последняя надежда.

Кевин вызвал отца Винсента.

Маленький человек выглядел необычно — в двубортном костюме и при галстуке. Теперь он

более походил на психиатра, и менее всего — на священника.

— Отец Винсент, расскажите суду суть нашей беседы о Джоне Милтоне.

— Боюсь, что тем самым я буду вынужден открыть медицинскую тайну.

— Тайну священника, вы хотите сказать.

Отец Винсент развел руками, вежливо улыбаясь и давая понять, что на суде он выступает исключительно в роли психиатра.

— В любом случае вы можете смело говорить обо всем.

Отец Винсент вопросительно посмотрел на судью.

— Вы имеете право отказаться, конечно...

— В таком случае, — боднул головой воздух маленький священник. — Я расскажу — если мой пациент ничего не имеет против. — Он обернулся к присяжным. — Мистера Тейлора переадресовал ко мне Боб Маккензи. Достаточно было первого собеседования, чтобы понять, в каком смятении и расстройстве чувств находится пациент. Он открыл мне свое желание расправиться с мистером Милтоном за то, что тот якобы соблазнил его жену. И при этом мотивировал все тем, что на самом деле его оппонент является олицетворением зла. Самим дьяволом во плоти.

Я пытался воззвать к здравому рассудку и объяснить, что с ним происходит на самом деле.

Я надеялся, что он справится со своим гневом и подозрениями. Но для этого нужны были время и новые посещения психиатра.

Но уже в эту ночь мистер Тейлор позвонил мне домой. Изведив, что он совершил убийство. Он находился в истерическом состоянии, но, по моему мнению, вполне отдавал себе отчет в происходящем.

— Оставьте психиатрические заключения при себе, — перебил его Кевин. — Я вызвал вас в суд в роли священника, эксперта по оккультизму и дьяволу. Вы же не станете отрицать, что занимаетесь исследованиями в этой сфере. Вы проводите научные исследования?

— Научные исследования по дьяволу? Едва ли такое возможно.

— Но... разве не вы давали мне Библию, для того чтобы проверить, не является ли мистер Милтон дьяволом во плоти?

Отец Винсент только усмехнулся в ответ.

— Разве не вы вручили мне распятие, чтобы заколоть его?

Смерив его взглядом, отец Винсент снова повернулся к присяжным.

— Конечно же, нет. Все эти заявления представляются мне столь же фантастическими, как и вам.

— Даже священник! — вскричал Кевин, вздымая руки к потолку. — Даже священнослужитель-

тели — с ним. Вы тоже один из его сыновей не так ли? Признавайся, отродье! И вы, все? — он обернулся, обводя взглядом судейство, присяжных, зал.

— Мистер Тейлор, — окликнул его судья, поднимая молоток.

Кевин обернулся к нему, ткнув пальцем:

— И ты! Все вы. Разве вы не видите, он поработил вас всех. Все они, — выкрикнул он присяжным, — его сыновья.

Наконец двоим судебным исполнителям пришлось его унять, чтобы обвинение в свою очередь могло приступить к допросу отца Винсента. Ланген предъявил ему толстый кожаный том.

— Это та самая Библия, найденная у ног Джона Милтона. Вы уже свидетельствовали, что не передавали ее мистеру Тейлору с целью проведения этого шаманского испытания, не так ли?

— Да.

Ланген раскрыл Библию.

— Не будете ли столь добры прочитать, что здесь написано? — Он передал книгу отцу Винсенту.

— «Джону». Дарственная надпись. «Да успокоит тебя эта книга в трудную минуту. Ваш друг кардинал Томас».

— Вот видите, забавное совпадение имени жертвы — и только, — саркастически заметил

Ланген, положив Библию на стол вещественных доказательств.

Больше свидетелей у Кевина не было, и ему совершенно нечего было выставить в свою защиту. Но обвинение продолжило опрос, вызвав Пола Сколфилда, Дейва Коутейна и Теда Маккарти. Все они подтвердили, что видели это распятие в спальне Джона Милтона и что оно всегда висело там над изголовьем, с самого начала. Он приобрел его во время поездки в Европу, и ему чрезвычайно понравилась эта вещь.

— Таким образом, — заключил Ланген, — как мы видим, участие в этом деле отца Винсента исключено. Он никогда не давал Кевину Тейлору в руки этого оружия для истребления пресловутого «дьявола».

После чего Ланген приступил к чтению обвинительного акта, в котором заклеил Кевина как успешного адвоката по уголовным делам, совершившего хладнокровное преднамеренное убийство, прибегнув впоследствии к смехотворной истории о дьяволе, чтобы заставить присяжных усомниться в своей дееспособности.

— Не забывайте, что мистер Тейлор — адвокат и весьма умелый. Он часто помогал своим клиентам уйти от карающей руки правосудия, пользуясь всевозможными уловками вроде этой. Но на этот раз, — заключил Ланген, — ему не удастся напустить туман. — Он вытянул указующий перст

в сторону подсудимого. — Кевин Тейлор виновен в убийстве почтенного члена общества, талантливого адвоката — убийстве, совершенном в приступе безумной ревности. На этот раз подающему надежды адвокату защиты не удастся манипулировать правдой.

Присяжные согласились с прокурором. Он был признан виновным в убийстве первой степени и приговорен к сроку: двадцать пять лет тюремного заключения.

ЭПИЛОГ

Кевин словно оцепенел. Сперва его никто не беспокоил; практически никто с ним не разговаривал, о его существовании будто забыли напрочь. Он даже подумал, что, может быть, стал невидимкой или просто находится где-то в другом месте, а не в тюрьме строгого режима в предместье Нью-Йорка.

Мириам навестила его на третий день. Впрочем, разговора как такового не состоялось, они больше переглядывались через решетку. Кажется, их разделяют тысячи миль — так далеки они были друг от друга. До него долетали только обрывки бессмысленных фраз. Все, что осталось в голове: «Наши родители встречались... я играю... Хелен вернулась».

— Разве это не чудесно, — заметила она в конце, — что Джон Милтон оставил счет на воспитание нашего ребенка? Он и сироте Джеффи оставил кругленькую сумму, — и точно такие же счета приготовлены для потомства остальных партнеров. Пол с Хелен уже собираются взять ребенка на воспитание.

Поздно, слишком поздно, крутилось в голове, пока он разглядывал ее выпяченный живот. Или это казалось — не мог же он так вырасти за столь короткий срок?

— Я не хочу, чтобы мои родители имели дело с этим ребенком, — вырвалось у него наконец.

— С каким ребенком? — смущенно улыбнулась она.

— С его ребенком.

— Ах, ты опять. Ну хватит, сколько можно. Я надеялась, что ты прекратишь говорить такие ужасные вещи, когда все кончится.

— Все кончилось. Повторяю, я не хочу, чтобы мои родители воспитывали этого ребенка.

— Хорошо, не будут. С чего ты это взял? — огрызнулась она. — С чего это тебе пришло в голову. Кто им даст?

— Ни они, ни твои — не должны иметь с ним ничего общего.

— Я сама воспитаю нашего ребенка.

Он покачал головой.

— Я пытался спасти тебя, Мириам. Только в последний момент ты поймешь — когда будет уже поздно. И ты вспомнишь обо мне и выкрикнешь мое имя. И я услышу тебя, но уже не смогу ничем помочь.

— Я этого не вынесу, Кевин. Если бы ты знал, чего мне стоило прийти сюда, но эта беседа — она выше моих сил. Я больше не приду, пока ты не прекратишь это, ты понимаешь?

— Не имеет значения. Слишком поздно, — повторил он.

Она вскочила:

— Все. Я уйду. И, если ты захочешь, чтобы я вернулась, напиши мне. Письменно пообещай, что больше не будешь разговаривать со мной в подобном тоне, — сказала она, поворачиваясь к выходу.

— Мириам!

Она обернулась.

— Найди картину Хелен, если они ее еще не уничтожили. Присмотрись к ней.

— Никто ее не уничтожал. Она продана. Ее купил Боб Маккензи. Ему нравятся такие вещи.

Кевин рассмеялся. Этот безумный смех ускориł ее уход.

Он размышлял — сейчас у него для этого было достаточно времени, и практически ничего другого не оставалось. Итак, он раскрыл истинные дела фирмы Джона Милтона. И что дальше — какую пользу ему могла принести эта информация? Маккензи его предал, что оставалось делать — обращаться к генеральному прокурору? Все это могло закончиться только принудительным лечением. И откуда ему знать, насколько разветвлена и коррумпирована эта система, центром которой он считал Джона Милтона? Он не смог вынудить Мириам пойти на аборт, и она уже не верила ни единому его слову. Ребе-

нок убьет ее, и Джон Милтон продолжит свое потомство.

Никто не поверит в реальность всего того, что ему довелось узнать. Он не смог их остановить. Но зачем они использовали его для убийства Джона Милтона?

Ответ пришел несколько дней спустя. Он сидел в тюремной столовой, механически пережевывая пищу и отключившись от звуков и картины внешнего мира.

Внезапно он ощутил близкое присутствие других людей, слева и справа, они терлись плечами — и еще двое или больше встали перед ним. Они глазели на него, подмигивали, развязно улыбаясь. Все они были словно на одно лицо, ничем не отличаясь от прочих сокамерников.

— Привет, — подал голос один, обнажая пожелтевшие зубы. Губы его кривились в похотливой в усмешке.

— Скучаешь, — заметил тот, что был слева и схватился рукой за бедро Кевина.

Он попытался сдвинуться, но сзади уперлось чужое колено. Он был окружен. Желудок внезапно свела судорога. Он понял, что эти скоты собираются с ним сделать — подвергнуть последнему унижению. Тот, что слева, впился пальцами в мышцу, и он не мог сдвинуться ни на дюйм в сторону. Кевин не мог даже закричать и позвать на помощь.

Вдруг небольшая толпа раздвинулась, пропуская крепкого чернокожего человека, которому поспешно уступили место за столом. Бугры мускулов проступали сквозь тюремную робу, на крепкой шее сплетались мышцы и сухожилия, напоминавшие древесные корни. Это был какой-то бесчувственный механизм, произведенный на свет все той же системой, начищенный и аккуратно подстриженный. Черные блестящие зрачки, окруженные молочного цвета белками, уставились на Кевина.

Он улыбнулся, и все остальные тоже заулыбались. Все смотрели на него. Казалось, вся их энергия, вся жизненная сила зависела от этого человека.

— Здравствуйте, мистер Тейлор, — произнес черный человек. Кевин кивнул. — Давно вас ждем.

— Меня? — у него сорвался голос.

Улыбки расплзлись по лицам.

— Кого-то вроде вас.

— Ах, вон оно что, — отозвался Кевин, обводя взглядом эти лица. Значит, ему суждено быть чем-то вроде шлюхи.

— О нет, нет, мистер Тейлор, — сказал черный человек. — Вы неправильно поняли. Вы здесь вовсе не для этого. Это они могут получить в любое время от других, — добавил он, и тут же сосед слева убрал руку с бедра. Они мгновенно раздвинулись, освобождая пространство.

Кевин облегченно вздохнул.

— Нет, мистер Тейлор, вы для нас намного важнее.

— Я?

— Да, сэр. Все мы, как и вы, видим «небо в клетку». — Толпа расхохоталась. Все с улыбками разглядывали его. — А все почему? Все потому, что у нас были паршивые адвокаты.

— Вот именно, — энергично закивали некоторые.

— И нам теперь надо подавать апелляции на пересмотр приговора.

— Что?

— Да, сэр, и вы этим займетесь. У нас здесь, по иронии судьбы, одна из лучших юридических библиотек. Нет только адвоката, который бы во всем этом разобрался.

— Но... — большие черные ладони легли на стол. — Вот наконец появились вы, чтобы помочь нам всем... помочь каждому. И пока вы будете этим заниматься, всякий будет называть вас мистером Тейлором и относиться к вам с уважением. Верно, мальчишки?

Все закивали.

— Вот так. А вы, отчего бы вам сразу после обеда не прогуляться прямо в библиотеку и не встретиться с Меченым. Это наш библиотекарь, из заключенных. Он давно ждет себе помощника, мистер Тейлор. И вы с Меченым... будете как сиамские близнецы, неразлейвода.

Послышались смешки.

— А Меченый уж все объяснит, на месте. Понятно, мистер Тейлор?

Все замерли, и взгляды пересеклись на нем.

— Да, — выдал он. — Я все понял. Полностью.

— Вот и отлично, мистер Тейлор. Просто отлично. — Чернокожий гигант выпрямился. — Передавайте привет Меченому, — он подмигнул, и толпа раздвинулась, пропуская его, а затем, окружив по сторонам, поспешила следом, и Кевин остался в полном одиночестве.

Вот, значит, какая роль была уготована Ричарду Джеффи, подумал он. Вот что подразумевал Пол Сколфилд, когда во время их первой встречи сказал, что у него есть серьезное предложение от «Джона Милтона и партнеров». Хелен Сколфилд была права: Ричард Джеффи поступил благородно, выбрав смерть. Он предпочел ее вечной казни.

И отец Винсент не обманывал его. Дьявол верен своим последователям и остается с ними до самого конца.

Он встал. Казалось, в большом зале столовой все замерли, глядя ему вслед, даже надзиратели. Он шел, точно на гильотину, вязкими, медленными шагами, растянувшимися во времени. Скорость, с которой падет нож, теперь всецело зависит от его мужества и совести. Но сейчас у него не хватит присутствия духа.

Он был как Сизиф, обречен катить камень в гору и наблюдать, как тот срывается с вершины. И все же продолжать заниматься этим снова, потому что верит, что любое существование лучше никакого.

Так ли это?

Он знал, что ждет его впереди, двигаясь по коридору в библиотеку. Возможно, он всегда это знал. Зло, притаившееся в его сердце, скрывало эту истину до поры до времени, но тем не менее ответ всегда был там.

Он распахнул дверь. Размеры тюремной библиотеки были в самом деле впечатляющими.

Здесь царили тишина и спокойствие. Из-за столика с лампой медленно поднялся мужчина и двинулся навстречу.

Меченый.

Он улыбался. Он знал, что Кевин придет. Конечно же, знал.

И чем ближе он подходил, тем все более знакомым становилось лицо, пока полностью не проявились черты, навеки отпечатавшиеся в сердце.

И снова Кевин предстал перед отеческим взором Джона Милтона.

Литературно-художественное издание

Эндрю Найдерман

АДВОКАТ ДЬЯВОЛА

Ответственный редактор *Сергей Бережной*

Литературный редактор *Светлана Абовская*

Художественный редактор *Валерия Маслова*

Технический редактор *Елена Траскевич*

Корректор *Людмила Самойлова*

Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 03.05.2005.

Формат издания 75×100¹/₃₂. Печать высокая.

Усл. печ. л. 19,32. Тираж 7000 экз. Заказ № 1495.

Издательство «Амфора».

Торгово-издательский дом «Амфора».

197342, Санкт-Петербург, наб. Черной реки, д. 15, литера А.

E-mail: amphora@mail.ru

Отпечатано с диапозитивов

в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького

Министерства РФ по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Закон — одна из главных опор современного общества, могучее оружие защиты интересов граждан. Но, как и всякое оружие, оно может попасть в недобрые руки.

Кевин считает себя хорошим адвокатом. Он выигрывает одно дело за другим, становится известен и в конце концов получает предложение стать одним из ведущих сотрудников корпорации Джона Милтона.

Но кто такой сам Джон Милтон? Почему в его словах, внешне безупречных, так часто слышится второй смысл — словно зловеющий шепот, который проползает между букв прямо в душу и выедаёт ее изнутри? Почему каждый новый виток головокружительной карьеры Кевина выглядит так, как будто это не взлет в небеса, а спуск по кругам Ада?

Читайте грандиозный мистический триллер, в знаменитой экранизации которого снялись герой «Матрицы» Киану Ривз и лауреаты «Оскара» Аль Пачино и Шарлиз Терон!

www.amphora.ru

9 785942 788513

ISBN 5-94278-851-0

издательство
амфора

OM
журнал